2 шк
Л
„Пров

ЛЮТНЯ.

X 1

СОБРАНІЕ

СВОБОДНЫХЪ РУССКИХЪ ПѢСЕНЪ

И

СТИХОТВОРЕНІЙ.

ПЯТОЕ, 30-ТИ СТИХАМИ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

(Laute. Sammlung russischer Freiheitslieder und Gedichte. Fünfte, mit 30 Gedichten vervollständigte Auflage.)

ЛЕЙПЦИГЪ: Э. Л. Каспровичъ. | LEIPZIG: E. L. Kasprowicz.

1879.

2 экз
Л

3956
24

Мое призваніе.

(И. П. Беранже.)

На произволъ судьбы
Я брошенъ въ міръ, бездомный,
Отъ горя, отъ борьбы
Ничѣмъ не огражденный —
И на тяжелый вздохъ,
На первый ропотъ мой —
„Пой!“ — провѣщалъ мнѣ Богъ:
„Бѣдняжка, пой!“

Мнѣ наглымъ блескомъ жжетъ
Глаза богачъ спесивый,
Гнететъ меня, гнететъ
Вельможа горделивый —
И злоба и порокъ
Кишатъ передо мной!
„Пой!“ говоритъ мнѣ Богъ:
„Бѣдняжка, пой!“

Страшася злой нужды,
Я выбралъ жребій скромный,
И выносилъ труды
Обязанности темной;
Въ оковахъ изнемогъ,
Измученный, больной —
„Пой!“ говорилъ мнѣ Богъ:
„Бѣдняжка, пой!“

Любовь меня отъ зла
Когда-то охраняла,
Но молодость прошла
И съ ней любовь пропала;
Теперь, лежу у ногъ
Красавицы съ тоской —
„Пой!“ говоритъ мнѣ Богъ:
„Бѣдняжка, пой!“

Такъ въ пѣсняхъ золотыхъ
Я буду жить для свѣта —
И тотъ, кто любитъ ихъ,
Тотъ любитъ и поэта.
Сомкнись, друзей кружокъ
За чашей пировой —
Да возвѣститъ мнѣ Богъ:
„Бѣдняжка, пой!“

Перев. В. Курочкинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Святится имя Твое!

	Стр.
Благодать Господня	3
Боже! Царя храни	5
Вечерняя молитва	6
Въ концѣ недѣли	8
Молитва	9
Молитва	10
Молитва	11
Молитва узника	12
На Воскресеніе Христово	13
О правосудный Богъ	14
Передъ образомъ Спасителя	15
Псаломъ 81	16
Псаломъ 102	19
Утренняя молитва	23
Утренняя пѣснь	24

Впередъ! Впередъ!

4-го Августа	29
Александру I-му	32
Альпухары	34
Апостолъ	36
Аррестантъ	38
Ахъ, гдѣ тѣ острова	40

Стр.
Ахъ, ты сукинъ сынъ, проклятый становой . . . 42
Ай и скучно же мнѣ! . . . 43
Богомолка . . . 44
Русскій Богъ . . . 45
Боже! коль благъ еси . . . 46
Послѣдняя борьба . . . 46
Насильный бракъ . . . 47
Братцы! дружно пѣсню грянемъ . . . 50
Верхъ премудрости . . . 52
Видѣніе . . . 53
Видѣніе Анны Іоанновны . . . 55
Тюремныя видѣнія . . . 58
Воевода . . . 65
Возвращеніе . . . 67
Война . . . 69
Вольность . . . 70
Вставайте! оковы распались . . . 74
Въ память Добролюбова . . . 75
Въ память юнскихъ дней 1848 года . . . 76
Въ Сибирь . . . 77
Гимнъ . . . 78
Глинскій . . . 79
Годовщина . . . 83
Новый годъ . . . 87
1831-й годъ . . . 88
Гражданинъ . . . 89
Гренадеры . . . 90
Два рыцаря . . . 91
Декабристамъ . . . 93
Долго насъ помѣщики душили . . . 94
Дорога . . . 96
Друзьямъ въ Россіи . . . 96
Друзьямъ на выступленіе гвардіи . . . 97
Дума сокола . . . 98
Дядя, ты въ походахъ . . . 100
Духъ Мойсеевы . . . 101
Жилъ на свѣтѣ русскій царь . . . 102

Стр.
Замѣчанія старообрядца 105
Заповѣди отщепенца 107
Изъ Гейне 108
Изъ: „Wintermärchen“ 108
Изъ за матушки, за Волги 110
Китайскій Императоръ 110
Русскій императоръ 112
Искандеру 113
Кабакъ 114
„Кавеньякъ, говоритъ“ 114
Казакъ 116
Старый капралъ 118
Кинжалъ 120
Кнутъ I. 121
Кнутъ II. 122
„Когда нашъ Новгородъ великій“ 123
Колоколъ 124
Конь 125
Русская кровь льется 126
Курбскій 127
Къ арестанту 129
Къ народамъ 130
Къ Судьямъ 131
Михайлову 132
Юнкерская молитва 133
Море сна 134
Москва 1846-го марта 1-го 135
Гражданское мужество 135
Мысли Россіянина 139
Навуходоносоръ 143
На наводненіе 145
На родинѣ 146
Русскому народу 146
На смерть Пушкина 154
На смерть Чернова 157
Четыре націй 158
Старый нищій 160

Стр.
Не гордись передъ Бѣлградомъ 161
Не слышно шуму городскаго 162
Нѣтъ, не рожденъ я биться лбомъ! 163
Ода на свободу 164
Современная ода 167
Двуглавый орелъ 168
Отвѣтъ на посланіе Пушкина „Въ Сибирь“ . . . 170
Кавказскому Офицеру 171
Охотники 172
О цензурѣ 173
Паденіе Севастополя 176
Петру Великому 177
Письмо въ тюрьму 180
Полночь съ 31-го Декабря на 1-й Января 180
„Полюбила ты брата убогаго“ 182
Поминки 183
Новая порода 185
Посланіе къ Чаадаеву 186
Посланія 187
При извѣстіи о польской революціи 188
Прокаженный 189
Пророкъ 191
Пророчество 192
Послѣднее прости! 193
Птичка 194
Птичка 196
Путь 197
Далекій путь 199
Пѣвецъ 200
Русскій пѣвецъ 201
Пѣсня 203
Пѣсня браннаго воинства 204
Пѣсня изъ Гейне 205
Казачья колыбельная пѣсня 206
Колыбельная пѣсня 207
Пѣсня крымскимъ солдатамъ. I. 209
„ „ „ II. 212

Стр.
Пѣсня К...ой 215
Ослушная пѣсня 215
Пѣсня плѣннаго 217
Пѣсня погибающаго 218
Пушневая пѣсня 220
Современная пѣсня 221
Пѣсня странника 221
Пѣсня умирающаго поэта 223
Уральская пѣсня 224
Пѣсня „Что не вѣтеръ шумитъ во сыромъ бору“ . 227
Родина наша 228
Моя Родословная 229
Рожденіе Мессіи 231
Росинки 234
Плѣнный Рыцарь 236
Свобода 237
Свободы гордой вдохновенье 238
Сказка 239
„Славься свобода и честный нашъ трудъ“ 240
Свободное слово 240
Смерть Ермака 241
Совершеннолѣтіе 244
Русскому солдату 245
Сонъ 246
Споръ 249
Сравненіе Петербурга съ Москвой 253
Стихотвореніе рабочаго 254
Студентамъ 255
Божій судъ 256
Сѣятель 258
„Тебя призвалъ на брань святую“ 258
Тоска по родинѣ 259
Новая тюрьма 260
„Ужъ какъ шелъ кузнецъ“ 262
„Ужъ опять, не бывать“ 263
Узникъ 264
Умирающіе 266

Стр.
Упованіе 266
Урокъ 268
Французамъ 271
Христосъ воскресъ 272
„Царь нашъ нѣмецъ прусскій“ 273
„Что буду дѣлать я?“ 274
„Что такъ вѣтеръ воетъ глухо?“ 275
Черная шаль 276
Старая Шарманка 278
Эпиграмма 280
„Эхъ, солдатское житье!“ 281
„Эхъ, товарищи любезны!“ 283
Прощаніе 284

СПИСОКЪ

ПѢСЕНЪ ПО АВТОРАМЪ.

	Стр.
Аксаковъ, К., Петру Великому	177
Апостолъ	36
Беранже, И. П., Навуходоносоръ	143
— Охотники	172
— Птичка	194
— Прощаніе	284
— Старый капралъ	118
— Старый нищій	160
— Урокъ	268
Бестужевъ, А. А., Прокаженный	189
— Пѣсня К...ой	215
— Утренняя пѣсня	24
— Пѣсня: „Что не вѣтеръ шумитъ во сыромъ бору“	227
— 4-го Августа	29
Насильный бракъ	47
Братцы! дружно пѣсню грянемъ	50
Верхъ премудрости	52
Тюремныя видѣнія	58
Война	69
Въ память Добролюбова	75
Въ память юнскихъ дней 1848 года	76

Стр.
Вяземскій, П. (Князь), Русскій Богъ 45
— Боже! коль благъ еси. 46
— Сравненіе Петербурга съ Москвой 253
Гейне, Г., Гренадеры 90
— Изъ Гейне 108
— Изъ: „Wintermärchen“ 108
— Китайскій Императоръ 110
— Пѣсня 205
— Умирающіе 266
Гербель, Н., см. Мицкевичъ.
— Годовщина. (18-го Февраля, 1856 года.) 83
Гражданинъ 89
Давыдовъ, Д., Богомолка 44
Два рыцаря 91
Двуглавый орелъ 168
Декабристамъ 93
Дядя, ты въ походахъ 100
Жилъ на свѣтѣ русскій царь 102
Замѣчанія старообрядца 105
Заповѣди отщепенца 107
Изъ за матушки, за Волги 110
Искандеру 113
„Кавеньякъ, говоритъ“ 114
Кнутъ (I.) 121
Кнутъ (II.) 122
„Когда нашъ Новгородъ великій“ 123
Кольцовъ, А. В., Дума сокола 98
— Передъ образомъ Спасителя 15
— Послѣдняя борьба 46
— Путь 197
Крыловъ, А., Конь 125
Курочкинъ, В., см. Беранже.
Кюхельбекеръ, В. К., Благодать Господня . . . 3
— Вечерняя молитва 6
— Въ Концѣ недѣли 8
— Молитва 9
— Молитва узника 12

Стр.
Кюхельбекеръ, В. К., Море сна 134
— На Воскресеніе Христова 13
— На смерть Чернова 157
— О правосудный Богъ 14
— Полночь съ 31-го Декабря на 1-й Январь . . 180
— Поминки 183
— Псаломъ 102 19
— Росинки 234
— Утренняя Молитва 23
Къ арестанту 129
Къ судьямъ 131
Лермонтовъ, М. Ю., Казачья колыбельная пѣсня 206
— Молитва 10
— На смерть Пушкина 154
— Плѣнный Рыцарь 236
— Пророкъ 191
— Юнкерская молитва 133
Михайлову 132
Михайловъ, М. Л., см. Гейне.
Мицкевичъ, А., Альпухары 34
— Воевода 65
— Друзьямъ въ Россіи 96
Москва 1846-го Марта 1-го 135
Мысли Россіянина 139
На родинѣ 146
Некрасовъ, Н., Колыбельная пѣсня 207
— Новый годъ 87
— Современная ода 167
Не слышно шуму городскаго 162
Нѣтъ, не рожденъ я биться лбомъ 163
Огаревъ, Н., Арестантъ 38
— Возвращеніе 67
— Дорога 96
— Кабакъ 114
— Колоколъ 124
— Свобода 237
— Сонъ 246

Стр.
Одоевскій, А. И. (Князъ), Далекій путь . . . 199
— При извѣстій о польской революціи 188
Ослушная пѣсня 215
Отвѣтъ на посланіе Пушкина „Въ Сибирь“ . . . 170
Кавказскому Офицеру 171
О цензурѣ 173
Печеринъ, В., Пѣснь умирающаго поэта 223
— Пѣсня 203
Письмо въ тюрьму 180
Плещеевъ, А. Н., Изъ Гейне. 108
— Молитва 11
— Птичка 196
Полежаевъ, А., Божій судъ 256
— Пѣснь плѣннаго 217
— Пѣснь гогибающаго 218
— Четыре націи 158
Полюбила ты брата 182
Посланія 187
Пророчество (Январь, 1852) 192
Послѣднее прости!... 193
Псаломъ 81 16
Пушкинъ, С. А., Боже, Царя храни! 5
— см. Мицкевичъ.
— Вольность 70
— Въ Сибирь 77
— Друзьямъ на выступленіе Гвардіи 97
— Казакъ 116
— Кинжалъ 120
— На наводненіе 145
— Ода на свободу 164
— Посланіе къ Чаадаеву 186
— Пушневая пѣсня 220
— Пѣвецъ 200
— Пѣсня странника 221
— Моя Родословная 229
— Сказка 239
— Сѣятель. 258

Стр.
Пушкинъ, С. А., Христосъ воскресъ 272
— Черная шаль 276
— Эпиграмма 280
Пѣсня браннаго воинства 204
Пѣсня крымскимъ солдатамъ. I. 209
„ „ „ II. 212
П. П., Къ народамъ 130
— Что буду дѣлать я? 274
Родина наша 228
Рожденіе Мессіи 231
Русская кровь льется 126
Русскій императоръ 112
Русскій пѣвецъ 201
Русскому народу (Декабрь, 1854) 146
Русскому солдату 245
Рылѣевъ, К. Ѳ., Александру I-му 32
— Ахъ, гдѣ тѣ острова! 40
— Ахъ ты сукинъ сынъ, проклятый становой! . 42
— Ай и скучно же мнѣ 43
— Видѣніе 53
— Видѣніе Анны Іоанновны 55
— Глинскій 79
— Гражданинъ 89
— Курбскій 127
— Гражданское мужество 135
— Свободы гордой вдохновенье 238
— Смерть Ермака 241
— Ужъ какъ шелъ кузнецъ 262
— Узникъ 264
— Царь нашъ нѣмецъ прусскій 273
Свободное слово 240
Славься свобода и честный нашъ трудъ 240
Совершеннолѣтіе 244
Современная пѣсня 221
Споръ 249
Сперанскій, Мойсей 101
— Новая порода 185

Стр.
Сперанскій, Паденіе Севастополя 176
— Тоска по родинѣ 259
Старая Шарманка. 278
Стихотвореніе рабочаго 254
Студентамъ 255
Новая тюрьма 260
Ужъ опять, не бывать 263
Упованіе 266
Уральская пѣсня 224
Французамъ 271
Холодовской-Цыбульскій, П., Долго насъ помѣщики душили 94
Хомяковъ, Вставайте, оковы распались! 74
— Не гордись передъ Бѣлградомъ 161
— Тебя призвалъ на брань святую 258
— 1831-й годъ 88
Что такъ вѣтеръ воетъ глухо 275
Эхъ, солдатское житье! 281
Эхъ, товарищи любезны! 283
Шиллеръ, Ф., Пушкевая пѣсня 220
Языковъ, Гимнъ 78

СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ!

Благодать Господня.

Хвала и слава будь Тебѣ,
Владыко, Боже мой!
Ты пекся о моей судьбѣ,
Ты былъ всегда со мной.

Къ Тебѣ взывалъ ли въ страхѣ я —
Не тщетенъ былъ мой зовъ:
Благій! Премудрый! длань Твоя
Мой щитъ и мой покровъ.

На одръ скорбей я палъ, стеня:
„Спаси!“ я такъ молилъ...
Ты спасъ, Ты исцѣлилъ меня:
Хвала, источникъ силъ!

Врагомъ бывалъ ли оскорбленъ,
Восплачусь предъ Тобой:
Ты дашь терпѣнье — врагъ прощенъ
И въ сердцѣ вновь покой.

Блуждаю ли въ своемъ пути,
Призрàками прельщенъ,

Промолвлю: „путь мой освѣти!“
Гляжу — и осѣщенъ.

Скорблю, ни гдѣ отрады нѣтъ:
„Ахъ! долго-ль?“ вопію,
И утѣшенье Твой отвѣтъ
На жалобу мою.

Ты Богъ благій, Ты щедрый Богъ,
Отецъ того, кто сиръ;
Въ нуждѣ, въ соблазнахъ мнѣ помогъ;
Ты шлешь мнѣ мощь и миръ.

Хвала! и горе Твой посолъ:
Сближаюсь имъ съ Тобой,
Въ немъ слышу Твой живой глаголъ;
Хвала, наставникъ мой!

Земля и твердь и поле волнъ
Твоей любови храмъ;
Твоихъ даровъ не міръ ли полнъ?
Хвала! Ты далъ ихъ намъ.

Хвала, хвала за кровь того,
Кто грѣшныхъ смертью спасъ!
Нашъ Богъ и сына своего
Не пожалѣлъ для насъ.

О, сколь Господь насъ возлюбилъ!
Издай же пѣсни, грудь!
Органомъ славы Богу силъ,
Народъ Господень, будь!

Онъ преклоняетъ слухъ на стонъ,
Речетъ — и стона нѣтъ!
Насъ по искусѣ краткомъ онъ
Восхититъ въ вѣчный свѣтъ.

Мой духъ, на милость уповай,
Которой нѣтъ конца;
Сколь благъ твой Богъ незабывай
И чти законъ Отца.

В. К. Кюхельбекеръ.

Боже! Царя храни.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли:
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю,
Все ниспошли.

Тамъ громкой славою,
Сильной державою.
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь — безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ —
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань,
Гласъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца стремленія —
Вотъ наша дань!

С. А. Пушкинъ.

Вечерняя Молитва.

Погаснулъ день: склонился міръ къ покою;
Открыли небеса
Въ безчисленныхъ свѣтилахъ надо мною
Господни чудеса.

Съ обзора солнце свелъ и въ твердь ночную
Возводитъ Богъ луну,
И шумъ прервать и суету земную
Повелѣваетъ сну.

Онъ предписалъ успокоенью время
И срокъ дневнымъ трудамъ:
Сложу-жь и я съ раменъ усталыхъ бремя
И членамъ отдыхъ дамъ.

Но на отрадномъ не проструся ложѣ,
Доколѣ предъ Тобой
Не взыйдетъ гласъ моихъ хваленій, Боже,
Господь и пѣстунъ мой!

Съ одра возставъ, воззвалъ я — и моленью
Ты внялъ, Владыко силъ!
И подъ Твоею благодатной сѣнью
Я день сей совершилъ.

Отецъ, Твои щедроты кто исчислитъ?
Кто взвѣсить ихъ возмогъ?
Тебѣ воздать никто да не помыслитъ,
Благій безъ мѣры Богъ?

Душѣ и тѣлу Ты готовишь яству,
Ты съ нами каждый часъ;
Какъ вѣрный пастырь охраняетъ паству,
Такъ охраняешь насъ.

Ты дѣлу нашихъ рукъ успѣхъ даруешь,
Ты, преклонясь къ слезамъ,
И нашъ недугъ и нашу скорбь врачуешь,
И шлешь отраду намъ.

Внемли-жъ моимъ вздыханіямъ сердечнымъ,
Мольбамъ моей души:
Всѣхъ бо́льшее къ даяньямъ безконечнымъ
Творецъ мой приложи!

Омой купелію христовой крови
Меня отъ всѣхъ грѣховъ.
И на пути къ Тебѣ, отецъ любови,
Будь вождь мой и покровъ!

А всѣ свои заботы и печали
Возвергну на Тебя:
Мнѣ въ благо ихъ Твои же руки дали —
Что-жъ мнѣ крушить себя?

Потокъ отрадный вѣры и надежды
Ты въ перси мнѣ пролей —
И я безъ трепета закрою вѣжды
До утреннихъ лучей.

Не только для меня — ты будь защитой
Всѣхъ драгоцѣнныхъ мнѣ:
Пусть Твой народъ, рукой Твоей прикрытый,
Почіетъ въ тишинѣ!

Когда же блеску солнца ранній пѣтелъ
Провозгласитъ привѣтъ,
Да вспрянетъ духъ мой, радостенъ и свѣтелъ,
И бодръ, и въ мощь одѣтъ!

Ты будешь первой мыслію моею
И я, отвергнувъ страхъ,

Воздвигнусь — и съ Тобой, мой Богъ, успѣю
Во всѣхъ своихъ трудахъ.
В. К. Кюхельбекеръ.

Въ Концѣ Недѣли.

Летятъ! возврата нѣтъ часамъ,
Назначеннымъ отъ Бога намъ:
За ночью день, за мракомъ свѣтъ —
И вотъ уже недѣли нѣтъ.

Хранитель благостный! хвала
За всѣ любви Твоей дѣла —
Хвала за тьму щедротъ Твоихъ!
Когда и гдѣ не видимъ ихъ?

Свободны ли мы отъ вины,
Кѣмъ были мы укрѣплены?
Тобою побѣдили грѣхъ,
Ты далъ намъ силу и успѣхъ!

И кто предъ Богомъ чистъ и правъ?
Увы! грѣшимъ и не узнавъ!...
О милосердье! о любовь!
Ходатай нашъ — Христова кровь!

Несемся по потоку дней,
Все ближе къ вѣчности Твоей;
Тобой сочтенъ нашъ каждый часъ:
Послѣдній Ты сокрылъ отъ насъ.

Тебя мы молимъ, Царь вѣковъ:
Да не страшитъ насъ зовъ гробовъ!
И на судѣ насъ оправдай,
И смертью насъ веди въ свой рай!

Окончивъ скользкій путь земной,
Твоей отеческой рукой
Да будемъ, Боже, взяты мы
Въ Твой горній домъ изъ дола тьмы!

Тамъ сумрака, тамъ ночи нѣтъ,
Тамъ блещетъ неизмѣнный свѣтъ:
О солнце правды! намъ Твой лучъ
Да свѣтитъ средъ житейскихъ тучь!

В. К. Кюхельбекеръ.

Молитва.

Прибѣгну къ Господу съ мольбою,
Небеснаго взыщу Отца:
Недай мнѣ Боже пасть душою,
Но да крѣплюся до конца!

Ты знаешь испытаній мѣру,
Что мнѣ во благо, знаешь Ты:
Пролей живительную вѣру
Въ меня съ надзвѣздной высоты!

Душа моя не есть ли поле
Изсохшее въ тяжелый зной?
О Боже! Боже мой! до колѣ
Отринутъ буду а Тобой?

Не презри Твоего созданья —
Твое творенье я, Творецъ!
Нечистыя мои мечтанья,
Сорви, исторгни, какъ волчецъ!

Низвергни въ море преступленья,
Грѣхъ буйной юности моей!
Даруй мнѣ тихія моленья!
Очисти взоръ моихъ очей!

Да устремлю туда желанья,
Гдѣ ужаса и скорби нѣтъ,
Гдѣ блескомъ вѣчнаго сіянья
Господень вертоградъ одѣтъ!

В. К. Кюхельбекеръ.

Молитва.

Я, матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ.

Не за свою молю душу пустинную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго —
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.

Скружи счастіемъ душу достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойну,
Сердцу незлобному міръ упованія.

Срокъ ли приблизится часу прощальному
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

М. Ю. Лермонтовъ.

Молитва.

О Боже мой, возстанови
Мой падшій духъ, мой духъ унылый.
Я жажду вѣры и любви,
Для новыхъ битвъ я жажду силы.

Запуганъ мракомъ ночи я —
И въ немъ я ощупью блуждаю;
Ищу въ свѣтильникѣ свой огня,
Но гдѣ обрѣсть его не знаю.

Въ изнеможенья скорбный часъ
Простри спасительныя руки —
Да упадетъ завѣса съ глазъ,
Да прочь идутъ сомнѣнья муки.

Внезапнымъ свѣтомъ озарёнъ,
Отъ лжи мой умъ да отрѣшится,
И вмѣстѣ съ сердцемъ да стремится
Постигнуть истины законъ.

Услышь, о Боже, голосъ мой!
Да возлюбивъ всѣмъ сердцемъ брата,
Во тьмѣ затерянной тропой —
Пойду я вновь — и безъ возврата!

А. Н. Плещеевъ.

Молитва узника.

Руку простри надъ моею темницей,
Господи! сирую душу мою
Ты осѣни милосердой десницей!
Господи, Боже, къ Тебѣ вопію!

Нѣтъ! своего не погубишь созданья!
Скорбныхъ ли чадъ не услышитъ Отецъ?
Зри мои слёзы, сочти воздыханья —
Вѣры моей не отвергни, Творецъ!

Мнѣ не избавиться смертныхъ рукою:
Другъ мой и ближній мнѣ гибель изрекъ...
Такъ! я спасуся единымъ Тобою!
Господи! что предъ Тобой человѣкъ!

Боже мой! тяжки мои преступленья!
Мѣрила нѣтъ моимъ тяжкимъ дѣламъ...
О, да воскресну изъ узъ заточенья
Чистъ и угоденъ господнимъ очамъ!

Будь для меня исцѣляющей чашей,
Чашей спасенья, мой горестный плѣнъ!
Слёзы! — омоюсь купелію вашей:
Новъ я изыду изъ сумрачныхъ стѣнъ —

Новъ и для жизни, Ему посвященной...
Онъ мой спаситель, защитникъ и Богъ!
Съ неба внимаетъ молитвѣ смиренной:
Милостивъ Онъ, Онъ отечески строгъ!

В. К. Кюхельбекеръ.

На Воскресеніе Христово.

Душа моя, ликуй и ной,
Наслѣдница небесъ:
Христосъ воскресъ, Спаситель твой
Воистину воскресъ!

Такъ! адъ предъ сильнымъ изнемогъ
Изъ гробовыхъ веригъ,
Изъ ночи смерти сына Богъ
И съ нимъ тебя воздвигъ.

Изъ свѣта вѣчнаго Господь
Сошолъ въ жилище тьмы;
Облекся въ персть, одѣлся въ плоть,
Да не погибнемъ мы!

Неизреченная любовь
Всѣхъ таинствъ высота!
За насъ свою святую кровь
Онъ проліялъ съ креста.

Чистѣйшей кровію своей
Насъ, падшихъ, искупилъ
Отъ мукъ и гроба — изъ сѣтей
И власти темныхъ силъ.

Христосъ воскресъ, Спаситель мой
Воистину воскресъ!
Ликуй, душа: Онъ предъ тобой
Раскрылъ врата небесъ.

В. К. Кюхельбекеръ.

О правосудный Богъ.

О правосудный Богъ!
Сотри гордыни рогъ,
И отъ пустыхъ тревогъ
Насъ сохрани!

Царей мучителей,
Фронта любителей,
Правды гонителей
Искорени!

Воинство бранное,
Силой набранное,
Отъ клятвы данныя
Освободи!

Нашей державою,
Самъ полный славою,
Въ битвахъ за волю
Руководи!

И какъ орелъ вольна,
Силъ молодыхъ полна,
Пускай цвѣтетъ она,
На радость намъ.

Пускай могучею,
Вѣчно гремучею,
Гибельной тучею
Будетъ царямъ.

В. К. Кюхельбекеръ.

Передъ образомъ Спасителя.

Предь Тобою, мой Богъ!
Я свѣчу погасилъ,
Премудрую книгу —
Предъ Тобою закрылъ

Твой небесный огонь
Негасимо горитъ,
Безконечный Твой міръ
Предъ очами раскрытъ;

Я съ любовью къ тебѣ
Погружаюся въ немъ;
Со слезами стою
Передъ свѣтлымъ лицомъ!

И напрасно весь міръ
На Тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Онъ Тебя осуждалъ:

На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
И спокоенъ, и тихъ,
До конца ты молилъ
За злодѣевъ своихъ!

А. В. Кольцовъ.

Псаломъ 81.

Возстанетъ Богъ и гласъ громовъ
Безстрашныхъ трепетать принудитъ,
Онъ снидетъ въ соимъ земныхъ Боговъ
И каждаго дѣла разсудитъ!
Могучіе! сей близокъ часъ!
Ужъ пламенникъ любви погасъ,
Померкли міра дни златые,
Готовъ Архангелъ вострубить.
Страшитесь время пробудить
Глаголомъ правды души злыя!

Богъ ввѣрилъ вамъ судить людей,
Стеречь ихъ собственность, свободу;
А вы подъ лаврами царей
Врагами стали смертныхъ роду —
Закономъ сдѣлавши обманъ,
Употребивши средствомъ санъ,
Поставивъ цѣлью самовластье
Осмѣлившись присвоить громъ,
Назвавшись міра божествомъ,
И рушили вы смертныхъ счастье.

Пріявши власть добро творить,
Возможность защищать гонимыхъ,
Безъ страха правду говорить,
Не зрѣть на лицы подсудимыхъ —
Вы все творите напротивъ!
И совѣсть лестью усыпивъ,
Среди утѣхъ, пировъ блестящихъ,
Не слышите стенящихъ вдовъ,
Поющихъ истину пѣвцовъ
И нищихъ, подъ окномъ просящихъ.

...ТЕКА...

Вы боги! а несчастныхъ стонъ
Царю царей на васъ доноситъ;
Корыстью скованный законъ
Отмщенья вамъ всечасно проситъ;
Вы будіи а правду ложь,
Какъ жертвенный двуострый ножъ,
Нещадно рѣжетъ днемъ и ночью;
Вы стражи — и богатыхъ власть,
Презрѣвъ чужой семьи напасть,
Безсильныхъ давитъ тяжкой мощью.

Еще ли, Бога не боясь,
Хотите правду гнать напрасно;
Народнымъ жалобамъ смѣясь,
Судить подобныхъ самовластно,
Законовъ разумъ превращать,
Суму у бѣдныхъ похищать,
Тѣснить защиты неимущихъ
Невинность безъ вины винить,
Лицепріятіе хранить,
Щадить разбойниковъ могущихъ?

Еще ли отъ насильныхъ рукъ
Гонимаго не защитите,
Вдовамъ не облегчите мукъ
Заслугамъ крова не дадите —
Еще ли обольстясь мечтой,
Для выгоды своей одной,
Въ чужихъ слезахъ не взявъ участья,
Дерзнете рабство продолжить,
Рѣшитесь жертвовать, служить,
Какъ Богу, идоламъ пристрастья?

Судьи! услышьте правды гласъ!
Любимцы счастья — пробудитесь!
Вспомяньте грозный, смертный часъ
И властью срочной не гордитесь!

Престаньте ближнихъ презирать,
Неправосудьемъ раздирать
Святую хартію Завѣта,
Исправьте злобныя сердца,
Покуда медлить гнѣвъ Творца,
И день не наступилъ отвѣта.

Судите такъ, какъ судитъ Богъ:
Преслѣдуйте однѣ дѣянья!
Богатъ ли кто, или убогъ —
Не различайте состоянья.
Подайте руку какъ друзьямъ:
Рабамъ, священникамъ, князьямъ!
Любите всѣхъ, чтобъ васъ любили,
Чтобъ Богъ за зло не воздалъ зломъ,
Не осудилъ васъ тѣмъ судомъ,
Какимъ и вы другихъ судили.

Не внемлютъ и вотще пѣвецъ
Укорный голосъ посылаетъ —
Жестокость каменныхъ сердецъ
Не чувствуетъ, не понимаетъ.
Ходя во тьмѣ пороковъ злыхъ,
Всѣ алчутъ почестей земныхъ
Богатствъ, коронъ, боготворенья,
Все также бѣдныхъ презрѣнъ стонъ,
Оставленъ Богъ, забытъ законъ,
И нѣтъ злодѣйству исправленья!

Раздвиньтесь пропасти земли!
Чертоги сильныхъ потряситесь!
И всѣ, что злотворить могли,
Низринътесь въ бездну и пожритесь!
Зря власть судей, я мыслить могъ,
Что каждой судія есть Богъ,
Что всѣ они безсмертны чада,
А вы!... подъ блестками вѣнцовъ,

Какъ и послѣдній изъ рабовъ.
Вы дѣти смерти, жертвы ада!

Возстань Богъ силъ! гряди судить
Судей, неправедно судящихъ!
Пора за правду отомстить,
Развѣять сонмы злотворящихъ!
Прерви, прерви терпѣнья срокъ! —
Довольно царствовалъ порокъ,
Корысть свободой торговала,
Богатство притѣсняло честь,
Превозмогала правду десть
И совѣсть долгъ свой забывала.

Подвигнись въ грозныхъ облакахъ,
Шумящимъ пламенемъ промчися,
Ревущей бури на крылахъ
Съ небесъ гремящихъ опустися!
И зло достойно наказавъ,
Возстанови любви уставъ,
Содѣлай всѣхъ людей друзьями,
Всѣ вѣры слей въ одинъ законъ,
Всѣмъ царствамъ дай единый тронъ,
И царствуй міра надъ царями.

Псаломъ 102.

Благослови, благослови,
Душа моя, Отца любви;
Все, что во мнѣ живетъ и дышитъ,
Да хвалитъ Бога моего,
И славу имени Его
Вселенна да услышитъ!

Огонь священный, влейся въ грудь!
Душа моя, непозабудь
Несмѣтныхъ божіихъ даяній!
Съ тебя смываетъ всякій грѣхъ,
Господь, податель всѣхъ утѣхъ,
Цѣлитель всѣхъ страданій.

Онъ Богъ твой: не погаснешь ты
И средь могильной темноты!
Щедротами тебя вѣнчая,
Онъ всѣ твои желанья зритъ;
Во благо, вѣрь, ихъ совершитъ
Его рука святая.

И какъ возносится орелъ,
Который въ небо путь нашелъ,
И пьетъ изъ солнца жизнь и радость —
И ты такъ въ небо воспаришь
И силой Бога обновишь
Неблекнущую младость.

Когда и кто постичь возмогъ,
Сколь милостивъ Господь, мой Богъ,
Сколь благъ и дивенъ Вседержитель?
Бездонный океанъ щедротъ
Безсильныхъ, горестныхъ сиротъ,
Гонимыхъ Онъ хранитель.

Неизреченно благъ мой Богъ,
Господней благости залогъ!
Законъ, ниспосланный любовью,
Законъ святой, источникъ силъ,
Который Божій сынъ скрѣпилъ
Своей чистѣйшей кровью.

Благій снисходитъ долго намъ:
Намъ воздаетъ не по дѣламъ,
Но по винѣ насъ наказуетъ;

Не держитъ гнѣва до конца:
Да взыщешь Божія лица —
И Богъ ужъ не враждуетъ!

Нѣтъ мѣры и предѣла нѣтъ
Эѳиру, коимъ міръ одѣтъ:
Такъ милосердію нѣтъ мѣры,
Которымъ всюду, всякій часъ
Всевышній окружаетъ насъ
Къ нему ли быть безъ вѣры?

Надежду на него взложи:
Отстань отъ суеты и лжи,
Отъ беззаконья и порока
И скорби, что тебя тягчатъ —
Имъ удалятся, какъ закатъ
Отдвинутъ отъ востока.

Какъ любящій дѣтей отецъ,
Такъ смертныхъ милуетъ Творецъ.
Онъ знаетъ насъ, онъ помнитъ — кто мы:
Не пепелъ ли, не прахъ ли мы?
Не всѣ ли въ ночь могильной тьмы
Съ рожденія влекомы?

Травѣ подобится нашъ вѣкъ,
Какъ цвѣтъ — такъ вянетъ человѣкъ:
Сегодня — живъ, заутра — въ гробѣ;
Исчезли всѣ его труды —
Онъ былъ ли? нѣтъ уже нужды
Ни дружеству, ни злобѣ.

Могилы сынъ, не унывай!
Твой путь земной не путь ли въ рай?
Живетъ его любовь святая
Изъ вѣка въ вѣкъ и безъ конца;
Къ творенію любовь творца
Живетъ, не умирая.

Господни милость и покровъ
Пребудутъ на сынахъ сыновъ
Тѣхъ, коимъ свята власть Господня —
Не небеса-ль его престолъ?
И не Ему-ль подвластны долъ,
И твердь, и преисподня?

Создатель онъ и царь всего...
Хвалите Бога своего,
Того, кому вы предстоите,
Могущій сонмъ Егоословъ!
Полки Его святыхъ рабовъ,
Царя благословите!

Вы гласу внемлете Его:
Да славословите Того,
Чьи совершаете веленья!
Вы, тьмы и тьмы духовъ и силъ,
Вы, рати солнцевъ и свѣтилъ,
Вы — рукъ Его творенья!

Міры и звѣзды пѣснь ему!
Псалмомъ Владыкѣ своему
Да будетъ вся его держава!
Благослови, благослови
Душа моя Отца любви!
Ему во вѣки слава!

В. К. Кюхельбекеръ.

Утренняя Молитва.

Отецъ хранитель, Боже мой!
Подъ сѣнью Твоего покрова
Я сладостный вкушалъ покой —
И вотъ открылъ я вѣжды снова!

Ты создалъ свѣтъ златаго дня,
Ты создалъ мракъ отрадной ночи —
И день и ночь блюдутъ меня
Твои недремлющія очи.

Благій! воздать могу ли я
Твоей любви неизреченной?
Не приметъ жертвы длань Твоя;
Ты требуешь души смиренной —

Души боящейся грѣховъ,
И чистой, и прямой, и вѣрной,
И любящей Твоихъ сыновъ
Любовію нелицемѣрной.

О, милосердый мой отецъ!
Я отъ Тебя ли что сокрою?
Ты проникаешь тьму сердецъ,
Ихъ дно раскрыто предъ Тобою.

Я падалъ, падаю сто кратъ...
Но, въ милостяхъ неистощимый,
Ты зришь: я скорбію объятъ,
Терзаюсь я, грѣхомъ тягчимый.

Безъ помощи твоей что я?
Ты вѣдаешь мое безсилье;
Но гдѣ безсильна жизнь моя,
Тамъ мощно силъ твоихъ обилье.

О, Боже! духъ мой обнови
И сердце мнѣ создай иное —
Надежды, вѣры и любви
Да свѣтитъ солнце мнѣ святое!

Ты склонишься къ мольбѣ моей:
Христовой кровью омовенный,
И я въ числѣ твоихъ дѣтей,
Небесъ наслѣдникъ обреченный.

Сей день, мнѣ посланный Тобой,
Да будетъ мнѣ къ Тебѣ ступенью!
Да будетъ на стезѣ земной
Мнѣ шагомъ къ горнему селенью!

В. К. Кюхельбекеръ.

Утренняя Пѣснь.

Твой первый долгъ — благодаренье
Къ Творцу! — душа вспорхнула вновь —
Господь твое услышитъ пѣнье;
Воспой ему хвалу, любовь!
Въ своей охранѣ, слабосильный,
Я легъ — и тихо, мирно спалъ;
Кто-жъ благодатью столь обильной
Меня хранилъ, мнѣ сонъ послалъ?

Се Ты, Господь, владыка свѣта!
Тобой мы движемся, есмы —
Се Ты, по благости совѣта,
Меня возставилъ вновь изъ тьмы!
Хвала святому Провидѣнью!
Хвала Тебѣ, Господь, Богъ силъ,
Что мнѣ еще день къ наслажденью
По тихой ночи присудилъ!
Пошли Твое благословенье,
Подаждь мнѣ путь Твой совершить,
И Самъ мнѣ дáруй наставленье
Тебѣ угодное творить!
Ты будь и впредь мой Богъ-хранитель,
Надежда вся моя, Творецъ!
Будь мнѣ въ напасти покровитель
И къ слабостямъ моимъ отецъ!
Подай мнѣ сердце непорочно,
Исполненно любви къ другимъ,
Чтобъ ревностно, всегда и точно
Къ дѣламъ стремилося благимъ!
Чтобъ я, какъ сынъ благословенный,
Къ добру питалъ и правдѣ страсть,
А не страстями ослѣпленный,
Порокамъ отдался во власть.
Чтобъ трудности не опасался
Я въ нуждѣ ближнимъ помогать,
Ихъ мирнымъ счастьемъ восхищался,
Умѣлъ сердецъ ихъ цѣну знать.
Чтобъ благо жизни скоротечной
Я съ благодарностью вкусилъ,
И съ духомъ радостнымъ въ путь вѣчный
По манью Твоему вступилъ!

А. А. Бестужевъ.

ВПЕРЕДЪ! ВПЕРЕДЪ!

4 Августа.

На голосъ: „Бонапарту не до пляски—
Растерялъ свои подвязки
И кричитъ пардонъ....

Какъ четвертаго числа,
Насъ нелегкая несла,
Горы занимать. (bis.)

Баронъ Вревскій енаралъ,
Къ Горчакову приставалъ,
Когда были подъ шефе: (bis.)

„Князь, возьми ты эти горы,
Не входи со мной ты въ споры,
Право донесу.“ (bis.)

Собирались на совѣты,
Все большіе эполеты,
Даже Плацъ-Бекокъ. (bis.)

Полицмейстеръ Плацъ-Бекокъ
Никакъ выдумать не могъ,
Что ему сказать. (bis.)

Долго думали, гадали,
Топографы все писали
На большихъ листахъ. (bis.)

Чисто писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,
Какъ по нимъ ходить. (bis.)

Выѣзжали князья, графы,
А за ними топографы
На большой редутъ. (bis.)

Князь сказалъ: „ступай Липранди!“
А Липранди — „нѣтъ, атанде,
Я ужъ не пойду; (bis.)

Туда умнаго не надо,
А пошли ка ты Реада —
А я посмотрю.“ (bis.)

А Реадъ — возьми, да спросту,
Поведи насъ прямо къ мосту,
„Ну-ка на уру!“ (bis.)

Веймарнъ плакалъ, умолялъ,
Чтобъ немножко обождалъ!
„Нѣтъ, ужъ пусть идутъ.“ (bis.)

И „уру“ мы прошумѣли,
Да резервы не поспѣли,
Кто-то перевралъ. (bis.)

На Федюхины высоты
Насъ всего пришло двѣ роты,
А пошли полки. (bis.)

Енаралъ то Ушаковъ,
Тотъ ужъ вовсе не таковъ,
Все чего-то ждалъ. (bis.)

Долго ждалъ онъ дожидался,
Пока съ духомъ не собрался,
Рѣчку перейти. (bis.)

А Бѣлявцевъ енаралъ
Тотъ все знаменъ потрясалъ,
Вовсе не къ лицу. (bis.)

Наше войско не большое,
А французовъ ровно вдвое,
И сукурсу нѣтъ. (bis.)

Ждали-выйдетъ съ гарнизона
Къ намъ на выручку колонна,
Подали сигналъ. (bis.)

А тамъ Сакенъ енаралъ,
Все акаѳисты читалъ,
Богородицѣ. (bis.)

И пришлось намъ отступать,
. . . . . .
Кто куда водилъ?! (bis.)

А какъ перваго числа
Ждали батюшку царя
Мы у Фотъ-Сала. (bis.)

И въ усердномъ умиленьи,
Ждали всѣ мы награжденья —
Не далъ ничего. (bis.)

А. А. Бестужевъ.

Александру I-му.

Ужасенъ времени полетъ
И для самихъ любимцевъ славы!
Еще, о царь, въ пучину лѣтъ
Умчался годъ твоей державы —
Но не прошла еще пора,
На перекоръ судьбы и року,
Какъ прежде, быть творцомъ добра
И грознымъ одному пороку.

Обѣтомъ связанный святымъ
Идти во слѣдъ Екатеринѣ,
Ты будешь подданнымъ своимъ
Посломъ небесъ, какъ былъ до нынѣ.
Ты понялъ долгъ святой царя,
Ты знаешь цѣну человѣка
И, къ благу общему горя,
Ты разгадалъ потребность вѣка.

Благотворить — героевъ цѣль.
Для сердца твоего не чужды
Права народовъ и земель
И ихъ существенныя нужды.
О царь! весь міръ глядитъ на насъ
И ждетъ иль рабства, иль свободы!
Лишь Александровъ можетъ гласъ
Отъ бурь и бѣдъ спасать народы...

Смотри — священная война!
Земля потомковъ Ѳемистокла
Костьми сыновъ удобрена
И кровью греческой промокла.
Быть-можетъ, яростью дыша,
Еллады жонъ не внемля стону,
Аѳины взявъ, Курдишъ-Паша
Крушитъ послѣднюю колонну.

Взгляни на Западъ! — тамъ въ борьбѣ
Власть незаконная съ законной,
И брошенъ собственной судьбѣ
Съ царемъ испанецъ непреклонной.
Вездѣ броженіе умовъ,
Вездѣ иль жалобы, иль стоны,
Оружій громъ, иль звукъ оковъ.
Иль упадающіе троны.

Равно ужасны для людей
И мятежи, и самовластье.
Гроза народовъ и царей —
Не имъ доставить міру счастье!
Опасны для вѣнчанныхъ главъ,
Не частныхъ лицъ вражды и страсти,
А дерзкое презрѣнье правъ,
Чрезмѣрность, иль дремота власти.

Спѣши-жъ, монархъ, на подвигъ свой,
Какъ витязь правды и свободы,
На подвигъ славный и святой —
Съ царями примирять народы!
Не вѣрь внушеніямъ чужимъ,
Страшись коварныхъ душъ искуства:
Судьями подвигамъ твоимъ
И міръ и собственныя чувства.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Альпухары.

Баллада А. Мицкевича.

Поля, города́ сожжены безъ пощады;
Народъ мавританскій въ цѣпяхъ —
Еще защищаются стѣны Гренады,
Но злая зараза въ стѣнахъ.

Еще защищаютъ — Альма́нзоръ съ вождями —
Вершины родныхъ Альпуха́ръ,
Испанецъ свой стягъ водрузилъ подъ стѣнами —
Заутра послѣдній ударъ.

И вотъ загремѣли орудья съ разсвѣтомъ:
Обрушились стѣны и валъ —
Блеснули кресты надъ большимъ минаретомъ —
И за́мокъ разрушенный палъ.

Одинъ лишь Альма́нзоръ, когда въ оборонѣ
Отряда его лѣгъ головой,
Межъ копій и сабель и пуль отъ погони
Прорвался сквозь вражескій строй.

А гордый Испанецъ, возсѣвъ на руинахъ,
Межъ труповъ и свѣжихъ моги́лъ,
Уже́ пировалъ, и, купаяся въ винахъ,
Добычу и плѣнныхъ дѣли́лъ.

Но стража вождямъ пировавшимъ доноситъ,
Что рыцарь далёкихъ сторонъ
Вождей о свиданьѣ немедленномъ проситъ —
Что съ важною тайною онъ.

И былъ то — Альманзоръ, эмиръ Мавританцевъ:
Покинувъ пріютъ боевой,
Онъ самъ предавалъ себя въ руки Испанцевъ,
Моля ихъ объ жизни одной.

„Испанцъ!“ сказалъ онъ: „во прахъ у порога
„Челомъ я склониться пришолъ;
„Пришолъ я увѣровать въ вашего Бога,
„Услышать священный глаголъ.

„Весь міръ да узнаетъ, что честнымъ булатомъ
„Низложенный царь и герой
„Своихъ побѣдителей хочетъ быть братомъ,
„Вассаломъ короны чужой.“

Испанцы отвагу всегда уважали:
Едва онъ былъ узнанъ вождёмъ,
Какъ тотъ его обнялъ — и всѣ обнимали,
Его лобызали потомъ.

Альманзоръ, на ласки вождей отвѣчая,
Всѣхъ пламенней главнаго сжалъ:
Обнялъ его шею, за руки хватая,
Къ устамъ его крѣпко припалъ.

Затѣмъ ослабѣлъ, на колѣни склонился;
Но все еще слабой рукой
Держась за одежду, за нимъ онъ влачился,
Обматывалъ ноги чалмой.

Взглянулъ, приподнялся — и всѣ изумились,
Такъ блѣденъ и страшенъ онъ былъ,
Такъ страшно глаза его кровью налились,
И смѣхомъ уста искривилъ!

„Смотрите — я блѣденъ, презрѣнные гады!...
„Узнайте же, кто я такой:
„Я васъ обманулъ — возвратясь изъ Гренады,
„Заразу принесъ вамъ съ собой!

„Заразу привѣлъ вамъ своимъ лобызаньемъ —
„И ласки тѣ яда полны!
„Смотрите на корчи, внимайте стенаньямъ:
„Такъ всѣ умереть вы должны!“

И мечется, стонетъ, и, кажется, хочетъ,
Тоскою предсмертной томимъ,
Обнять всѣхъ Испанцевъ, и страшно хохочетъ,
Хохочетъ онъ смѣхомъ глухимъ...

И умеръ. — Еще не сомкнулися вѣки,
И холодъ не тронулъ лица,
А демонскій смѣхъ уже замеръ на вѣки
На блѣдныхъ устахъ мертвеца.

Напрасно Испанцы уйдти торопились!
Зараза не знаетъ преградъ —
И, прежде чѣмъ съ горъ Альпухарскихъ спустились,
Погибъ ихъ послѣдній отрядъ.

(пер. Н. Гербель.)

Апостолъ.

Когда желѣзною рукой
Насъ власти гнетъ повсюду давитъ,
Когда безумный произволъ
Измученнымъ народомъ правитъ,
Когда никто во всей странѣ
Отъ страха устъ раскрыть не смѣетъ,

И силы лучшія людей
Въ дремотѣ тяжкой трепенѣютъ —
Среди страданій и оковъ
Порабощеннаго народа
Иди по селамъ, городамъ,
Кричи: „да здравствуетъ свобода!“

Гдѣ человѣка человѣкъ
Скотиной вьючную считаетъ,
Гдѣ все предъ денежнымъ мѣшкомъ
Колѣни трепетно склоняетъ,
Гдѣ честь и женская любовь,
И человѣка трудъ свободный —
Все покупается съ торговъ,
Гдѣ презираемый, голодный,
Работникъ жизнь свою клянетъ —
Пусть тамъ твое живое слово
Къ борьбѣ со зломъ и къ жизни новой
Народъ молчащій воззоветъ.

Гдѣ сильный слабаго тѣснитъ,
Гдѣ деньги право замѣняютъ,
Гдѣ всюду наглый паразитъ
Народъ безсильный истощаетъ,
Гдѣ человѣка топчутъ въ грязь,
Гдѣ палачи, страны судьбами
Владѣя, нагло душатъ всѣхъ
Своими грязными руками —
Туда иди за славный бой
Во имя правды и свободы,
Туда иди! буди людей!
Зови къ оружью народы!

Не ты виной, когда въ бою
Кровь неповинная прольется;
Безъ жертвъ, безъ крови, безъ борьбы
Народамъ счастье не дается.

Не ты безжалостной рукой
Народа грабилъ достоянье;
Не ты отдалъ его судьбу
Своимъ льстецамъ на поруганье;
Не ты, когда страдалъ народъ,
Въ чертогахъ пышныхъ веселился;
Не ты виной, что онъ за ножъ
Теперь въ отчаяньи хватился.

Иди и не слабѣй въ борьбѣ!
Пусть рѣчь твоя не чмолкаетъ!
Пусть будитъ дремлющихъ она,
Изъ гроба мертвыхъ поднимаетъ!
Когда же, къ радости врагомъ,
Ты попадешся власти въ руки,
Не поблѣднѣешь ты предъ ней,
Въ оковахъ, обреченъ на муки.
И если радостный палачъ,
Тебя, съ улыбкой безсердечной,
Нахально спроситъ: „Чья взяла?“ —
Отвѣть: „Моя взяла, конечно!“

Въ 1876 г.

Арестантъ.

Ночь темна. Лови минуты!
Но стѣна тюрьмы крѣпка,
У воротъ ея замкнуты
Два желѣзные замка.
Чуть дрожитъ вдоль корридора
Огонекъ сторожевой
И звѣнитъ о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

„Часовой!“ — „Что, баринъ, надо?“
„Притворись, что ты заснулъ:
Мимо-бъ я, да за ограду
Тѣнью быстрою мелькнулъ!
Край родной повидѣть нужно,
Да жену поцаловать,
И пойду подъ шелестъ дружный
Въ лѣсъ зеленый умиратъ!...“

„Радъ помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь чай тожъ и я!
Пуля, баринъ, ничего бы,
Да боюся батожья!
Посѣдѣлъ подъ шумъ военный —
А сквозь полкъ какъ проведутъ,
Только комъ окровавленный
На тѣлежкѣ увезутъ!“

Шопотъ смолкъ — — Все тихо снова...
Гдѣ то Богъ подастъ пріютъ?
Толь схоронятъ здѣсь живаго?
Толь на каторгу ушлютъ?
Будетъ вѣчно цѣпь надѣта,
Да начальство станетъ бить...
Ни ножа! ни пистолета!...
И конца нѣтъ сколько жить!

Н. Огаревъ.

Ахъ, гдѣ тѣ острова.

Ахъ, гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растетъ трынь-трава,
Братцы!
Гдѣ читаютъ Pucelle*),
И летятъ подъ постель
Святцы.
Гдѣ Бестужевъ драгунъ
Не даетъ карачунъ
Смыслу.
Гдѣ нашъ князь-чудодѣй**)
Не бросаетъ людей
Въ Вислу.
Гдѣ съ зари до зари
Не играютъ цари
Въ фанты.
Гдѣ Булгаринъ Ѳаддей
Не боится когтей
Танты.
Гдѣ Магницкій***) молчитъ,
А Мордвиновъ†) кричитъ
Вольно.
Гдѣ не думаетъ Гречь,
Что его будутъ сѣчь
Больно.
Гдѣ Сперанскій поповъ
Обдастъ, какъ клоповъ,
Варомъ.

---

*) „La Pucelle d'Orleans", поэма Вольтера.
**) В. К. Константинъ Павловичъ.
***) Бывшій попечитель Казанскаго округа; мистикъ.
†) Извѣстный членъ государственного совѣта при Александрѣ I.

Гдѣ Измайловъ-чудакъ *)
Ходитъ въ каждый кабакъ
Даромъ.
Ты скажи, говори,
Какъ въ Россіи цари
Правятъ.
Ты скажи поскорѣй
Какъ въ Россіи царей
Давятъ.
Какъ капралы Петра
Провожали съ дрора
Тихо;
А жена **) предъ дворцомъ
Разъѣзжала верхомъ
Лихо.
Какъ курносый злодѣй ***).
Воцарился по ней —
Горе!
Но Господъ, русскій Богъ
Бѣднымъ людямъ помогъ
Вскорѣ.
Какъ въ ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — Богъ ихъ прости! —
Отъ пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали
Мѣломъ.
Такъ, въ ненастные дни,
Занимались они
Дѣломъ.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

*) Извѣстный баснописецъ и издатель журнала.
**) Екатерина II.
***) Павелъ I.

Ахъ, ты сукинъ сынъ, проклятый становой.

На голосъ: „Комаринской.“

Ахъ, ты сукинъ сынъ, проклятый становой!
Во всю прытъ бѣжишь, раздуй тебя горой!
Цѣлый станъ, поди, какъ липку ободралъ:
Ахъ, ты сукинъ сынъ, чтобъ чортъ тебя подралъ!

Ахъ, ты сукинъ сынъ, помѣщикъ грубіянъ!
Чай надулъ уставной грамотой крестьянъ,
Ихъ землей, какъ есть, негодной надѣлилъ,
Чорту съ богомъ въ одно время угодилъ.

Ахъ, ты сукинъ сынъ, ярыга-пьяный попъ!
Полицейскій да помѣщичій холопъ;
Что бѣжишь опять о волѣ божьей врать —
Стыдно харей постной бога надувать.

Ахъ, ты сукинъ... то бишь, царской адъютантъ,
Что, на дѣвокъ зарясь, свой теребишь бантъ,
Для чего навелъ ты къ намъ въ село солдатъ?
Не стрѣлять-ли снова вздумалъ не въ попадъ? —

Нѣтъ, братъ, шутки — нашей волѣ не перечь!
Но нѣ вамъ уже насъ болѣе не сѣчь!
Коль земли своей да міръ не господинъ,
Такъ и царь то — смыслитъ дѣла на алтынъ.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Ай и скучно же мнѣ!

Ай и скучно же мнѣ
Во своей сторонѣ;
Все въ неволѣ,
Въ тяжкой долѣ...
Видно вѣкъ такъ вѣковать.

Долго-ль русскій народъ
Будетъ рухлядь господъ,
И людями,
Какъ скотами,
Долго-ль будутъ торговать?

Баринъ съ земскимъ судомъ,
Да съ приходскимъ попомъ,
Насъ морочатъ,
Да волочатъ
По дорогамъ, да судамъ.

А подъ царскимъ орломъ,
Ядомъ поятъ съ виномъ;
Лишь народу
Для заводу
Велятъ вчетверо платить.

А наборами царь
Усушилъ, какъ сухарь;
То дороги,
То налоги —
Разорили насъ въ конецъ.

Ай какъ худо въ Руси,
Что и Богъ упаси:
Аракчѣевъ
Всѣхъ затѣевъ
И всѣхъ бѣдъ тому виной.

Онъ царя подстрекнетъ,
Царь указъ подмахнетъ —
Ему шутка,
А намъ жутко,
Точно такъ, что ой, ой, ой!

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Богомолка.

Кто знаетъ нашу богомолку,
Тотъ съ ней узналъ наединѣ,
Что взоръ плутовки втихомолку,
Поетъ акаѳистъ сатанѣ.
Какъ сладко съ ней играть глазами,
Низъ падая передъ крестомъ,
И окаянными устами,
Перерывать ея псаломъ!
О, какъ люблю ея ворчанье! —
На языкѣ ея всегда
Отказъ скрываетъ обѣщанье,
Нѣтъ, на словахъ — на дѣлѣ да.
И грѣшница, всегда сначала
Она завопитъ горячо:
„О, варваръ! извергъ! я пропала!“
А послѣ: „милый другъ, ещё!“

Д. Давыдовъ.

Русскій Богъ.

Богъ ухабовъ, Богъ мятелей,
Богъ проселочныхъ дорогъ,
Богъ ночлеговъ безъ постелей,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій Богъ.

Богъ холодныхъ, Богъ голодныхъ,
Нищихъ вдоль и поперегъ,
Богъ имѣній бездоходныхъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій Богъ.

Богъ пришельцевъ, иноземцевъ.
Перешедшихъ нашъ порогъ,
Богъ въ особенности Нѣмцевъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій Богъ.

Богъ всѣхъ съ Анною на шеѣ,
Богъ лакеевъ безъ сапогъ,
Баръ служащихъ какъ лакеи,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій Богъ.

Къ глупымъ полонъ благодати,
Къ умнымъ черезъ мѣру строгъ,
Богъ всего что есть не кстати,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій Богъ.

Князь П. Вяземскій.

Боже! коль благъ есн.

Боже! коль благъ есн,
Всѣхъ царей въ грязь мести,
Кинь подъ престолъ!
Кинь подъ престолъ!

Сашеньку, Машеньку.
Мишеньку, Костиньку
И Николашеньку
Ж.... на колъ!

Князь П. Вяземскій.

Послѣдняя борьба.

Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.

Но не палъ я отъ страданья —
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ — силу, въ сердцѣ — жаръ!

Что погибель! что спасенье!
Будь, что будетъ — все равно;
На святое Провидѣнье
Положился я давно!

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна!
Безконечно въ ней стремленье;
Въ ней покой и тишина...

Не грози-жъ ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой;
Готовъ биться я съ тобою,
Но не сладишь ты со мной!

У меня въ душѣ есть сила —
У меня есть въ сердцѣ кровь:
Подъ крестомъ — моя могила,
На крестѣ — моя любовь!

А. В. Кольцовъ.

Насильный бракъ.*)

Старый баронъ.

Сбирайтесь слуги и вассалы
На кроткій господина зовъ,
Судите, не боясь опалы,
Я правду выслушать готовъ.
Судите споръ, вамъ всѣмъ знакомый.
Хотя могучь и славенъ я,
Хотя всесильнымъ чтутъ меня,
Не властенъ у себя я дома.
Все непокорна мнѣ она,
Моя мятежная жена...

---

*) Женитьба Польши съ Россіею.

Ее я призрѣлъ сиротою
И раззоренной взялъ ее,
И далъ съ державною рукою
Ей покровительство мое?
Одѣлъ её парчой и златомъ
Несмѣтной стражей окружилъ
И врагъ её чтобъ не сманилъ,
Я самъ надъ ней стою съ булатомъ...
Но не довольна и грустна
Неблагодарная жена.

Я знаю, жалобой, навѣтомъ,
Она вездѣ меня клеймитъ,
Я знаю, передъ цѣлымъ свѣтомъ
Она клянетъ мой кровъ и щитъ,
И косо смотритъ изъ-подлобья,
И повторяя клятвы ложь,
Готовитъ козни... точитъ ножъ...
Вздуваетъ огнь междоусобья;
Съ монахомъ шепчется она,
Моя коварная жена!

И торжествуя и довольны
Враги мои на насъ глядятъ,
И дразнятъ гнѣвъ ея крамольный
И суетной гордынѣ льстятъ.
Совѣтъ мнѣ дайте благотворный,
Судите, кто межъ нами правъ?
Языкъ мой строгъ, но не лукавъ,
Теперь внемлите непокорной,
Пусть защищается она,
Мнѣ непокорная жена.

Жена.

Раба-ли я или подруга,
То знаетъ Богъ... я-ль избрала
Себѣ жестокаго супруга,
Сама-ли клятву я дала?
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я...
Но побѣдилъ, плѣнилъ меня
Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый,
Я предана... я предана,
Я узница, а не жена.

Напрасно иго роковое
Властитель мнитъ озолотить,
Напрасно мщенье мнѣ святое
Въ любовь онъ хочетъ превратить;
Не нужны мнѣ его щедроты,
Его я стражи не хочу!...
Сама сторонныхъ научу
Платить мнѣ мирно долгъ почета;
Лишь имъ однимъ унижена,
Я врагъ ему, а не жена.

Онъ говоритъ мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,
Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ.
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Стариннымъ именемъ моимъ —
И предковъ храмамъ вѣковымъ,
Какъ предки славные, молиться;
Иной уставъ принуждена
Принять несчастная жена.

Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье,
Всѣхъ вѣрныхъ лучшихъ слугъ моихъ;
Меня-же предалъ притѣсненью
Рабовъ, лазутчиковъ своихъ.
Позоръ гоненье и неволю
Мнѣ въ брачный даръ приноситъ онъ,
И мнѣ-ль роптать запрещенъ?
Еще-ль терпя такую долю,
Таять отъ всѣхъ ее должна
Насильно взятая жена?

Братцы! дружно пѣсню грянемъ.

На голосъ:

„Братья! дружно веселую
Грянемъ цѣсню въ добрый часъ!“

Братцы! дружно пѣсню грянемъ
Удалую — въ добрый часъ!
Въ Поляковъ стрѣлять не станемъ,
Не враги они для насъ!
Только злые командиры
Ихъ приказываютъ бить,
Чтобы русскіе мундиры,
Въ этой войнѣ осрамить!...
Братъ-ли встанетъ противъ брата?
А Поляки — братья намъ!
И для честнаго солдата
Убивать ихъ — грѣхъ и срамъ!

Женщинъ слабыхъ и недужныхъ
Арестуя по церквамъ,
Убивая безоружныхъ —
Не бывало-ль стыдно намъ?...
Намъ-ли сердце не сжимали
Ихній стонъ и ихній плачъ?...
Въ этой войнѣ — мы устали,
Русскій воинъ — не палачъ!...
И за что ихъ бить?... За то-ли,
Что они странѣ своей
Ищутъ счастья — ищутъ воли,
И терзаются объ ней?...
Русской — Русскимъ быть обязанъ,
Какъ Полякъ — Полякомъ быть,
Быть къ странѣ своей привязанъ
И отечество любить!
Пусть себѣ — за ослушанье
Насъ начальство душитъ всѣхъ,
Лучше вынесть истязанье,
Чѣмъ принять на душу грѣхъ! —
Намъ довольно доказали,
Какъ самихъ тиранятъ насъ,
Какъ Аргольдта — разстрѣляли,
И Сливицкаго заразъ!
И Ростковскаго сгубили
Вмѣстѣ съ Щуромъ, за урядъ,
Лишь за то, что всѣ любили —
Всей душой — они солдатъ!
Въ память ихъ — мы дружно грянемъ
Нашу пѣсню — въ добрый часъ:
Въ Поляковъ стрѣлять не станемъ
Не враги они для насъ!...

1863.

Верхъ премудрости.

Крайній выводъ разсудка и знанія:
Все на благо намъ создалъ Творецъ;
Въ стройномъ планѣ всего мірозданія,
Все имѣетъ разумный конецъ.

Созданъ свѣтъ, чтобъ въ Россіи преслѣдовать
Было что цензорамъ и попамъ,
И чтобъ было о чемъ проповѣдывать
Разныхъ школъ и цвѣтовъ мудрецамъ.

Чтобы люди отъ глада не сгинули,
Созданъ хлѣбъ, созданъ быкъ и баранъ —
Чтобъ раздоры межъ нами не минули,
Созданъ Богъ, созданъ Царь и Карманъ.

Только вникни сколь промысла Божія
Попеченье о насъ велико:
То за чѣмъ долженъ вылѣзть изъ кожи я,
Глядь — другому дается легко.

Все за тѣмъ, чтобъ равенство зловредное
Водвориться межъ насъ не могло;
Чтобы всѣхъ прозябанье безбѣдное
У богатства цѣны не сняло.

Да, твердитъ мнѣ разсудокъ и знаніе,
Все ко благу намъ создалъ Творецъ;
Въ стройномъ планѣ всего мірозданія
Все имѣетъ разумный конецъ.

Видѣніе.

Ода на день тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Александра Николаевича, 30 августа 1823 года.

Какое дивное видѣнье
Очамъ представилось моимъ?
Я вижу въ сладкомъ упоеньи:
Подъ сводомъ неба голубымъ,
Надъ пробужденнымъ Петроградомъ,
Екатерины тѣнь паритъ!
Кого то ищетъ жаднымъ взглядомъ —
Чело величіемъ горитъ.

По вотъ съ устенъ царицы мудрой,
Какъ лучъ, улыбка сорвалась:
Предъ нею отрокъ златокудрой,
Средь сонма воиновъ рѣзвясь,
То въ длани тяжкій мечъ пріемлетъ,
То бранный шлемъ беретъ у нихъ,
То, трепеща въ восторгѣ, внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.

Румянцовъ, Минихъ и Суворовъ
Волнуютъ въ немъ и кровь и умъ,
И искрится изъ юныхъ взоровъ
Огонь славолюбивыхъ думъ.
Проникнутъ силою разсказа,
Онъ за Ермоловымъ во слѣдъ
Летитъ на снѣжный верхъ Кавказа,
И жаждетъ славы и побѣдъ.

Царица тихо ниспускалась
На легкомъ облакѣ, какъ дымъ,
И, улыбаясь, любовалась
Прекраснымъ правнукомъ своимъ.
Но вдругъ Минервы свѣтлоокой
Чудесный видъ пріявъ, она
Слетѣла, мудрости высокой,
Огнемъ божественнымъ полна.

Къ прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:
„Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
„Ты любишь громкія дѣла;
„Но для полуночной державы
„Довольно лавровъ и побѣдъ;
„Довольно громозвучной славы
„Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

„Военныхъ подвиговъ година
„Грозою шумной протекла:
„Тебя иная ждетъ судьбина,
„Иныя ждутъ тебя дѣла —
„Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
„Непроницаемою мглой;
„Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
„Неправды съ правдою святой.

„Духъ необузданной свободы
„Уже возсталъ противъ властей. —
„Смотри — въ волненіи народы;
„Смотри — въ движеньи сонмъ царей!
„Быть можетъ, отрокъ мой, корона
„Тебѣ назначена Творцомъ:
„Люби народъ, чти власть закона;
„Учись заранѣ быть царемъ.

„Твой долгъ благотворить народу,
„Его любви въ дѣлахъ искать;

„Не блескъ пустой и не породу,
„А дарованья возвышать.
„Дай просвѣщенные уставы,
„Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ
„Науками очисти нравы,
„И вѣру утверди въ сердцахъ.

„Люби гласъ истины свободной,
„Для пользы собственной люби,
„И рабства духъ неблагородный,
„Неправосудье — истреби.
„Будь блага подданныхъ ревнитель:
„Оно есть первый долгъ царей —
„Будь просвѣщенья покровитель:
„Оно надежный другъ властей.

„Старайся духъ постигнуть вѣка,
„Узнать потребность русскихъ странъ;
„Будь человѣкъ для человѣка,
„Будь гражданиномъ для гражданъ;
„Будь Антониномъ на престолѣ,
„Въ чертогахъ мудрость водвори —
„И ты себя прославишь болѣ,
„Чѣмъ всѣ герои и цари.“

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Видѣніе Анны Іоанновны.

Свершилась казнь — и образецъ
Любви къ отечеству священной,
Пріялъ страдальческій вѣнецъ —
Вѣнецъ чистѣйшій и нетлѣнный.

Волынскій твердъ былъ до конца —
Неустрашенный мукой казни.
Онъ гордость важнаго лица
Не измѣнилъ чертой боязни.

Презрѣннаго злодѣя мечъ
Сверкнулъ надъ выей патріота,
Сверкнулъ — глава упала съ плечъ
И покатилась съ эшафота.
И страхъ и тайную тоску
Льстецы въ душѣ презрѣнной кроя,
Чтобъ угодить временщику —
Торжествовали казнь героя.

Одна царица лишь была
Омрачена печальной думой:
Какъ будто камнемъ залегла
Тоска въ душѣ ея угрюмой.
Съ тѣхъ поръ у ней веселье прочь!
И стала сна она бояться;
Ея очамъ и день и ночь
Какой то призракъ сталъ являться.

Однажды пиръ гремѣлъ въ дворцѣ.
Гремѣла музыка на хорахъ;
У всѣхъ веселье на лицѣ
И упоеніе во взорахъ.
Тоской своей утомлена,
Она печальна и угрюма —
Царица въ тронную одна
Ушла, украдкою, отъ шума.

Увы! и рѣзвость не могла
Ее порадовать улыбкой,
И мрачность блѣднаго чела
Развеселить хотя ошибкой —

„О, гдѣ найду душѣ покой!“
Она въ раздумьѣ возопила,
И, опершись на тронъ рукой,
Уныло голову склонила.

„И въ шумѣ пиршествъ и въ тиши
Меня раскаянье терзаетъ:
Оно изъ глубины души
Волынскаго напоминаетъ!“
„Онъ здѣсь!“ внезапно зазвучалъ
По сводамъ тронной страшный голосъ —
Въ царицѣ трепетъ пробѣжалъ
И дыбомъ приподнялся волосъ.

Она взглянула — передъ ней
Глава Волынскаго летала,
И на нее изъ подъ бровей
Съ упрекомъ очи устремляла.
Какъ огнь безплотный въ ночь горитъ,
Такъ очи смерти страшно блещутъ . . .
. . . . . .
. . . . . .

Вокругъ главы во тьмѣ ночной
Какой-то чудный свѣтъ пыластъ,
И колыхаясь кровь порой
Полы чертога обагряетъ.
Рисуетъ каждая черта
Страдальца дивнаго отчизны.
Вдругъ потемнѣвшія уста
Залепетали укоризны:

„Что медлишь ты! Давно я жду
Къ Творцу тебя на судъ священный,
Гдѣ каждый воспріемлетъ мзду;
Равны тамъ царь и рабъ презрѣнный!“

Окончивъ грозныя слова,
По прежнему изъ мрака ночи
Вперила мертвая глава
Въ царицу трепетную очи.

Шумъ музыки гремѣлъ еще,
Весельемъ наслаждались лица,
Всѣ ждали Анны, но вотще!
Рыдала въ ужасѣ царица —
Изчезла радость, шумъ утихъ;
На царедворцахъ мракъ угрюмый;
И каждый, глядя на другихъ,
Идетъ домой съ печальной думой.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Тюремныя Видѣнія.

(Отрывокъ изъ поэмы „Борьба".)

I.

Однажды я въ башнѣ тюремной лежалъ.
Тоска мою грудь надрывала...
Въ трубѣ шумѣлъ вѣтеръ, стоналъ, завывалъ,
И лампочка слабо мерцала;
Въ окошко сквозь тучи свѣтила луна,
Рѣшетку его освѣщая;
Болѣзненно, тускло глядѣла она —
Такъ смотритъ дитя, умирая...
Той лунною ночью все видѣлись мнѣ
Унылыя жизни картины:
Я думалъ о волѣ, родной сторонѣ,
Мнѣ грезились нивы, равнины,
И бѣдныя хижины съ бѣдной землей,
Покрытыя кровью народной...
И много картинъ тѣхъ прошло предо мной
Той ночью сырой и холодной...

II.

Казалось: Иду я заросшимъ путемъ
Одинъ по кургану крутому;
Терновникъ мнѣ въ платье вцѣпился кругомъ,
И трудно идти мнѣ, больному.
Вездѣ непроглядною, черною мглой
Степная равнина одѣта,
Такъ мрачно, такъ душно въ пустынѣ глухой,
Въ ней нѣтъ ни движенія, ни свѣта,
Въ ней вѣтеръ не дуетъ холодной струей,
Въ ней солнечный лучъ не проглянетъ,
Въ ней все, что поднимется къ жизни порой,
Мгновенно поблекнетъ, завянетъ...
Тамъ только, какъ смутныя тѣни, стоятъ
Какіе-то робкіе люди...
Глубокою грустью глаза ихъ горятъ,
И впали изсохшія груди...
Надъ ними все тихо. Ни звука въ странѣ...
Молчитъ все въ природѣ глубоко...
И вѣчно трудятся они въ тишинѣ,
И пѣсню поютъ одиноко:

„Весь вѣкъ свой мы прожили въ рабствѣ и тьмѣ,
„Не видѣвъ ни счастья, ни воли —
„И было болѣзненно въ нашемъ умѣ
„Сознаніе тяжелой неволи.
„Подъ тяжкимъ трудомъ мы клонились безъ силъ;
„Безъ хлѣба и крова мы жили,
„Насъ вѣтеръ зимой, въ непогоду, знобилъ,
„И трое царей насъ давило.
„Мы гибли отъ голода въ темныхъ лѣсахъ,
„Въ угрюмой глуши умирали,
„И часто въ подземныхъ, сырыхъ рудникахъ
„Напрасно мы смерть призывали.
„Вся жизнь наша долгой отравой была —
„Рядъ бѣдствій, страданій и муки...
„Ничтожныя противъ гнетущаго зла,
„Безъ силъ опускаются руки...

И пѣсня ихъ жгучаго горя полна,
Звучитъ — и вдали замираетъ...
И въ мозгъ мой и въ грудь проникаетъ она,
Всю душу она раздираетъ...
Не выглянетъ небо межъ тучъ полосой,
Блеснувши свѣтилъ хороводомъ,
И лѣсъ не шумитъ пожелтѣвшей листвой
Надъ гибнущимъ въ рабствѣ народомъ...

III.

Мой путь заростаетъ сильнѣй и сильнѣй...
Туманъ словно саванъ ложится...
Усталый, пришелъ я на груду камней,
И умъ мой болитъ и мутится...
Я вижу: Царь-Колоколъ правитъ землей;
Предъ нимъ все живущее гнется;
Онъ громко гулитъ надъ несчетной толпой,
И слышу я — гулъ раздается:

„Проклятый на вѣки Всевышнимъ Отцомъ,
„Ты — съ сердцемъ, грѣхомъ омраченнымъ —
„Ты долженъ быть темнымъ и бѣднымъ рабомъ,
„Служить для другихъ осужденнымъ.
„Ты долженъ смириться душой навсегда,
„Обиды сносить терпѣливо,
„Страдать подъ ярмомъ вѣковаго труда
„И крестъ свой нести молчаливо.
„Люби свои цѣпи! неволю люби!
„Томись безотрадной заботой,
„Постомъ и молитвою духъ свой губи!
„Работай, работай, работай!...
„Получишь награду за рабства года,
„Какъ будешь подъ кровомъ могилы;
„Но здѣсь, если хочешь ты счастья, тогда —
„Жди мщенья невидимой силы!...“

И тучей смердящей на гулъ тотъ идутъ
Попы и монахи тупые,

Высоко хоругви и чаши несутъ
Служители мрака слѣпые...
И тихо проходятъ они по лугамъ,
По нивамъ, полямъ, съ образами,
Идутъ по селеньямъ, большимъ городамъ.
По дальнимъ деревнямъ, съ крестами...
Лежитъ надъ народомъ ихъ гнетъ вѣковой
Тяжелою массой, свинцовой,
И давитъ онъ мысль у людей — роковой,
Мертвящій, холодный, суровый...

IV.

Все камни... овраги... Какъ дологъ мой путь!
Все дальше и дальше онъ вьется...
И негдѣ пристать и нельзя отдохнуть...
Чу!... грохотъ на встрѣчу несется...
Царь-Пушка — я вижу — во мракѣ густомъ
Все губитъ, что только ни встрѣтитъ.
И свѣтомъ багровымъ на небѣ ночномъ
Кровавое зарево свѣтитъ.
Надъ лужами крови, надъ мерзлой землей,
Надъ грудами ядеръ разбитыхъ,
Толпится народъ и, съ томящей мольбой
Упавъ надъ тѣлами убитыхъ,
Онъ проситъ пощады за то, что искалъ
Отъ грубой неправды спасенья
И, вставши за волю, рабовъ призывалъ
На бой противъ лжи, угнетенья...
Но пушка грохочетъ:

„Клонись предо мной,
„Ты, подлое, рабское племя!
„Пока существуетъ земля подъ тобой,
„И въ вѣчность бѣгущее время
„Еще не угасло — нигдѣ не найдешь
„Свободы и правды на свѣтѣ...
„Рабомъ ты родился, рабомъ и умрешь,
„И будутъ рабы твои дѣти!“

Напрасны мольбы передъ силой глухой...
Склонилися темные люди
Надъ почвою, кровію ихъ облитой,
Предъ силой цѣпей и орудій...
И роемъ пчелинымъ, несмѣтнымъ, идутъ
Служители грознаго бога;
Оковы и рабскія цѣпи несутъ —
Вездѣ имъ открыта дорога...
И блескомъ желѣзнымъ, щетинясь, блестятъ
Штыки ихъ, средь дыма сверкая,
И мѣдныя каски во мракѣ горятъ,
Пожаровъ огонь отражая...
И ѣдутъ, и мчатся народа бичи —
И грубый жандармъ, и сенаторъ,
И судьи — несчастной страны палачи —
И съ ними — палачъ-императоръ...
И старое рабство обычной стезей
Идетъ, все губя и терзая,
И зарево ярче горитъ надъ страной,
Страданья людей освѣщая...

V.

Мой путь пропадаетъ... Труднѣй и труднѣй
Идти по пустынѣ холмистой.
Какъ жарко средь этихъ песковъ и полей,
На этой дорогѣ кремнистой...
Темно какъ въ гробу на землѣ, въ небесахъ,
Природа какъ будто застыла...
На западѣ дальнемъ, крутясь въ облакахъ,
Гроза-непогода завыла.
Какъ призракъ полночный, оттуда ползетъ
Царь самый бездушный, ужасный —
То Царь-Капиталъ. Дымомъ, чадомъ несетъ
Отъ массы его безобразной...
Лишь вороновъ стая костлявыхъ летитъ
Убійцѣ-тирану на встрѣчу;
И съ адскою злобой онъ только хрипитъ:

„Убью, раздавлю, искалѣчу!
„Къ чему прикоснусь я — я все отравлю
„Своимъ ядовитымъ дыханіемъ!
„Что только увижу — я все погублю,
„Все будетъ моимъ достояніемъ!"

И масса тлетворная быстро растетъ,
Весь воздухъ собой наполняетъ,
Все копотью, гарью кругомъ обдастъ,
И все передъ ней умираетъ...
И быстро проходятъ вдали предо мной —
Какъ стаи голодныхъ вампировъ —
И золота слитки проносятъ съ собой
Толпы фабрикантовъ, банкировъ...
Фабричныя трубы весь воздухъ коптятъ,
Поднявшись средь каменныхъ сводовъ;
Какъ адскія пасти въ долинахъ стоятъ
Высокія зданія заводовъ...
Тамъ злобно машины гремятъ и ревутъ;
Шипятъ, словно змѣи, насосы;
И тѣло и кости рабочаго рвутъ,
Мелькая, какъ въ вихрѣ, колеса...

VI.

Мой путь прекратился... Въ туманѣ и мглѣ
Все скрылось подъ ночью глубокой...
И вотъ я стою на прибрежной скалѣ,
Измученъ, въ пыли, одинокій...
Отсюда я вижу межъ бурь, облаковъ
Что скрыто отъ взоровъ другаго:
Я вижу теченіе грядущихъ вѣковъ
И судьбы народа роднаго.
Мертва и спокойна лежитъ предо мной
Страна вѣковаго застоя.
Въ ней бурное море соленой водой
Шумитъ средь ночнаго покоя.

Тамъ гады и черви повсюду кишатъ,
И хищныя птицы летаютъ,
Какъ будто могилы тамъ тюрьмы стоятъ,
Гдѣ стоны людей не смолкаютъ
Тамъ крылья надъ нею широко развелъ
Двуглавый орелъ, двуязычный...
И былъ безобразенъ и дикъ тотъ орелъ,
Ко лжи и обману привычный.
Тамъ зданіе рабства, средь вьющихся змѣй,
Стоитъ высоко и громадно,
И трое тупыхъ и безумныхъ царей
Терзаютъ народъ безпощадно...
Но вдругъ — въ этой тьмѣ гробовой разлились
Могучая жизнь и движенье.
Какіе-то люди вездѣ поднялись,
И слышу я гимнъ пробужденья:

„О, родина! долго-ль ты будешь страдать
„Подъ бременемъ горькой невзгоды?!
„И долго-ль ты будешь позорно молчать
„На голосъ призывный свободы?!
„Встань, бѣдный народъ! подымитесь, рабы,
„И въ битву идите смѣлѣе!
„Довольно вы гнулись подъ игомъ судьбы!
„Разбейте оковы скорѣе!...

И быстро тотъ гордый призывъ пролетѣлъ.
Народы на троны возстали,
И мракъ застоналъ, зашипѣлъ, загудѣлъ,
И въ страхѣ цари задрожали...
Задвигались гады, цѣпляясь кругомъ.
И съ громомъ земля разступилась,
И зданіе рабства съ двуглавымъ орломъ,
Сломившись, треща, провалилось...
И много людей подъ собой въ глубинѣ
Въ паденьи оно раздавило,
Но съ ними пропала и тьма въ той странѣ,

И мрака губящая сила...
И тучи исчезли съ туманомъ густымъ,
Разбились оковы народа,
И вся ожила подъ лучемъ золотымъ
Весенняго солнца природа!...

VII.

И тутъ я проснулся. Въ каморкѣ глухой
Все было темно, безучастно...
А мѣсяцъ сіялъ надъ моей головой
Такъ блѣдно, бездушно, безстрастно...

4-го Апрѣля, 1877 г.

Воевода.

(Изъ А. Мицкевича.)

Поздно ночью изъ похода
Воротился Воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого — пуста кровать.

И мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ —
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ,
„Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!

„А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора:
Я васъ, хамы! — Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною! — Я-жъ ее!“

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ,
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ — и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ у фонтани,
Въ бѣломъ платье, видятъ, пани —
И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: „Все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье —
Воевода все купилъ.

„Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась —
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побряцалъ онъ,
И ему ты отдалась.

„Я скакалъ: во мракѣ ночи
Милой пани видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;
Пожелать для новоселья,
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать.“

Пани плачетъ и тоскуетъ —
Онъ колѣна ей цѣлуетъ,

А сквозь вѣтви тѣ глядятъ;
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
„Панъ мой. цѣлить мнѣ не можно,“
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
„Вѣтеръ что ли — плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.“

— „Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку — Наводи!
Цѣль ей въ лобъ, лѣвѣе — выше —
Съ паномъ справлюсь самъ. Потише—
Прежде я — ты погоди.“

Выстрѣлъ по саду раздался,
Хлопецъ пана не дождался.
Воевода закричалъ!
Воевода пошатнулся —
Хлопецъ видно промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

Пер. А. С. Пушкинъ.

Возвращеніе.

Что на встрѣчу вѣтеръ стонетъ
Полуночною порой?
Прочь-ли съ неба тучи гонитъ,
Иль сбираетъ надо мной?
Мнѣ бѣды бы ждать не надо,
Жизнь раздольна и вольна;

Есть жена — моя отрада,
Есть богатая казна.

Въ лѣсъ дорога повернула,
Шумно ропщутъ дерева,
Встрепенулась, промелькнула
Съ крикомъ жалобнымъ сова.
Что за странную тревогу
Сердце бьетъ въ моей груди?
Лѣсъ къ концу! Ну — слава Богу!
Домъ ужъ видѣнъ впереди.

Вѣтеръ стихнулъ. — Въ небѣ чистомъ
Мѣсяцъ катится свѣтло;
Спитъ въ туманѣ серебристомъ
Наше длинное село.
Тѣни стелятся неровно
Съ боку улицъ въ тишинѣ,
Изъ за кровель крестъ церковной
Блещетъ въ ясной вышинѣ.

Вотъ онъ, вотъ у поворота
Мой просторный, новый домъ
И тесовыя ворота
Съ крѣпко-ввинченнымъ кольцомъ.
Что могло бы значить это?
Словно пусто все въ дому?
Я стучу и нѣтъ отвѣта
Нетерпѣнью моему.

Что не лаетъ съ гнѣвной силой
Вѣрный песъ передъ крыльцомъ —
Длинно-шерстный, тонкорылый
И съ размашистымъ хвостомъ?
Что нейдетъ бобыль-работникъ
Черезъ мой широкій дворъ —
Отодвинуть подворотникъ,
Снять увѣсистый затворъ?

Что хозяйка молодая,
Встрепенувшися отъ сна,
Зову дружному внимая
Не посмотритъ изъ окна?
Я стучу кольцомъ чугуннымъ —
Все какъ будто замерло,
Безотрадно въ блескѣ лунномъ
Дремлетъ длинное село.

Чу! въ избѣ сосѣдней глухо
Чья-то поступь мнѣ слышна:
Одинокая старуха
Показалась у окна.
Сѣдина дрожитъ и вьется
Изъ подъ бѣлаго платка,
Протянулась и трясется
Худощавая рука:

„Ты въ тесовыя ворота
По напрасну не стучи,
И казны съ скупой заботой
За замками не ищи.
Волѣ радъ, хвостомъ махая —
Глупый песъ покинулъ домъ,
И хозяйка молодая
Убѣжала съ бобылемъ.

Н. Огаревъ.

Война.

Война!... На землю мракъ густѣйшій
Ложится трауромъ окрестъ,
И повелитель августѣйшій
Въ народъ бросаетъ манифестъ.

Съ лица земли стереть желая
Враговъ, ликуютъ безъ конца
Опять, какъ въ годы Николая,
Холопы зимняго дворца.
Урокъ исторіи минувшей
Забывъ, бушуетъ вновь какъ встарь
Цивилизаціи хлѣбнувшій,
Но ею проклятый дикарь.
Онъ, вставъ, щетинится штыками,
Славянъ освобождать идетъ,
Забывъ, что съ Русскими полками
Свобода рядомъ не идетъ,
Что роль позорную играемъ
Мы на двойномъ своемъ пути:
Одной рукою Польшу давимъ
Другой славянъ хотимъ спасти...
А вы, Славяне, наши братья!
Пусть васъ не тѣшитъ звонъ мечей!
Іуды новаго объятья
Страшнѣй турецкихъ палачей...
И какъ евреи ждутъ Мессіи
И не дождутся никогда,
Такъ не взойдетъ для васъ въ Россіи
Освобожденія звѣзда.

1877.

Вольность.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица,
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свободы гордая пѣвица?

Приди, сорви съ главы вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру,
Хочу воспѣть я вольность міру,
На тронѣ поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того·возвышеннаго Галла,
Которому средь славныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушала.
Любимцы вѣтреной судьбы,
Тираны міра трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Возстаньте падшіе рабы!

Увы! куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы!
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
Повсюду рабства грозный геній
И къ славѣ роковая страсть!

Лишь тамъ надъ царскою главой
Неслышимо людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностію святой
Законовъ мощныхъ сочетанье!
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ сжатый вѣрными руками
Гражданъ, надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ.

И преступленье свысока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ,
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни алчной скупостью, ни страхомъ.

Владыки! Вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но выше васъ стоитъ законъ.*)

И горе, горе племенамъ
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно,
Гдѣ иль народу, иль царямъ
Закономъ властвовать возможно!
Тебя въ свидѣтели зову,
О! мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавныхъ,
Сложившій царскую главу.

Восходитъ къ смерти Людовикъ
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчитъ законъ, народъ молчитъ —
Падетъ преступная сѣкира
И самовластная порфира
На Галлахъ скованныхъ лежитъ.

Самовластительный злодѣй!
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей,
Я съ злобной радостію вижу.
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы —
Ты ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.

Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сіяетъ,
И беззаботную главу
Спокойный сонъ отягощаетъ,

*) Варіантъ: „Но выше васъ самихъ законъ“.

Глядитъ задумчиво пѣвецъ
На грозный, спящій средь тумана,
Пустынный намятникъ тирана,
Забвенью преданный дворецъ.

Онъ слышитъ Кліи мрачный гласъ
Надъ сими страшными стѣнами,
Калигулы послѣдній часъ
Онъ видитъ живо предъ очами.
Онъ видитъ — въ лентахъ и звѣздахъ,
Виномъ и злобой упоены,
Идутъ убійцы потаенны:
На лицахъ дерзость, въ сердцѣ страхъ.

Молчитъ невѣрный часовой,
Опущенъ тихо мостъ подъемный,
Врата отверсты въ тьмѣ ночной
Рукой предательства наемной.
О стыдъ, о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри, вторглись янычары,
Падутъ преступные удары,
Погибъ увѣнчанный злодѣй.

Внемлите истинѣ цари,
Ни наказанья, ни нагрды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Не вѣрныя для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона —
И станутъ стражею у трона
Народовъ: вольность и покой.

А. С. Пушкинъ.

Вставайте! оковы распались.

Вставайте! оковы распались,
Проржавѣла старая цѣпь!
Ужъ Нилъ и Ливанъ взволновались,
Проснулась Сирійская степь.
Вставайте Славянскіе братья,
Болгары и Сербъ и Хорватъ,
Скорѣе другъ къ другу въ объятья
Скорѣй за отцовскій булатъ.
Скажите: „Намъ въ старые годы
„Въ наслѣдство Господь даровалъ
„И степи и быстрыя воды,
„И лѣсъ и ущелія скалъ!“
Скажите: „Мы люди свободны,
„Да будетъ свободна земля,
„И горы и глуби подводны
„И долы, и лѣсъ и поля.
„Мы вольны, мы къ битвѣ готовы
„И подвигъ нашъ честенъ и святъ —
„Намъ Богъ разрываетъ оковы,
„Намъ Богъ закаляетъ булатъ!“
Смотрите, какъ мракъ убѣгаетъ,
Какъ мѣсяцъ двурогій угасъ;
Смотрите, какъ небо сіяетъ
Въ торжественный, утренній часъ!
Какъ ярки и радости полны
Свѣтила грядущихъ вѣковъ!
Вскипите-жъ славянскія волны,
Проснитеся гнѣзды орловъ!

Хомяковъ.

Въ память Добролюбова.

Вѣчный врагъ всего живаго,
Тупоуменъ, дикъ и золъ,
Нашу жизнь за мысль и слово
Топчетъ произволъ.

И чѣмъ жизнь честнѣй и чище,
Тѣмъ нещаднѣе судьба —
Раздвигайся же кладбище:
Принимай гроба!

Гробъ вчера и гробъ сегодня,
Завтра гробъ — — А мы стоимъ
Средь могилъ и — „власть господня“
Какъ рабы твердимъ.

Вотъ и твой смолкъ голосъ честный
И смежился честный взглядъ,
И уложенъ въ гробъ ты тѣсный,
Отстрадавшій братъ.

Жаждой правды изнывая,
Въ темномъ царствѣ лжи и зла
Жизнь заглохла молодая,
Гнета не снесла.

Ты умолкъ, но намъ изъ гроба
Скорбный ликъ твой говоритъ —
Что-жъ молчитъ въ васъ, братья, злоба?
Что любовь молчитъ?

Иль въ любви у васъ лишь слезы
Есть для вашихъ кровныхъ бѣдъ?
Или силъ и для угрозы
Въ вашей злобѣ нѣтъ?

Братья, пусть любовь васъ тѣсно
Сдвинетъ въ дружный ратный строй —
Пусть ведетъ васъ злоба въ честный
И открытый бой!

Мы стоимъ не слыша зова —
И ликуя, звѣрски золъ,
Тризну мысли, тризну слова
Правитъ произволъ.

Въ память юнскихъ дней 1848 года.

Нѣту работы.... семья голодаетъ...
Двое малютокъ припали къ отцу,
Рвутъ на немъ платье, ѣсть просятъ, рыдаютъ...
Матъ на нихъ молча гладитъ и страдаетъ...
„Полноте, дѣти — отецъ утешаетъ —
Наши страданья приходятъ къ концу:
Хлѣба намъ или свинцу
Завтра республика дать обѣщаетъ“.

Сдвинуты брови, и скрещены руки
На молодецкой широкой груди.
Люди по улицамъ идутъ, и звуки
Пѣсни ихъ грозной исполнены муки:
„Завтра раздается здѣсь громъ боевой;
Знайте-же, братья: васъ ждетъ впереди
Хлѣбъ на столѣ или пуля въ груди
Послѣ борьбы роковой!“

Знамя надъ грудою камней взвивается....
Строитъ народъ баррикаду...
Завтра здѣсь умирать собирается.
Здѣсь для свободы алтарь воздвигается;
Здѣсь новой жизни зоря загоряется,
Людямъ грядущимъ въ урокъ!
Будетъ героямъ награда
Пуля, иль хлѣба кусокъ!...

Тѣни ночныя спустились надъ зданьями...
Полонъ рѣшимости мрачный народъ:
Завтра онъ кончить съ своими страданьями!
Полный надеждами и ожиданьями,
Жаждою полный борьбы,
Цѣлую ночь онъ очей не сомкнетъ,
Завтра онъ хлѣбъ или пулю возьметъ
Съ бою у грозной судьбы!...
Парижъ, 27-го Іюня 1875 г.

Въ Сибирь.*)

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье;
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ.
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра —
Надежда въ мрачномъ подземельи
Разбудитъ бодрость и веселье.
Прійдетъ желанная пора:
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

*) См. „Отвѣтъ“.

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа
И братья мечь вамъ отдадутъ.

А. С. Пушкинъ.

Гимнъ.

Боже! вина, вина!
Трезвому жизнь скучна
Пьяному рай!
Жизнь мнѣ прелестную и неизвѣстную,
Чашу-жъ не тѣсную
Боже подай.

Пьянства любителей,
Міра презрителей
Боже храни!
Души свободныя,
Съ Вакховой сходныя,
Ты помяни!

Чаши высокія
И преширокія
Боже храни!
Вина имъ цѣльные
И неподдѣльные —
Вина-жъ нехмѣльные!
Прочь отжени!

Пиры полуночные,
Зато непорочные,
Боже спасай!
Студентамъ гуляющимъ,
Вино обожающимъ,
Тебѣ немѣщающимъ,
Ты не мѣшай.

Языковъ.

Глинскій.

Подъ сводомъ обширнымъ темницы подземной,
Куда лучь привѣтный отрадныхъ свѣтилъ
Страшился проникнуть; гдѣ въ области темной
Лишь блѣдный свѣтъ, лампы, мерцая, бродилъ,
Гремѣвшій въ Варшавѣ, Литвѣ и Россіи
Безславьемъ и славой свершенныхъ имъ дѣлъ,
Въ тяжелой цѣпи по рукамъ и по шеи,
Князь Глинскій задумчивъ сидѣлъ.

Волосъ уцѣлѣвшихъ сѣдые остатки
На сморщенно вѣкомъ и грустью чело
Спадали кудрями, вiясь въ безпорядкѣ:
Страданье на Глинскомъ бразды провело —
Сидѣлъ онъ склоненный на длань головою,
Угрюмою думой въ минувшемъ леталъ;
Звучалъ средь безмолвья цѣпями порою
И тяжко, стоная, вздыхалъ.

При немъ неотступно въ темницѣ сидѣла
Прелестная дѣва — отрада слѣпца;
Свободой, и счастьемъ, и свѣтомъ презрѣла —
И блага всѣ въ жертву она для отца.
Блескъ пышный чертога для ней замѣнила
Могильная мрачность темницы сырой;
Здѣсь дѣвичью прелесть дочь нѣжная скрыла
И жизни зарю молодой.

„О, долго ли будешь, стоная, лить слезы?“
Рекла она нѣжно: „печали забудь!
Быть можетъ разторгнешь сіи ты желѣзы:
Надежда лелѣетъ и узниковъ грудь!
Быть можетъ, остатокъ несчастливой жизни,
Спокоя волненье и бурю души,
Какъ гражданинъ вѣрный, на лонѣ отчизны
Ты счастливо кончишь въ тиши!“

— На лонѣ отчизны! воскликнулъ измѣнникъ:
Не мнѣ утѣшаться надеждою сей:
Страшась угрызеній, стенающій плѣнникъ,
Несчастный, и вспомнить трепещетъ о ней!
Могу-ль быть покоенъ хотя на мгновенье?
Червь совѣсти тайно терзаетъ меня;
Къ себѣ самому я питаю презрѣнье
И мучусь, измѣну кляня.

— Природа дала мнѣ возможныя блага,
Чтобъ славнымъ быть въ мирѣ, иль грознымъ въ войнѣ:
Богатство, познанья, порода, отвага —
Все съ щедростью было низослано мнѣ.
Желалъ еще славы и лавровъ побѣды.
Душа трепетала, духъ юный кипѣлъ —
Вдругъ пднялись тучей на Польшу сосѣды!
И лавръ мнѣ достался въ удѣлъ.

— Могольскія орды влетѣли бѣдою:
Литва задымилась въ пылу боевомъ —
И старцы, и жены, и дѣти толпою
Влеклися въ неволю свирѣпымъ врагомъ.
И въ пепелъ деревни и пышные грады —
И буйный Татаринъ въ крови утопалъ.
Ни вѣку, ни полу не зрѣли пощады:
Мечъ жадный надъ всѣми сверкалъ.

— Встревоженъ невзгодой, я къ хищнымъ на встрѣчу
Съ дружиною храбрыхъ помчался грозой,

Достигъ — и отважно въ кровавую сѣчу,
И кровь полилася, напѣнясь, рѣкой.
Покрылись тѣлами поля и равнины:
Литвинъ и Татаринъ упорно стоялъ;
Но съ яростью новой за мною дружины —
И гордый Моголъ побѣжалъ!

— Боролся съ кончиной властитель державной.
Тревогой и плачемъ наполненъ дворецъ,
И вдругъ о побѣдѣ и громкой, и славной,
Отъ Глинскаго съ вѣстью примчался гонецъ.
Чело Александра веселость покрыла:
„Когда торжествуетъ родная страна —“
Онъ рекъ предстоящимъ: „тогда и могила,
Повѣрьте, друзья, не страшна!“

— Симъ подвигомъ славнымъ чрезмѣру надменный,
Не могъ укротить я волненья страстей —
И родъ Забржезенскихъ, давно мнѣ враждебный,
Внезапно средь ночи палъ жертвой мечей.
Погибъ онъ — и други мнѣ стали врагами,
И, преданъ душею лишь мести одной,
Дерзнулъ я внестися съ чужими полками
Въ отчизну свирѣпой войной.

— О мука! о совѣсть! тиранъ неотступной! —
Ни зрѣлище стяговъ родимой земли,
Ни тайный гласъ сердца изъ длани преступной,
Въ часъ битвы исторгнуть меча не могли!
Среди раздраженныхъ, пылающихъ мщеньемъ,
И ярыхъ, и грозныхъ душей Москвитянъ,
Увы, къ преступленью влекомъ преступленьемъ,
Разилъ я своихъ сограждан! —

— Бой конченъ — и Глинскій узрѣлъ на равнинѣ
Разтерзанныхъ трупы и груды костей;
Душа предалася невольно кручинѣ
И брызнули слезы на грудь изъ очей.

Не въ пору позналъ я тоску преступленья!
Вся гнусность измѣны представилась мнѣ;
Молилъ Сигизмунда проступкамъ забвенья,
Мечталъ о родной сторонѣ!

— Но геній враждебный, о тайнѣ душевной
Царю въ злое время извѣстіе далъ —
И Руссій властитель, смущенный и гнѣвный,
Раскаянье сердца измѣной назвалъ.
Лишилъ меня зрѣнья убійцы руками,
Забывши и славу и старость мою;
И дядю царицы, опутавъ цѣпями,
Забросилъ въ темницу сію.

— Лѣтъ десять живу я въ могилѣ сей хладной;
Ни звѣзды, ни солнце не свѣтятъ ко мнѣ;
Тоскую угрюмый въ душѣ безотрадной
И думой стремлюся къ родимой странѣ.
Примѣтно слабѣю въ утраченныхъ силахъ,
Чуть сердце трепещетъ, нѣмѣетъ мой гласъ,
И медленнѣй льется кровь хладная въ жилахъ,
И смерти ужь близится часъ.

— О, дочь моя! скоро, надъ гробомъ рыдая,
Ты бросишь на прахъ мой горсть чуждой земли.
Скорѣе, другъ юный, бѣги сего края —
Отъ милой отчизны жить грустно вдали!
Свободный народъ нашъ, дѣяньями славный,
Издавна извѣстный въ далекихъ краяхъ,
Проступки несчастныхъ отцовъ своенравно
Не будетъ отмщать на дѣтяхъ.

— Край милый увидишь — и сердца утраты,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь;
И башни, и храмы, и предковъ палаты,
И сердцу святыя гробницы узришь!
Отца проклинай, дочь милую нѣжно
И ласково примутъ отчизны сыны —

И ты дни окончишь въ тиши безмятежной,
На лонѣ родимой страны.

— Пусть рокъ мой, исполненъ тоской и мученьемъ,
Пребудетъ примѣромъ отчизнѣ моей;
Да каждый, пылая преступнымъ отмщеньемъ,
Идти не посмѣетъ стезею страстей!
Да видятъ во мнѣ моей родины братья,
Что рано, иль поздно — измѣнѣ взгремятъ
Ужасныя сердцу согражданъ проклятья,
И совѣсть отъ сна пробудятъ! —

Несчастный умолкнулъ съ душевной тоскою:
Вдругъ стонъ по темницѣ — и Глинскій упалъ
На дочери лоно сѣдой головою
И холодъ кончины его оковалъ.
Такъ Глинскій, мужъ Думы и пламенный воинъ,
Погибъ на чужбинѣ, какъ гнусный злодѣй;
Хвалы бы онъ вѣчной былъ въ мірѣ достоинъ,
Когда бы не буря страстей.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Годовщина.

(18-го Февраля, 1856 года.)

Была пора: надъ трупомъ Фараона,
Въ томъ склепѣ, гдѣ хранились мертвецы,
Спокойные, безъ жалобы и стона,
Сбирались Мемфисскіе жрецы.
Всѣ жизнь усопшаго безъ страха разбирали
И приговоръ надъ мертвымъ изрекали.

И новый царь внималъ суду жрецовъ,
Покорствуя правдивому рѣшенью,
И хоронилъ отца въ тиши, съ толпой рабовъ,
Илъ пышное ему готовилъ погребенье —
И на гранитѣ первозданныхъ скалъ
Народный приговоръ историкъ высѣкалъ.

Теперь не та пора: пусть намъ не въ мочь страданья,
Погибшихъ изверговъ судить мы не должны.
Усопшимъ миръ! намъ говоритъ преданье,
Завѣтъ вѣковъ, обычай старины.
Религія прощать враговъ насъ учитъ —
Молчать, когда насъ царь гнететъ и мучитъ.

И мы молчимъ; нѣтъ, больше: между насъ
Является поэтъ покрытый срамомъ;
Забывъ, что голосъ музы — бога гласъ
Онъ злу кадитъ душевнымъ ѳиміамомъ,
Онъ деспота зоветъ спасителемъ людей,
Въ грязь затоптавъ всю славу прежнихъ дней.

Но пусть его боятся и въ могилѣ,
Въ ней льстятъ ему, чтобъ только онъ не всталъ.
Душа кипитъ, покорна высшей силѣ,
Пѣвецъ на судъ вѣковъ царя призвалъ.
Покинь свой гробъ! Взгляни на рубежи родные —
Смотри, что въ годъ ты сдѣлалъ изъ Россіи!

Вотъ безъ конца проходитъ вереница
Вся въ траурѣ, отцовъ, дѣтей, сиротъ,
Вотъ плачетъ мать, одежды рветъ вдовица —
Кто кости ихъ мужей, сыновъ беретъ?
За что погибло ты, младое поколѣнье
Полно надеждъ и силъ, въ безумномъ ослѣпленьи?

Смотри, нашъ царь; вотъ рѣки слезъ тяжелыхъ,
Вотъ море крови чистой, горы тѣлъ;

Не мало-ли? — А въ городахъ и селахъ
Вотъ новый бичъ: огонь разсвирѣпѣлъ.
Рукой врага зажженный. Стѣны, зданья —
Все падаетъ во прахъ — за что же наказанье?

За чтожъ и мирный сынъ родной земли
Богатъ сегодня — завтра бѣдный нищій,
Всѣ житницы, всѣ домы, корабли
Вдругъ потерявъ, насущной проситъ пищи,
Бѣжитъ изъ города, гдѣ думалъ мирно жить,
Котораго, о царь, не могъ ты защитить.

Считай же, сколько этихъ городовъ
Разрушено иль взято у Россіи —
И сколько доблестныхъ отечества сыновъ
Въ плѣну, изранены, выносятъ муки злыя!
Картиной этой не доволенъ ты?
Исторія тебѣ переверпетъ листы.

Смотри — вотъ золото сіяетъ предъ тобой:
Богатство здѣсь безъ счета, безъ числа;
Владѣльцы ихъ идутъ сплошной толпой —
Но золото толпа не принесла
Отчизнѣ въ даръ, а зная блага въ жизни,
Его сама украла у отчизны.

Здѣсь все и милліонъ казны твоей,
Послѣдній грошъ пожертвованный нищимъ,
Хлѣбъ ратнику, пособіе врачей,
Оружіе, одежда — Мы отыщемъ
Навѣрно ленты здѣсь самихъ воровъ —
Не даромъ всѣ они слывутъ за бѣдняковъ.

Позоръ и стыдъ! грабежъ вошолъ въ обычай,
Въ законъ, въ обрядъ, и наглъ и явенъ сталъ.
И крадутъ всѣ: путеецъ и лѣсничій,
Чиновникъ, попъ, солдатъ и генералъ —

И дѣвка грязная, любовница министра,
Продажей мѣстъ разбогатѣла быстро.

А кто стоитъ у трона твоего?
Тебѣ-бъ совѣтникъ, правды другъ, наскучилъ.
Нѣтъ, ты искалъ молчанья одного,
Покорности — и рядъ бездушныхъ чучелъ,
Холоповъ чувствомъ, евнуховъ ума,
Вокругъ тебя — и ихъ такая тьма! —

И надъ тобой, и надъ твоей землей,
Теперь Европа цѣлая смѣется.
И твой позоръ, и стыдъ земли родной
Въ потомствѣ отдаленномъ отзовется.
И дорогъ будетъ примиренья пиръ —
И за войной нелѣпой — подлый миръ,

Лишь годъ прошолъ — и ты забытъ какъ мебель
И неукипжій хламъ старинныхъ лѣтъ,
Вѣнчанный Хлестаковъ, между царей фельдфебель,
Разбитый и разслабленный атлетъ —
И ноютъ въ гробѣ, отъ тоски и злости
Гніющія, поруганныя кости.

И день придетъ! — и не одинъ пѣвецъ,
Но голосъ всей народной немезиды,
Средь вѣки прогремитъ вдругъ изъ конца въ конецъ:
Да будешь проклятъ ты!
И въ страхѣ, и въ стыдѣ, въ послѣдній, судный день,
Не выйдетъ изъ гробницъ развѣнчанная тѣнь.

Новый годъ.

Что новый годъ, то новыхъ думъ,
Желаній и надеждъ
Исполненъ легковѣрный умъ
И мудрыхъ и невѣжъ.
Лишь тотъ, кто подъ землей сокрытъ,
Надежды въ сердце не таитъ! —

Давно ли ликовалъ народъ
И радовался міръ,
Когда рождался прошлый годъ
При звукахъ чашъ и лиръ?
И чье суровое чело
Лучемъ надежды не цвѣло?

Но меньше-ль видѣлъ онъ могилъ,
Вражды и нищеты?
Въ немъ каждый день убійцей былъ
Какой нибудь мечты;
Не пощадилъ онъ никого,
И не далъ людямъ ничего!

При звукахъ тѣхъ же чашъ и лиръ,
Обычной чередой,
Безстрастный гость вступаетъ въ міръ
Безстрастною стопой —
И въ тѣхъ лишь нѣтъ надежды вновь,
Въ комъ навсегда застыла кровь!

И благо! — Съ чашами въ рукахъ
Да будетъ встрѣченъ гость,
Да разлетится горе въ прахъ,
Да умирится злость —
И въ обновленныя сердца
Да снидетъ радость безъ конца!

Насъ давитъ времени рука,
Насъ изнуряетъ трудъ,
Всесиленъ случай, жизнь хрупка,
Живемъ мы для минутъ —
И то, что съ жизни взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ!

Пускай кипитъ веселый рой
Мечтаній молодыхъ —
Имъ предадимся всей душой,
А время скоситъ ихъ —?
Что нужды! Снова въ свой чередъ
Въ насъ воскреситъ ихъ новый годъ.

Н. Некрасовъ.

1831-й годъ.

Внимайте, голосъ истребленья
За громомъ громъ, за крикомъ крикъ,
То звуки дальняго сраженья —
Къ нимъ слухъ воинственный привыкъ.
Вотъ ружей звонкіе раскаты,
Вотъ пѣшей раты мѣрный шагъ,
Вотъ натискъ конницы крылатой,
Вотъ пушекъ ревъ на высотахъ —
И кликъ торжествъ, мнѣ кликъ знакомый
И смерти стонъ, мнѣ плачь родной — —
О замолчите битвы громы,
Остановись кровавый бой!
Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!

Да будутъ прокляты сраженья —
Одноплеменниковъ раздоръ
И перешедшій въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ;
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ
И повѣстъ мщенья и страданья,
Вина неизцѣлимыхъ ранъ!
И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесъ,
Онъ видитъ — горъ надъ всей вселенной
До свода синяго небесъ —
Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ сѣвѣрнымъ орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей;
И будущихъ Бояновъ струны
Поютъ согласье и покой.

Хомяковъ.

Гражданинъ.

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся Славянъ?
Нѣтъ, неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности, влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы,
За угнетенную свободу человѣка

Они раскаются, когда народъ возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Гренадеры.

Г. Гейне.

Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели,
И оба душой пріуныли,
Дойдя до Нѣмецкой Земли.

Придется имъ — слышать — увидѣть
Въ позорѣ родную страну —
И храброе войско разбито,
И самъ императоръ въ плѣну!

Печальныя слушая вѣсти,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: „Братъ!
Болитъ мое скорбное сердце,
И старыя раны горятъ!“

Другой отвѣчаетъ: „Товарищъ!
И мнѣ умереть бы пора;
Но дома жена, малолѣтки:
У нихъ ни кола, ни двора.

„Да что мнѣ? просить Христа-ради
Пущу и дѣтей и жену —
Иная на сердцѣ забота:
Въ плѣну императоръ! въ плѣну!

„Исполни завѣтъ мой: коль здѣсь я
Окончу солдатскіе дни,
Возьми мое тѣло, товарищъ,
Во Францію! тамъ схорони!

„Ты орденъ на ленточкѣ красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И въ руки мнѣ вложишь ружье.

„И смирно и чутко я буду
Лежать, какъ на стражѣ, въ гробу—
Заслышу я конское ржанье
И пушечный громъ, и трубу.

„То Онъ надъ могилою ѣдетъ!
Знамена побѣдно шумятъ —
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, императоръ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ!“

Пер. М. Л. Михайловъ.

Два рыцаря.

(Подр. Гейне изъ „Romancero“.)

Два Остзейскіе барона,
Мерзенштейнъ и Гаденбургъ,
Чтобъ опорами быть трона
Снарядились въ Петербургъ.

Съ Прусскимъ талеромъ въ карманѣ
До столицы добрались,
Поселилися въ чуланѣ
И за службу принялись.

Жили вѣрными друзьями
Какъ Орестъ и какъ Пильадъ,
И пѣвали со слезами
„Landesvater“ на разладъ.

Дружбы истинной законы
Не нарушили они,
Хоть и знатныя бароны
Изъ Остзейской стороны.

Безъ предательства дѣлили
Все, что дастъ имъ Русскій Богъ;
Передъ старшими лисили
И сгибалися до ногъ.

Скромно кушали въ харчевнѣ,
Зная, что недолго имъ
Посрамлять свой титулъ древной
Униженіемъ такимъ.

Хоть на службѣ взятки брали,
Только съ цѣлію честной:
Деньги эти получали
Ихъ сапожникъ и портной.

Да, ужъ и фракъ и панталоны
Сшили здѣсь себѣ они,
Какъ всѣ знатныя бароны
Изъ Остзейской стороны.

Вотъ сидятъ они въ чуланѣ
Подлѣ печки за столомъ;
Передъ ними пуншъ въ стаканѣ,
То есть просто голый ромъ.

Чаша на столѣ пустая,
Въ ней когда-то былъ глинтвейнъ;
Пьяный, друга обнимая,
Восклицаетъ Мерзенштейнъ:

— Еслибъ менѣе служило
Этихъ русскихъ подлецовъ,
Честнымъ нѣмцамъ легче-бъ было
Шкуры драть здѣсь съ мужичковъ.

Гаденбургъ вскричалъ, пылая,
— Другъ, достойный рыцарь ты!
Вотъ бароновъ цѣль прямая:
На Россію мы кнуты.

Наши женщины рожаютъ
Ежегодно намъ ребятъ;
Дѣвки тѣмъ же промышляютъ,
Всѣ героевъ намъ родятъ.

Рядъ ихъ для Россіи грозенъ;
Вновь появятся: Биронъ,
Скотендорфъ и Канальгарзенъ,
И великій Сукензонъ.

Декабристамъ.

Надъ вашей намятью кровавой
Теперь лежитъ молвы позоръ;
Надъ ней поэтъ, вѣнчанный славой,
Остановить не смѣетъ взоръ.

Вашъ врагъ могучій торжествуетъ,
Щадитъ его судьбы законъ,
Лишь власти страсть его волнуетъ,
И кажется незыблемъ тронъ.

Но вы погибли не напрасно:
Все что посѣяли, взойдетъ,
Чего желали вы такъ страстно,
Все, все исполнится, придетъ!

Иной возстанетъ грозный мститель,
Иной возстанетъ мощный родъ;
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющій народъ.

Въ побѣдный день, въ день славной тризны
Свершится роковая месть —
И снова предъ лицемъ отчизны
Заблещетъ ярко ваша честь.

Долго насъ помѣщики душили..

Долго насъ помѣщики душили,
Становые били —
И привыкли всякому злодѣю
Подставлять мы шею.
Въ страхѣ насъ квартальные держали,
Нѣмцы муштровали.
Что тутъ дѣлать, долго-ль до напасти
Покоримся власти?
Міроѣды тѣмъ и пробавлялись
Надъ нами ломались;
Мы де глупы, какъ овечье стадо —
Стричь, да брить насъ надо.
Про харей паны твердили міру,
Съ пьяна или съ жиру —
Самъ де Богъ помазалъ ихъ елеемъ,
Какъ же пикнуть смѣемъ!

Судъ Шемякинъ — до Бога высоко,
До царя далеко:
Царь сидитъ тамъ въ Питерѣ, не слышитъ,
Знай указы пишетъ.
А указъ какъ бисеромъ напизанъ,
Не про насъ лишь писанъ;
Такъ и этакъ ты его читаешь —
Все не понимаешь.
Каждый бутырь звалъ себя съ нахальствомъ
Малымъ начальствомъ.
Знать и этихъ, господи ты Боже,
Мазалъ масломъ тоже.
Кто слыхалъ о 25-мъ годѣ
Въ крещенномъ народѣ?
Когда-бъ мы тогда не глупы были,
Давно-бъ не тужили
Поднялись въ то время на злодѣевъ:
Кондратій Рылѣевъ,
Да полковникъ Пестель, да иные
Вовсе честные.
Не съумѣли въ тѣ поры мы смѣло
Отстоять ихъ дѣло,
И сложили головы за братій
Пестель, да Кондратій.
Не найдется что-ль у насъ инова
Друга Пугачева,
Чтобы крѣпкой грудью всталъ онъ смѣло
За святое дѣло!

П. Холодовскій-Цыбульскій.

Дорога.

Тускло мѣсяцъ дальній
Свѣтитъ сквозь тумана
И лежитъ печально
Снѣжная поляна.
Бѣлыя съ морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
Съ голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
Мой ямщикъ съ просонокъ.
Я въ кибиткѣ валкой
Ѣду, да тоскую:
Скучно мнѣ да жалко
Сторону родную.

Н. Огаревъ.

Друзьямъ въ Россіи.

Вы вспоминаете-ль меня? А я мечтаю
Всегда о васъ, когда моихъ друзей
Изгнанья, смерть и ссылки вспоминаю;
Хоть чуждые, но вы родны душѣ моей.
Гдѣ-жъ вы теперь? Погибъ Рылѣевъ непокорный...
Вкругъ шеи той, что я въ объятіяхъ моихъ,
Какъ братъ сжималъ, обвился шнуръ позорный —
О проклятъ ты народъ, бичъ избранныхъ своихъ!
Мечъ отнятъ и перо у воина поэта,
Бестужевъ, въ рудникахъ, въ телѣжку запряженъ,
И той рукой, что мнѣ давалъ онъ въ знакъ привѣта,
Тамъ, рядомъ съ полякомъ, руду копаетъ онъ...

Другимъ же можетъ казнь еще лютѣй: въ позорѣ
Умовъ и орденовъ, предалъ царю иной
Свой духъ, и счастья ждетъ онъ въ милостивомъ взорѣ
И бьетъ породъ царя покорной головой,
Наемнымъ языкомъ его тріумфы хвалитъ
И злобно тѣшится страданьями друзей,
И въ родинѣ моей, своей же кровью залитъ,
Какъ честью, хвалится проклятьемъ Польши всей.
О, если съ Запада, отъ вольнаго народа,
Унылый стихъ мой къ вамъ на Сѣверъ долетитъ —
И въ небѣ прозвучитъ, надъ краемъ льдовъ, свободу,
Пустъ, какъ журавль, весну онъ вамъ предвозвѣститъ.
Знакомъ вамъ голосъ мой... Опутанъ бывъ сѣтями,
Я, съ хитростью змѣи вiясь, тирану льстилъ;
Но душу и тогда раскрылъ предъ вами —
Для васъ, друзья, всегда я простъ, какъ голубь, былъ.
Теперь открыто я излилъ отравы чашу,
И жгучъ, и ѣдокъ ядъ моихъ горячихъ словъ:
И слезы высосалъ, и кровь онъ Польши нашей,
Пустъ же сосетъ и ѣстъ — не васъ — а вашу сталь оковъ!
Когда-жъ, за рѣчь любви, отвѣтитъ кто мнѣ бранью,
Какъ лай цѣпнаго пса, приму я эту брань,
Который, полюбивъ цѣпей своихъ бряцанье,
Кусаетъ, ихъ съ него срывающую длань.

А. Мицкевичъ.

Друзьямъ на выступленіе гвардіи.

Часъ битвъ насталъ — гроза гремитъ,
Друзья къ знаменамъ поспѣшите;
Съ щитомъ сомкнувши твердый щитъ,
Въ десницу грозный мечъ примите.
Теките снова въ путь побѣдъ:
Труба васъ къ славѣ прузываетъ!
Россъ двинулся — и цѣлый свѣтъ
Молчитъ, трепещетъ и внимаетъ!

Невѣдомо куда идутъ
Полки, испытанные въ брани;
Противъ кого огонь несутъ
И мечъ пріяли въ мощны длани.
Не снова-ль плѣнникъ средь зыбей
Европѣ рабствомъ угрожаетъ?
Не снова-ль лучъ свободныхъ дней
Блеснувъ Спартанцамъ — угасаетъ?
Колъ такъ, благословляю васъ!
Тѣнь Леонида, Мильціада
Возрадуйтесь: ударитъ часъ
И въ прахъ падетъ деспотъ Царь-града.
Какой тиранъ дерзнетъ возстать
Противъ стремленія народа?
Тамъ можно-ль цѣпи налогать,
Гдѣ рабство — смерть, гдѣ жизнь — свобода?
Друзья! пускай вашъ острый мечъ
Враждебной кровью обагрится,
Тому отрада въ землю лечь,
Кто за свободу ополчится.

А. С. Пушкинъ.

Дума сокола.

Долго-ль буду я
Сидьнемъ дома жить,
Мою молодость
Ни на что губить?

Долго-ль буду я
Подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдаль
День и ночь глядѣть?

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны!

Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой-мачихой
Самъ-собою жить?

Для чего-жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Иль зачѣмъ она,
Моя милая,
Здѣсь сидитъ со мной,
Слезы льетъ рѣкой —

Отъ меня летитъ,
Пѣсню мнѣ поетъ,
Все рукой манитъ,
Все съ собой зоветъ?

Нѣтъ, ужъ полно мнѣ,
Дома вѣкъ сидѣть,
По дорожкѣ вдаль,
Изъ окна глядѣть!

Со двора пойду,
Куда путь манитъ.
А жить стану тамъ,
Гдѣ ужъ Богъ велитъ!

А. В. Кольцовъ.

Дядя, ты въ походахъ.

Дядя, ты въ походахъ
Побывалъ довольно.
Разскажи — повсюду-ль
Какъ у насъ — невольно?
Всюду-ли солдаты,
Какъ у насъ доселѣ,
Держатся начальствомъ,
Тоись, въ черномъ тѣлѣ?
Правду молвить, точно
Видѣлъ я довольно,
Но сказать-ли братцы? —
Говорить-то больно!
Нѣтъ нигдѣ по свѣту
Тяжелѣй неволи,
Какъ въ Россіи нашей
Злой солдатской доли! —
У другихъ народовъ
Люди безъ различья —
Офицеръ, солдатъ-ли
Вовсе нѣтъ отличья.
Въ службѣ — онъ начальникъ,
Ровня — не на службѣ —
И живетъ съ солдатомъ
Офицерство въ дружбѣ.
Всякій тамъ солдатомъ
Въ очередь — бываетъ,
Оттого и званье
Всякой уважаетъ! —
Отслужилъ два года,
Или три — неболѣ,
И опять, какъ прежде,
Сталъ гулять на волѣ!

Вѣдь и мы признаться
Тоже-бы имѣли —
Еслибъ только братцы,
Дружно захотѣли —
Стоитъ лишь однажды
Сговориться дружно,
И сказать всѣмъ вмѣстѣ:
„То и то намъ нужно!“
Порознь насъ, конечно,
На смертъ перепорятъ —
А какъ всѣ мы вмѣтѣ,
Насъ не переспорятъ!
Самый царь вѣдь нами,
Братцы, только силенъ:
Выйдемъ всѣ на площадь,
Будетъ съ нами смиренъ! —

Мойсей.

Когда въ степяхъ Аравіи пустынной
Евреевъ племена скитались сорокъ лѣтъ
И въ ночь ихъ вереницы длинной
Предшествовалъ небесный свѣтъ....

Изнеможенные скитальцы заропта ли;
Къ пророку своему съ угрозою пришли,
Палимы жаждою, родникъ они искали,
Но водъ въ пустынѣ не нашли.

И движимъ вѣрою въ святое Провидѣнья
Возсталъ предъ ними Мойсей —
Онъ, необузданныхъ рѣчей
Прервалъ грѣховное смятенья:

Онъ рекъ тогда: „Господней силы“
„Я тщетно никогда еще не призывалъ“
„Богъ спасъ меня въ потокѣ Нила“
„Купины огнь меня не сожигалъ!“

И вотъ... исполненъ силой вѣры
Скалу безплодную ударилъ онъ жезломъ...
Свершилось чудо безъ примѣра
И камень... закипѣлъ ключемъ!

Но кто пророкъ тотъ вдохновенный,
Чтобы ключи живые открывать
Въ сердцахъ толпы бездушной, но надмѣнной
И низвести на нихъ святую благодать?

Чтобъ искру пробудить любви на подвигъ блага
И себялюбія гранитную скалу
Низринуть, кто имѣлъ отвагу
Презрѣвъ и зависть и хулу?

Нѣтъ! чуду дважды не свершится —
Въ пустынѣ міра Богъ молчитъ.
Пѣвецъ безсиленъ — не смягчится
Сердецъ безчувственный гранитъ!

Сперанскій.

Жилъ на свѣтѣ русскій царь.

На голосъ: „Ѣздилъ русскій бѣлый царь,
Православный государь,
Изъ своей страны, далеко
Лавры пожинать.“

Жилъ на свѣтѣ русскій царь,
Разнѣмецкій государь,
Онъ крестьянскому народу
Волю обѣщалъ! (дважды).

Что-бы каждый селянинъ.
Какъ теперя дворянинъ,
  Отъ работы подневольной
Вѣкъ не горевалъ!

Чтобъ его ни бить, ни сѣчь,
Обдирая шкуру съ плечъ,
  Ни помѣщикъ, ни чиновникъ
Болѣе не могъ.

Что-бы онъ землей владѣлъ —
И пошли ему въ надѣлъ
  Тѣ поля, за что платилъ онъ
Барину оброкъ.

Обѣщалъ то царь легко —
Но уѣхать далеко
  На посудѣ, какъ на стулѣ,
Видно захотѣлъ.

Думалъ: „глупъ мужикъ все съ ѣстъ!“
И составилъ манифестъ,
  Что ни въ толкъ взять, ни понять
Никто не съумѣлъ.

Ну чиновники читать,
Да крестьянамъ толковать,
  Что та новая неволя
Волюшка и есть.

Воля — вольная нищать,
Да подъ розгами нищать,
  Да начальству грошъ послѣдній
Со слезами несть.

Призадумался народъ,
Чуетъ, кто нибудь да вретъ:
Иль начальство надуваетъ,
Или самый царь.

Что за воля безъ земли?
Чтобы барщину несли
И оброкъ крестьяне также
Какъ водилось встарь?

Это что нибудь не такъ —
И попалися въ просакъ
Тѣ крестьяне, что судили
О дѣлахъ своихъ.

По селамъ безъ дальнихъ словъ,
Какъ прямыхъ бунтовщиковъ,
Стала сѣчь ихъ и тиранить
Стая становыхъ.

Ну сзывать на нихъ полки,
Да водить солдатъ въ пытыки,
Чтобъ по старому порядку
Все водилось вновь.

Напроказилъ царь-отецъ!
На Руси, съ конца въ конецъ,
Изъ за царскаго обмана
Пролилася кровь.

Надо, значитъ, для крестьянъ,
Чтобъ народъ за волю самъ
Дружно — міромъ, волостями
Въ одно время всталъ!

Надо, значитъ, чтобъ солдатъ
Помогалъ ему какъ братъ —
И не слушая приказа
Въ него не стрѣлялъ.

Замѣчанія старообрядца

(на тайныя постановленія по части раскола.)

Царь совѣтомъ утвердясь,
Сѣлъ и думаетъ гордясь:
„Вѣдь я баринъ, господинъ
И почётный властелинъ.
Мужики молъ дураки,
Крѣпки наши кулаки —
Мы дворяне господа!
Подавай-ка ихъ сюда,
Нужно зубы обчесать;
А указовъ имъ не знать —
А то намъ и не нажиться,
Если всякой вразумится;
Слово сказано въ кулакъ,
Чтобъ никто не зналъ никакъ,
Кромѣ насъ однихъ господъ —
И да здравствуетъ деспотъ!“

Такъ дворяне всѣ считаютъ,
Императоры мечтаютъ —
Черезъ тайные указы
И дворянскія пролазы,
Какъ бы даромъ дани брать,
Да съ крестьянъ всю шкуру драть.

Грабить деньги трудовыя
Да стяжать чины пустые.
Знаютъ какъ когда прижать
Аль немножко воли дать,
Чтобъ народъ не разсердился,
Свернуть иго не рѣшился.
А народу жутко это,
Горемыкастъ по свѣту,
Тщится срыть онъ злую долю,
Затѣвастъ землю волю.

— Мы пускай молъ мужики,
По вашему дураки,
А ты батюшка нашъ царь,
Благодушный государь!
Ты однако землю дай —
Нашъ природный вѣчный най;
Не забудь и волю тоже,
Вотъ что намъ всего дороже.
А не дашь — такъ мы возмёмъ
И народный судъ начнёмъ,
И какъ скажемъ „надо такъ!“
Не измѣнишь ты никакъ.
Згинутъ паны и дворяне —
Что дворяне, что крестьяне
Станутъ всѣ — одинъ народъ
Безъ различія породъ.
Мы же будемъ всѣ съ народомъ
Какъ желатели свободы,
Дорогіе наши братцы
Вообще старообрядцы!

Заповѣди отщепенца.

(Акростихъ.)

Борись за истинный законъ
Равенства, братства и свободы,
А не за строй былыхъ временъ:
Потъ строй идетъ противъ природы.
Своди съ престола сильныхъ міра,
Тирановъ, деспотовъ, владыкъ...
Война рабамъ царя-кумира!
Онъ къ жертвамъ общества привыкъ!
Работай за меньшую братью,
Апостолѣ истинной любви;
Въ ея борьбѣ съ давящей знатью
Ей помогай, ее веди!
Не пожелай себѣ плавенства,
Стать выше всѣхъ не пожелай!
Твой идеальный планъ равенства
Въ живое дѣло претворяй.
Одна за счастіе порука —
Свободный мыслью человѣкъ;
Все, что пророчила наука,
Осуществитъ свободный вѣкъ.
Безстрашенъ будь, ты — сынъ свободы!
Оставъ рабамъ ихъ страхъ людей:
Другая жизнь зоветъ народы,
А наша жизнь — ступень лишъ къ ней.

18-го Февраля 1876-го г.

Изъ Гейне.

И смѣхъ и пѣсни, и солнца блескъ!
Челнокъ нашъ легкій качаютъ волны;
Я въ немъ съ друзьями, веселья полный,
Плыву безпечно — вдругъ слышенъ трескъ —

И разлетѣлся въ куски челнокъ —
Друзья пловцами плохими были,
Родныя волны ихъ поглотили,
Меня-жъ далеко умчалъ потокъ.

И вотъ сработалъ въ чужой странѣ
Друзья пловцами плохими были,
Чужія волны въ челнокъ мой новый!
Мой край далеко! какъ грустно мнѣ;

Друзья иные теперь со мной!
И снова пѣсни! Но воютъ бури
И гаснутъ звѣзды въ ночной лазури —
Прости на вѣки мой край родной!

Пер. А. Н. Плещеевъ.

Изъ: „Wintermärchen“.

Г. Гейне.

Рѣдѣютъ туманы и первымъ лучемъ
Румяной зари освѣщенъ,
Вотъ крестъ съ изваяньемъ того, кто на немъ
Неправедно былъ пригвожденъ.

Прискорбно стѣсняется сердце мое
При видѣ твоемъ, Назарей,
Мечтатель, безумецъ божественный, все
Забывшій для блага людей!

Соборъ фарисейскій коварно, безбожно
На гибель тебя осудилъ —
Зачѣмъ же такъ смѣло, такъ неосторожно
Ты равенству, братству училъ?

Не былъ по несчастью, во время твое
Извѣстенъ печатный станокъ,
Особою книжкой ученье свое
Пустить бы вѣрнѣе ты могъ.

Цензура, приличіе нравовъ любя,
Смарала бы много въ ней мѣстъ,
Какъ добрая мать, охраняя тебя,
И ты не попалъ бы на крестъ.

Какъ жаль, что съ талантомъ твоимъ и умомъ,
Ты не взялъ для рѣчи нагорной
Хоть текста другаго, чтобъ легче потомъ
Сойтись съ синагогой упорной.

Съ плеча бичевалъ ты злодѣйство, порокъ,
За что и прослылъ вольнодумцемъ.
Былъ преданъ и распятъ — въ урокъ
Подобнымъ грядущимъ безумцамъ.

Изъ за матушки, за Волги.

На голосъ:
„Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“.

Изъ за матушки, за Волги
Со широкаго раздолья,
Поднялась толпой-народой
Сила русская, сплошная —
Поднялась спокойнымъ строемъ,
Да какъ кликнетъ громкимъ кличемъ:
Добры молодцы идите,
Добры молодцы сбирайтесь —
Съ Бѣла-моря ледянаго,
Со степнаго Черноморья,
По родной великой Руси,
По Украйнѣ по казацкой,
Отстоимъ мы нашу землю;
Отстоимъ мы нашу волю,
Чтобъ земля намъ да осталась,
Воля вольная сложилась,
Барской злобы не пугалась,
Властью царской не томилась! —

Китайскій Императоръ.

Хрычъ угрюмый, строгихъ правилъ
Былъ покойный мой родитель,
Я-жъ шампанскимъ запиваю
И великій я властитель.

Да, прелестный это нектаръ,
Даромъ чуднымъ онъ владѣетъ:
Чуть я выпью, отъ блаженства
Весь народъ тотчасъ пьянѣетъ.

Мой Китай богохранимый
Станетъ въ мигъ чудесъ палата —
Стану я почти что мужемъ
И жена моя брюхата.

Черствый хлѣбъ рабочихъ бѣдныхъ
Въ тортъ миндальный обратится;
Въ шелкъ и бархатъ съ соболями
Каждый нищій облачится.

Всюду роскошь. Вмигъ больные
Обрѣтаютъ исцѣленье;
Вдругъ становится толковымъ
Мудрецовъ моихъ ученье.

Мандариновъ хламъ негодный
Даже старцы изъ Совѣта,
Вздоръ не мелятъ, а со смысломъ
Разсуждаютъ — въ ихъ-то лѣта!

Каждый жидъ спѣшитъ креститься,
Чтобъ избѣгнуть муки ада:
Я дарую имъ „Дракона“ —
Крестъ четвертаго разряда.

Словно бѣсъ предъ божьимъ словомъ
Исчезаютъ радикалы,
И не льготъ: цѣпей и плети
Просятъ конституціоналы.

Лекарь мнѣ грозитъ бѣдою,
Если пить не перестану —
Но для блага государства
Я себя щадить не стану.

За стаканомъ стаканъ!
Пусть здоровью изъянъ —
Да за то весь народъ
Мнѣ съ любовью поетъ:

„Славься мудрый нашъ властитель!
Славься царь-освободитель!“

Г. Гейне.

Русскій императоръ.

Русскій императоръ
Въ вѣчность отошелъ,
Ему операторъ
Брюхо распоролъ.

Плачетъ государство,
Плачетъ весь народъ —
Ѣдетъ къ намъ на царство
Константинъ уродъ!

Но царю вселенной,
Богу вышнихъ силъ,
Царь „благословенный“
Грамотку вручилъ.

Грамотку читая,
Сжалился творецъ:
Далъ намъ Николая — —
Сукинъ сынъ, подлецъ!

Искандеру.

Я ѣхалъ по полю пустому,
И свѣжъ и сыръ былъ воздухъ, и луна,
Скучая, шла по небу голубому,
И плоская синѣлась сторона —
Въ моей душѣ мѣнялись скорбь и сила
И мысль моя съ тобою говорила.

Все степь, да степь! нѣтъ ни души, ни звука!
И ѣду въ даль я гордъ и одинокъ —
Моя судьба во мнѣ. Ни скорбь, ни скука
Не утомятъ меня. Всему свой срокъ,
Я правды рѣчь велъ строго въ дружномъ кругѣ —
Ушли друзья въ младенческомъ испугѣ.

И онъ ушелъ — котораго какъ брата,
Иль какъ сестру такъ нѣжно я любилъ!
Мнѣ тяжела какъ смерть его утрата;
Онъ духомъ чистъ и благороденъ былъ,
Имѣлъ онъ сердце нѣжное, какъ ласка,
И дружба съ нимъ мнѣ памятна, какъ сказка.

Ты мнѣ одинъ остался неизмѣнный —
Я жду тебя. Мы въ жизнь вошли вдвоемъ;
Таковъ остался нашъ союзъ надменный!
Опять одни мы въ грустный путь пойдемъ,
Объ истинѣ глася неутомимо —
И пусть мечты и люди идутъ мимо.

Кабакъ.

Выпьемъ что-ли, Ваня,
Съ холода да съ горя;
Говорятъ, что пьянымъ
По колѣно море.
У Антона дочь-то
Дѣвка молодая:
Очи голубыя,
Славная такая.
Да богатъ онъ, Ваня:
На отрѣзъ откажетъ;
Вѣдь сгоришь съ стыда, братъ,
Какъ на дверь укажетъ.
Что я ей за пара?
Скверная избушка —
А оброкъ-то, Ваня,
А кормить старушку!
Выпьемъ что-ли съ горя?
Эхъ, братъ! да едва-ли
Бѣдному за чаркой
Позабыть печали!

Н. Огаревъ.

„Кавеньякъ говоритъ."

Кавеньякъ, говоритъ,
Пьетъ коньякъ, говоритъ —
Ламартинъ, говоритъ,
Тянетъ джинъ, говоритъ —
Араго, говоритъ,
Пьетъ марго, говоритъ —
А Ролленъ, говоритъ,
Шамбертенъ, говоритъ —

И Гизо, говоритъ,
Былъ сизо, говоритъ —
Да Филиппъ, говоритъ,
Старый грибъ, говоритъ,
Протрезвясь, говоритъ,
Сунулъ въ грязь, говоритъ.
Людовикъ, говоритъ,
Сталъ въ тупикъ, говоритъ;
Но какъ вникъ, говоритъ,
Онъ въ травникъ, говоритъ,
Сталъ въ моментъ, говоритъ,
Президентъ, говоритъ.
А Кошутъ, говоритъ,
Старый шутъ, говоритъ,
Пьетъ токай, говоритъ,
Черезъ край, говоритъ —
Папа Пій, говоритъ,
Римъ не пей, говоритъ,
А народъ, говоритъ
Врешь уродъ, говоритъ:
Будемъ пить, говоритъ,
И поповъ, говоритъ,
Будемъ бить, говоритъ,
Какъ клоповъ, говоритъ.
Виндишгрецъ, говоритъ,
О подлецъ! говоритъ,
Выпивъ грогъ, говоритъ,
Вѣну сжёгъ, говоритъ,
Что же Русь говоритъ?
О! насъ трусь, говоритъ,
Цѣльный ромъ, говоритъ,
Пьемъ ведромъ, говоритъ;
Врагъ съ мечёмъ, говоритъ,
Ни почёмъ, говоритъ,
Старъ и малъ, говоритъ,
Лавръ и миртъ, говоритъ,
Квасъ и спиртъ, говоритъ.

Казакъ.

Разъ полунощной порою,
Сквозь туманъ и мракъ,
Ѣхалъ тихо надъ рѣкою
Удалой казакъ.

Черна шапка на бекренѣ,
Весь жупанъ въ пыли,
Пистолеты при колѣнѣ,
Сабля до земли.

Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вотъ предъ нимъ двѣ, три избушки,
Выломанъ заборъ;
Здѣсь — дорога къ деревушкѣ,
Тамъ — въ дремучій боръ.

„Не найду въ лѣсу дѣвицы“
Думалъ хватъ Денисъ;
„Ужъ красавицы въ свѣтлицы
На ночь убрались“.

Шевельнулъ Донецъ уздою,
Шпорой прикольнулъ,
И помчался конь стрѣлою —
Къ избамъ завернулъ.

Въ облакахъ луна сребрила
Дальни небеса;
Подъ окномъ сидитъ уныла
Дѣвица-краса.

Храбрый видитъ красну дѣву,
Сердце бьется въ немъ;
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву
Вотъ ужъ подъ окномъ.

„Ночь становится темнѣе,
Скрылася луна.
Выйдь, коханочка, скорѣе,
Напои коня“.

— Нѣтъ! Къ мужчинѣ молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мнѣ изъ дому,
Коню дать воды. —

„Ахъ, небось, дѣвица красна,
Съ милымъ подружись!“
— Ночь красавицамъ опасна. —
„Радость, не страшись!“

„Вѣрь, коханочка, пустое,
Ложный страхъ отбрось!
Тратишь время золотое,
Милая, небось!“

„Сядь на борзаго: съ тобою
Въ дальній ѣду край;
Будешь счастлива со мною! —
Съ другомъ всюду рай!“

Что же дѣвица? Склонилась,
Побѣдила страхъ,
Робко ѣхать согласилась,
Счастливъ сталъ казакъ!

Поскакали, полетѣли,
Дружку другъ любилъ:
Былъ ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

А. С. Пушкинъ.

Старый капралъ.

І. П. Беранже.

Въ ногу, ребята, идите;
Полно, не вѣшать ружья!
Трубка со мной — проводите
Въ отпускъ безсрочный меня.
Я былъ отцемъ вамъ, ребята,
Вся въ сѣдинахъ голова —
Вотъ она служба солдата —!
Въ ногу, Ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!
Разъ Два! Разъ! Два!

Да, оскорбилъ офицера,
Молодъ и онъ оскорблять
Старыхъ солдатъ. Для примѣра
Должно меня разстрѣлять.
Выпилъ я — Кровь заиграла!
Дерзкія слышу слова —
Тѣнь Императора встала —
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся! —
Разъ! Два! Разъ! Два!

Братцы! Солдатскіе годы.
Служба — въ рукахъ у судьбы —
Помню я наши походы,
Время великой борьбы.
Ухъ! наша слава пропала —
Подвиговъ нашихъ молва
Сказкой казарменной стала —
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!
Разъ! Два! Разъ! Два!

Ты, землячокъ, поскорѣе
Къ нашимъ стадамъ воротись —
Нивы у насъ зеленѣе,
Легче дышать — поклонись
Храмамъ селенья роднова
Боже! Старуха жива!
Не говори ей ни слова —
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!
Разъ! Два! Разъ! Два!

Кто тамъ такъ громко рыдаетъ?
А! я ее узнаю
Русскій походъ вспоминаетъ —
Да, отогрѣлъ всю семью.
Снѣжной, тяжелой дорогой
Несъ ея сына — Вдова
Вымолитъ миръ мнѣ у Бога —
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!
Разъ! Два! Разъ! Два!

Трубка, никакъ, догорѣла?
Нѣтъ, затянусь еще разъ.
Близко, ребята. За дѣло!
Прочь! не завязывать глазъ.
Цѣлься вѣрнѣе! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай Богъ домой вамъ вернуться!
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся! —
Разъ! Два! Разъ! Два!

Пер. В. Курочкинъ.

Кинжалъ.

Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайной стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!
Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься вездѣ — подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ;
Какъ адскій лучь, какъ молнія боговъ —
Нѣмое лезвее злодѣю въ очи блещетъ
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.
Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной.
Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ
Державный Римъ упалъ главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Кинжалъ, ты кровь излилъ, и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.

Исчадье мятежей подъемлетъ злобный крикъ
Презрѣнный, мрачный и кровавый
Надъ трупомъ вольности безглавой,
Палачь уродливый возникъ.
Апостолъ гибели, усталому Аиду,
Перстомъ онъ жертвы назначалъ,
И вышній судъ ему послалъ
Тебя и дѣву Эвмениду.
Свободы мученикъ, избранникъ роковой,
О Зандъ! Твой вѣкъ угасъ на плахѣ,
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ,
Твоей Германіи Ты грозной тѣнью сталъ,
И на торжественной могилѣ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

А. Пушкинъ.

Кнутъ.

I.

(Подражаніе вѣткѣ Палестины Лермонтова.)

Скажи мнѣ двигатель народный,
Символъ народной простоты,
Какой рукою благородной
И занесенъ откуда ты?

Отъ странъ-ли дикаго востока
Пришелъ ты въ обществѣ меча —
Въ рукахъ ревнителей пророка,
Слѣпому рабству насъ уча?

Иль чуждаго происхожденья —
Ты по сродству намъ близокъ сталъ
И ни единаго мгновенья
Еще нерусскимъ не бывалъ?

Скажи мнѣ: грѣшною спиною
Тебя кто первый перенесъ?
Отъ униженья-ль предъ тобою
Онъ лилъ потоки горькихъ слезъ?

Иль чествю не обезпокоенъ?
И крѣпокъ выей и хребтомъ,
Онъ былъ равно тебя достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?

Межъ нами, дѣйствуя свободно —
Пришлецъ въ Россіи вѣковой —
Ты лучшій стражъ любви народной
И власти вѣрный часовой!

II.

Ремянный кнутъ, не безъухапный,
Забытый въ полѣ вижу я,
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

Кто далъ тебѣ твой видъ пріятный,
Тебя тесемкою обвилъ,
И кто твой кончикъ сыромятный
Такъ превосходно прикрѣпилъ?

Скажи мнѣ, кто владѣлъ тобою,
И что онъ былъ за человѣкъ?
Съ тяжелой, легкой-ли рукою,
А главное — кого ты сѣкъ?

Стегалъ-ли ты кляченки жалкой
Хребетъ и впалые бока,
Иль, мирно чередуясь съ палкой,
Гулялъ по ж... мужика?

Мужчинъ-ли больше ты исправилъ,
Иль также женщинъ поучалъ?
И тотъ зачѣмъ тебя оставилъ,
Кто, кнутъ! тобою обладалъ?

Ты, громко дѣвокъ вызывая
Иль къ земскому, иль на гумно,
Иль къ барину подъ сѣнь сарая
Стучалъ-ли въ низкое окно?

Иль, можетъ быть, о бичъ славянскій!
Вооружась тобой, холопъ
Далъ з.... цѣ понять дворянской
Тоску простыхъ мужичьихъ ж...?

И чтобъ ни дѣлалъ ты донынѣ,
Привѣтъ тебѣ усердный мой,
Опора трона, другъ святыни,
Символъ страны моей родной!

„Когда нашъ Новгородъ великій“.

Когда нашъ Новгородъ великій
Отправилъ за море пословъ,
Чтобъ испросить себѣ владыку
Для буйной вольницы головъ,
Онъ съ откровенностію странной
Велѣлъ сказать чужимъ князьямъ:

Нашъ край богатый и пространный,
Но не дался порядокъ намъ.
Съ тѣхъ поръ родъ Рюрика владѣетъ,
А все порядка не видать.
О Несторъ, Несторъ! кто посмѣетъ
Тебя во лжи изобличать,
Когда на первой же страницѣ
Печать ты правды положилъ;
Ни вѣки буйною станицей,
Ни Петръ желѣзною десницей,
Никто тебя не сокрушилъ.
Все тотъ же Руси жребій странный:
И край богатый и пространный,
И Нѣмцевъ эка благодать,
А все порядка не видать!

Колоколъ.

Россія тягостно молчала,
Какъ изумленное дитя,
Когда неистово гнетя
Одна рука ее сжимала;
Но тотъ, который что есть силъ
Ребенка мощнаго давилъ,
Онъ съ тупоумiемъ капрала
Не зналъ, что передъ нимъ лежало —
И мысль его не поняла
Какая есть въ ребенкѣ сила:
Рука — ее не задушила,
Сама съ натуги замерла.

Въ годину мрака и печали,
Какъ люди русскіе молчали.
Гласъ вопiющаго въ пустынѣ:
Одинъ раздался на чужбинѣ!

Звучалъ на почвѣ не родной —
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что изъ боязни
Онъ укрывался бы отъ казни;
А потому, что здѣсь языкъ
Къ свободномыслію привыкъ —
И не касался окова
До человѣческаго слова.

Привѣта съ родины далекой,
Дождался голосъ одинокой,
Теперь юнѣй, сильнѣе онъ —
Звучитъ, разкачиваясь, звонъ,
И онъ гудѣть не перестанетъ,
Пока — спугнувъ ночные сны
Изъ колыбельной тишины —
Россія бодро не воспрянетъ,
И крѣпко на ноги не станетъ!
И непорывисто смѣла —
Начнетъ торжественно и стройно,
Съ сознаньемъ доблести спокойной,
Звонить во всѣ колокола.

Н. Огаревъ.

Конь.*)

У ѣздока, наѣздника лихова
Былъ конь, какого
И въ табунахъ степныхъ на рѣдкость поискать.
Какая стать,
И ростъ, и красота, и сила!
Такъ щедро всѣмъ его природа одарила!

---

*) Посвящается Украинскимъ Казакамъ.

Какъ онъ прекрасенъ былъ съ наѣзникомъ въ бояхъ!
Какъ смѣло въ пропасть шелъ — и выносилъ въ горахъ!
Но съ смертью ѣздока, достался онъ другому
Наѣзднику, да на бѣду — плохому.
Тотъ приказалъ его въ конюшню свесть,
И тамъ, на привези, давать и пить, и ѣсть,
А за усердіе, за службу удалую
Вѣкъ не снимать съ него уздѣчку золотую.
Вотъ годы цѣлые безъ дѣла конь стоитъ,
А сѣсть боится,
Чтобъ не свалиться.
И сталъ нашъ конь въ лѣтахъ,
Потухъ огонь въ глазахъ
И спалъ онъ съ тѣла.
И какъ, вскормленному въ бояхъ, не похудѣть безъ дѣла!
Коня всѣмъ жаль; и конюхи плохіе,
Да и наѣзники лихіе
Между собою говорятъ:
Ну, ктобъ коню такому былъ не радъ
Кабы другому онъ достался?
Въ томъ и хозяинъ сознавался;
Да для него вотъ та бѣда,
Что конь въ возу не ходитъ никогда.
И въ правду есть кони ужъ отъ природы,
Такой породы —
Скорѣй его убьешь
Чѣмъ запряжешь.

А. Крыловъ.

Русская кровь льется.

Русская кровь льется
И польская съ ней —
Слово раздается:
Не пали солдатъ, не робѣй!

Солдатъ, ты душу погубишь,
Стрѣляя невинныхъ людей,
Иначе-же мученикъ будешь —
Не пали солдатъ, не робѣй!

Русская кровь льется
И польская съ ней —
Слово раздается:
Не пали солдатъ, не робѣй!

Мужикъ, иль благородный —
Тайкомъ, иль средь друзей,
Повторяйте всѣ крикъ народный:
Не пали солдатъ, не робѣй!

Русская кровь льется
И польская съ ней —
Слово раздается:
Не пали солдатъ, не робѣй!

Курбскій.*)

На камнѣ мшистомъ въ часъ ночной,
Изъ милой родины изгнанникъ,
Сидѣлъ князь Курбскій, вождь младой,
Въ Литвѣ враждебной грустный странникъ —
Позоръ и слава русскихъ странъ,
Въ совѣтѣ мудрый, страшный въ брани,
Надежда скорбныхъ Россіянъ,
Гроза Ливонцевъ, бичъ Казани...

*) Князь Андрей Михаиловичъ, вождь, писатель и другъ Іоанна Грознаго, бѣжалъ въ Польшу, какъ другъ Адашева, прежняго любилца Іоанна, за котораго послѣдній Курбскаго и другихъ преслѣдовалъ. (1552—1564.)

Сидѣлъ — и въ перекатахъ громъ
На небѣ мрачномъ раздавался,
И темный лѣсъ шумя, кругомъ
Отъ блеска молній освѣщался.
„Далеко отъ страны родной,
Далеко отъ подруги милой —“
Сказалъ онъ, покачавъ главой:
„Я долженъ вѣкъ вести унылой!“

„Ужь болѣе пылкихъ я дружинъ
Не поведу къ кровавой брани,
И врагъ не побѣжитъ съ равнинъ
Отъ покорителя Казани!
До дряхлой старости влача
Унылу жизнь, въ тижи безславной,
Не обнажу за Русь меча,
Гонимъ судьбою своенравной!“

„Въ Литвѣ я нынѣ сталъ вождемъ —
Но, ахъ! ни почести велики
Не веселятъ въ краю чужомъ,
Ни ласки чуждаго владыки.
Я все стенаю и грущу,
И на пирахъ сижу угрюмый,
Чего то для души ищу,
И часто погружаюсь въ думы...“

„И въ хижинѣ, и во дворцѣ
Меня гласъ внутренній тревожитъ,
И мрачность на моемъ лицѣ
Веселость шумныхъ пиршествъ множитъ...
Увы! злымъ рокомъ я лишенъ
Семьи, отечества драгова!
Сколь жалокъ тотъ, кто осужденъ
Искать въ странѣ чужой покрова!“

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Къ арестанту.

Мой привѣтъ тебѣ, братъ по несчастью!
Ты, какъ я же, сталъ жертвой цѣпей!
Погубило насъ жизни ненастье:
Трусость, глупость и злоба людей!
Не такого-бъ ты стоилъ удѣла
Полный жизни, энергіи, силъ;
Вѣрный рыцарь великаго дѣла,
Ты любимымъ-бы былъ и любилъ.
Но не то тебѣ пало на долю:
Ты аскетомъ всю жизнь проживешь,
Изъ тюремной лишь выйдешь неволи,
Какъ въ тюрьму ты опять попадешь.
И всю жизнь, какъ бродяга скитаясь,
Слово правды вездѣ разнесешь;
Но, за счастьемъ людскимъ вѣкъ гонялась,
Своего ты нигдѣ не найдешь!
Но во многомъ найдешь ты отраду:
Въ томъ, что честно исполнилъ свой долгъ,
Что страдалъ за любовь и за правду,
Что твой подвигъ былъ труденъ и долгъ,
И что былъ онъ свершонъ не напрасно,
Какъ отшельника подвигъ тупой,
Что, бичуя себя ежечасно,
Истомляетъ безплодной борьбой.
Нѣтъ, погибнешь ты, братъ мой, недаромъ!
Что ты сѣялъ, то все и взойдетъ,
Все, чему ты училъ съ юнымъ жаромъ,
Все въ народѣ свой откликъ найдетъ!
Глубоко западутъ въ его душу
Сѣмена тѣ, на зло людямъ тьмы:
Ихъ не вырветъ суровая стужа
Русской вселеденящей зимы.
Грозенъ будетъ тотъ откликъ народа!
Громче звона его кандаловъ,
Громче яростныхъ воплей враговъ
Прозвучитъ это слово — — „свобода“!!

Рухнетъ старый союзъ бюрократа,
Фабриканта, попа и солдата;
Какъ видѣнье тяжелаго сна,
Вѣковая исчезнетъ тюрьма!
Рухнетъ съ виду столь прочное зданье,
Такъ какъ въ самомъ его основаньи
Подточилъ его старый термитъ,
Человѣческихъ силъ паразитъ.
И на грудахъ костей твоихъ братій
Оснуется то царство любви,
Гдѣ не будетъ ужъ слышно проклятій,
Стоновъ жертвъ — затопленныхъ въ крови.
1877.

Къ народамъ.

Зачѣмъ волнуютъ народы?
Зачѣмъ враждуютъ племена?
Обычной чередой проходятъ годы;
Всё тѣже блещутъ знамена —
Кровавыхъ битвъ трофеи,
Властителей безумныя затѣи.
Уже-ль Спасителя святое искупленье
Не принесетъ блаженнаго плода,
И рода грѣшнаго спасенье
Не искупится никогда?
Нѣтъ — Боже — праведный судья людей!
Ты не напрасно кровь свою пролилъ,
Грѣхъ первородный искупилъ
Страданіемъ и смертію своей.
Настанетъ часъ, и онъ ужъ не далекъ:
Проснутся спящіе народы,
Соединится съ Западомъ Востокъ,
Во имя братства и свободы!

Настанетъ часъ рѣчей свободныхъ —
Замѣнятъ у людей они геройскій мечъ,
И вдохновенная живая рѣчь
Судьей, будетъ распрей межъ-народныхъ.
Настанетъ часъ, и смѣло возвѣститъ
На сѣверѣ ораторъ истину святую,
И громкой лирою свободно прозвучитъ
Поэтъ: любовь народовъ вѣковую,
И будутъ всѣ внимать народы —
И перестанетъ проливаться кровь —
И звуки пролетятъ изъ рода въ роды —
И водворится братство и любовь!

П. П...

Къ Судьямъ.

Мой тяжкій грѣхъ, мой умыселъ злодѣйскій
Суди, судья, но проще, но скорѣй:
Безъ мишуры, безъ маски фарисейкой,
Безъ защитительныхъ рѣчей...
Крестьянскія вериги, вмѣсто платья,
Одѣвъ, и снявъ „преступно“ башмаки,
Я шла туда, гдѣ стонутъ наши братья,
Гдѣ вѣчный тудъ и бѣдняки.
Застигнута на мѣстѣ преступленья
Съ „поличнымъ, я на судъ приведена...
Зачѣмъ-же тутъ „свидѣтели“ и „пренья“?
Вѣдь я кругомъ уличена!
Оставъ, судья, ненужные вопросы...
Взгляни — я вся въ уликахъ: на плечахъ
Мужицкая одежа, ноги босы,
Мозоли видны на рукахъ,
Тяжелою работой я разбита....
Но, знашь-ли — въ душѣ моей, на днѣ,
Тягчайшая изъ всѣхъ уликъ сокрыта:
Любовь къ родимой сторонѣ.

Но знай и то, что какъ я ни преступна,
Ты надо мной безсиленъ, мой судья...
Нѣтъ, я суровой карѣ недоступна,
И побѣдишь не ты, а я.
„Пожизненно“ меня ты похоронишь...
Но мой недугъ ужъ написалъ протестъ...
И мнѣ грозитъ — самъ видишь ты и знаешь —
Лишь кратковременный арестъ.
А я умру все съ тою-же любовью...
И, уронивъ тюремные ключи,
Съ молитвою приникнутъ къ изголовью
И зарыдаютъ палачи...!

12 Марта, 1877 года.

Михайлову.

На голосъ:
„Среди долины ровныя“.

Закованъ въ желѣзы съ тяжелою цѣпью,
Идешь ты, изгнанникъ, въ холодную даль,
Идешь безконечною, снѣжною степью,
Идешь въ рудокопы на трудъ и печаль.
Иди безъ унынья — иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья!

И вѣръ неослабно, нашъ мученикъ ссыльный,
Иной рудокопъ не исчезъ, не потухъ —
Незримый, но слышный, повсюдный, всесильный
Народной свободы таинственный духъ.
Иди-жъ безъ унынья — иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья!

Онъ роется мыслью, работаетъ словомъ,
Онъ юношей будитъ въ безмолвье ночей;
Пророчитъ о племени сильномъ и новомъ,
Хоронитъ безжалостно ветхихъ людей.
Иди-жъ безъ унынья — иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекраснъ и святы страданья!

Онъ создалъ тебя и въ плѣну не покинетъ,
Онъ стражу разгонитъ и цѣпь раскуетъ;
Онъ камень отъ входа темницы отдвинетъ,
На праздникъ народный тебя призоветъ.
Иди-жъ безъ унынья — иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекраснъ и святы страданья!

Юнкерская молитва.

Царю Небесный!
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня.
Отъ маршировки
Меня избавь,
Въ парадировки
Меня не ставь.
Пускай въ манежѣ
Алёхинъ*) глазъ,
Какъ можно рѣже,
Тамъ видитъ насъ.
Еще моленье
Позволь послать —
Дай, въ воскресенье,
Мнѣ опоздать!

М. Ю. Лермонтовъ.

---

*) Бывшій въ то время командиръ юнкерскаго эскадрона.

Море сна.

Мнѣ вѣдомо мо́ре, сѣдой океанъ:
Надъ нимъ безпредѣльный простерся туманъ,
Надъ нимъ лучезарный не катится щитъ;
Но звѣздочка блѣдная тихо горитъ.

Пускай океана невѣдомъ конецъ —
Его не боится отважный пловецъ;
Въ него меня манитъ не занятый блескъ,
Таинственный шопотъ и сладостный плескъ.

Въ него погружаюсь одинъ, молчаливъ,
Когда настаетъ полуночный приливъ —
И чуть до груди прикоснется волна,
Въ больную вливается грудь тишина.

И вдругъ я на берегѣ — будто знакомъ!
Гляжу и вхожу въ очарованный домъ:
Изъ оконъ мнѣ милыя лица глядятъ
И рѣчи привѣтныя слухъ веселятъ.

Не милыхъ-ли сердцу я вижу друзей,
Когда-то товарищей жизни моей?
Всѣ, всѣ они здѣсь! удержать не могли:
Ни рокъ ихъ, ни люди, ни нѣдра земли!

По прежнему льется живой разговоръ;
По прежнему свѣтится дружескій взоръ —
При вѣщемъ сіяніи райской звѣзды,
Забыта разлука, забыты бѣды.

Но, ахъ! предъ зарей наступаетъ отливъ —
И слышится мнѣ неотрадный призывъ —
Развѣялось все — и мерцаніе дня
Въ пустынѣ глухой освѣтило меня.

В. К. Кюхельбекеръ.

Москва 1846-го марта 1-го.

Когда колокола торжественно звучатъ,
Иль ухо чуткое услышитъ звонъ ихъ дальній —
Невольно думою печальною объятъ,
Какъ будто пѣсни погребальной
Веселымъ звукамъ ихъ внимаю грустно я,
И тайнымъ ропотомъ полна душа моя.

Преданье-ль темное тайникъ взволнуетъ груди,
Иль точно въ звукахъ тѣхъ таится звукъ иной,
Но мнится, колоколъ я слышу вечевой:
Разбитый, можетъ быть, на тысячи орудій,
Властямъ когда-то роковой.

Да, умеръ онъ, давно замолкъ языкъ народа,
Склонившаго главу подъ тяжкій царскій кнутъ;
Но встанетъ грозный день, но воззоветъ свобода,
И камни вопли издадутъ —
И растеченный прахъ и кости исполина
Совокупитъ опять духъ Божій во едино.

И звучнымъ голосомъ онъ снова загудитъ —
И въ оный судный день, въ расплаты день кровавый,
Въ немъ новгородская душа заговоритъ
Московской рѣчью величавой...
И весело тогда на башняхъ и стѣнахъ
Народной вольности завѣетъ красный стягъ! —

Гражданское мужество.

Кто, кто сей дивный великанъ
Одѣянъ свѣтлою бронею,
Чело спокойно, строенъ станъ
И весь сіяетъ красотою?

Кто сей украшенный вѣнкомъ,
Съ мечомъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой,
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты-ли, мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ?
Не ты-ли, геній древнихъ странъ,
Не ты-ли сила душъ свободныхъ?
О, доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты-ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И въ наши дни всегда была
Надежною опорой троновъ?

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ вражду, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ,
Не погасала въ ихъ сердцахъ,
Любовь къ согражданамъ своимъ;
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ Ареопагу.

О! ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой,
Тобою славны на судѣ
И Панинъ нашъ и Долгорукій,
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины,
И вопль и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ,
И перломъ былъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
И страхомъ ставъ для чуждыхъ боевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя,
И юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи —
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ временъ,
Сіять для будущихъ племенъ.
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ,
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ,
Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;
Подъ ихъ убійственнымъ мечемъ
Вездѣ лилася кровь ручьемъ.
Аттилъ и Цесарей, и Бренновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой,
Они являлися толпой..
Но много-ль было Цицероновъ?...

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ —
Но намъ ли унывать душой,
Пока еще въ странѣ родной

Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерининскихъ временъ
Для блага сѣверныхъ племенъ
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

И такъ, сограждане, не намъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье
Благодаренье небесамъ,
За ихъ святое снисхожденье;
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ
Мужъ добродѣтельный намъ данъ.
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;
Вотще коварство вкругъ шипитъ —
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть козни строя,
Въ безумной дерзости своей,
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, спокоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ.
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и въ судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпора власти и народу.

Такъ въ дикой красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ.
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, ревутъ рѣка,
Но тщетны дерзкіе порывы;
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Возноситъ верхъ свой горделивый.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Мысли Россіянина

при чтеніи указа о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ западныхъ четырехъ губерніяхъ и четырехъ уѣздахъ.

1.

Эхъ ты царь нашъ батюшка
Александръ второй!
Знать и вправду бубны то
Славны за горой.
Знать покуда въ Питерѣ
Тѣшили слова,
Думалъ ты пируючи:
„Всё молъ трынь-трава!
И въ освободители
Попаду молъ я,
И съ моими барами
Будемъ мы друзья.
Мужику помажу я
Мёдомъ по усамъ,
А другой де воли я
Всё-жъ ему не дамъ!
Въ нѣкой постепенности
Отыщу матерью,
Удоблетворить заразъ
Всю мою имперью —“

2.

Эхъ ты царь нашъ батюшка,
Я простой мужикъ —
И къ словомъ заморскіимъ
Вовсе не привыкъ

Мнѣ бы какъ по проще-то:
Посулилъ — подай,
Хочешь да — скажи — а нѣтъ —
Рта не разѣвай.
Въ промежуткѣ пустошномъ
Между да и нѣтомъ,
Смыслу не найти тебѣ
Съ всѣмъ твоимъ Совѣтомъ.
Былъ бы ты, царь-батюшка,
Самъ себѣ не врагъ —
Вѣрно не втесался бы
Въ постепенный мракъ;
А сначала съ самого
Намъ бы землю далъ,
Безъ оброковъ-выкуповъ
Всѣхъ бы развязалъ.

3.

Ты пойми, царь-батюшка,
Испугавшись Ляха —
Ты вѣдь за развязку-то
Вдругъ взялся со страха.
Страхъ — совѣтникъ плохинькой,
Не волёнъ въ мысляхъ,
И глаза зажмуривши
Бродитъ всё въ потьмахъ.
Страхъ въ россійскомъ воинствѣ
Уничтожилъ строй —
И пустилъ солдатушекъ
На простой разбой;
Такъ что побѣдятся то
Ляхи не войсками,
А сдадутся — будутъ въ томъ
Виноваты сами.
Съ страху ты, царь-батюшка,
Русскимъ на проклятье
Бросился украдкою
Въ прусскія объятья,

Съ поганью нѣмецкою
Заключилъ союзъ,
Хныча словно махонькой:
„Дяденька, боюсь!“

4.

И теперь со страху-же
Хочешь ты, чтобъ панъ
Лапою казенною
Бралъ оброкъ съ крестьянъ.
Да смотри не поздно-ли
Ты взялся за умъ?
Да и умъ не выйдетъ-ли
Только на обумъ?
Кто къ уставной грамотѣ
Руку приложилъ —
По указу надобно,
Чтобы рубль платилъ;
Кто-же не подписывалъ,
Былъ тебѣ противенъ —
Тотъ заплатитъ съ скидкою
Только восемь гривенъ:
Стало быть, царь-батюшка,
Ужъ такой урядъ —
Кто тебя послушался,
Тотъ и виноватъ.
Племена литовскія
Идутъ бунтовать —
Ты крестьянъ отъ панщины
Хочешь развязать.
А какъ между русскими
Бунта еще нѣтъ —
Ну такъ переходностью
Сжать ихъ на сто лѣтъ,
Чтобы царской милости
Вѣкъ былъ русскій баринъ —
За неразвязаніе
Очень благодаренъ.

5.

Ну — съ Литвой какъ рядышкомъ
Если нашъ народъ
Въ неповиновеніи
Выгоду поймётъ?
Если Псковъ да Новгородъ,
Да смоленской людъ,
А потомъ московскіе
Къ нимъ-же подойдутъ;
Да по всей имперіи
Русской весь народъ —
На неправосудіе
Вдругъ возопіётъ:
Нутка, царь, развязывай!
Нѣтъ, ужъ тутъ съ рубля
Двадцатью копѣйками
Отлынять нельзя.
Видишь-ли, царь-батюшка,
Въ страхѣ нѣтъ добра,
Съ нимъ — чего мудренаго —
Побѣжишь съ двора.
Знаю — тучу божію
Не сшвырнешь на вилахъ —
Ты сознайся попросту,
Что владать не въ силахъ,
Обратись-ка къ земщинѣ,
Созови соборъ,
Да народныхъ выборныхъ
Слушай приговоръ;
Слушай во смиреніи,
Головой склонись,
Разуму народному
Самъ-то поучись.
Да спѣши, царь-батюшка,
Чтобъ не запоздать,
Не пришлось-бы земщину
Безъ тебя созвать.

6.

Если я, царь-батюшка,
Что̀ сказалъ не въ ладъ —
Ты ужъ не взыщи на мнѣ,
Я не виноватъ.
Твой покойный тятенька
Человѣкъ былъ строгъ,
Всѣхъ кто былъ по грамотнѣй
Гнулъ въ бараній рогъ.
Мы учились безъ толку,
Какъ-то на авось —
Впрочемъ, свѣтъ царь-батюшка,
Ты меня не бось.
Человѣкъ я маленькой,
Смирный, не буянъ,
Чиномъ не запятнанный
И не изъ дворянъ.
Я не воръ, не взяточникъ,
Не шпіонъ какой
Купленный и проданный,
А мужикъ простой —
Пока вѣрноподданный! —

Навуходоносоръ.

I. П. Беранже.

Въ давно минувшіе вѣка,
До рождества еще Христова,
Жилъ царь подъ шкурою быка;
Оно для древнихъ было ново.
Но льстили точно также встарь
И также пѣлъ придворныхъ хоръ:
Ура! да здравствуетъ нашъ царь!
Навуходоносоръ!

„Нашъ царь бодается, такъ чтожъ,
„И мы топтать народъ здоровы“ —
Рѣшилъ совѣтъ сѣдыхъ вельможъ,
„Да здраствуютъ рога царевы!
„Да и въ Египтѣ, государь,
„Быкъ божество съ давнишнихъ поръ —
„Ура! да здраствуетъ нашъ царь!
„Навуходоносоръ!“

Державный быкъ коренья жретъ —
Ему вода рѣчная — пойло.
Какъ трезво царь себя ведетъ!
Поэтъ воспѣлъ царево стойло.
И надъ поэмой государь,
Мыча, уставилъ мутный взоръ —
Ура! да здраствуетъ нашъ царь!
Навуходоносоръ!

Въ тогдашней Сѣверной Пчелѣ
Печатали неоднократно,
Что у монарха на челѣ
Слѣдъ царской думы необъятной,
Что изъ сердецъ ему алтарь
Воздвигъ народный приговоръ —
Ура! да здраствуетъ нашъ царь!
Навуходоносоръ!

Быкъ только ноздри раздувалъ,
Упитанъ сѣномъ и хвалами,
Но, подъ ярмо жрецовъ попалъ,
И управляемый жрецами,
Мычалъ рогатый государь
За приговоромъ приговоръ —
Ура! да здраствуетъ нашъ царь!
Навуходоносоръ!

Тогда не вытерпѣлъ народъ,
Царя избралъ себѣ другаго.

Какъ православный нашъ причетъ
Жрецы — любители мяснаго —
Какъ злы то люди были встарь!
Придворнымъ то какой позоръ!
Былъ съѣденъ незабвенный царь —
Навуходоносоръ!

Льстецы царей! Вотъ вамъ сюжетъ
Для оды самой возвышенной —
Да и цензурный комитетъ
Ее одобритъ непремѣнно.
А впрочемъ, слово „государь“
Не вдохновляетъ васъ съ тѣхъ поръ,
Какъ въ Бозѣ сгнилъ послѣдній царь —
Навуходоносоръ!

Пер. В. Курочкинъ.

На наводненіе.

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте! не бѣда —
Отъ Петербургскаго потопа
Спаслась полярная звѣзда.

Бестужевъ! твой ковчегъ на брегѣ,
Парнаса блещутъ высоты —
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди и — скоты!

А. С. Пушкинъ.

На родинѣ.

Роскошны вы, хлѣба заповѣдные
Родимыхъ нивъ —
Цвѣтутъ, ростутъ колосья наливные,
А я чуть живъ!
Ахъ, странно такъ я созданъ небесами,
Таковъ мой рокъ,
Что хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами,
Нейдетъ мнѣ въ прокъ!

Н. Н.

Русскому народу.

(Декабрь, 1854.)

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Хомяковъ.

„Меня поставилъ Богъ надъ русскою землею,
Сказалъ намъ русскій царь.
Во имя Божіе склонитесь предо мною,
Мой тронъ — Его олтарь!
Для Русскихъ не нужны заботы гражданина —
Я думаю за васъ;
Усните — сторожитъ глазъ зоркій властелина
Россію всякій часъ.
Мой умъ васъ оградитъ отъ чуждыхъ нападеній,
Отъ внутренняго зла;
Пусть ваша жизнь течетъ вдали заботъ, въ смиреньи,
Спокойна и свѣтла
Совѣты не нужны помазаннику Бога:
Мнѣ Онъ дастъ совѣтъ;
Народъ идетъ за мной невидимой дорогой,
Одинъ я вижу свѣтъ

Гордитесь, Русскіе, быть царскими рабами:
Законъ вамъ — мысль моя;
Отечество вамъ — флагъ надъ царскими дворцами;
Россія — это я."

Мы долго вѣрили: въ грязи восточной лѣни
И мелкой сусты —
Покорно цѣловалъ рядъ русскихъ поколѣній
Прахъ царственной пяты.
Бездѣйствіе ума надъ нами тяготѣло:
За грудами бумагъ.
За перепискою мы забывали дѣло
Въ присутственныхъ мѣстахъ.
Въ защиту воровства, въ защиту нерадѣнья
Мы ставили законъ;
Подъ буквою его скрывалось преступленье,
Но пунктъ былъ соблюденъ.
Своимъ директорамъ, министрамъ мы служили,
Россію позабывъ,
Предъ ними ползали, чиновъ у нихъ просили,
Крестовъ наперерывъ —
И стало воровство намъ дѣломъ обыденнымъ:
Кто могъ схватить, тотъ бралъ —
И между нами тотъ былъ болѣе почтеннымъ,
Кто болѣе укралъ.
Разводъ опредѣлялъ познанья генерала,
Онъ глупъ или уменъ,
Церемоньяльный маршъ и выправка рѣшала,
Чего достоинъ онъ.
Бригадный генералъ былъ лучшій губернаторъ,
Искуснѣйшій стратегъ,
Отличный инженеръ правдивѣйшій сенаторъ,
Честнѣйшій человѣкъ.
Начальникъ, низшаго права не соблюдая,
Былъ деспотъ, полубогъ,
Безсмысленный сатрапъ былъ царскій бичь для края,
Губилъ, вредилъ гдѣ могъ.

Сталъ конюхъ цензоромъ, шутъ царскій — адмираломъ,
Клейнмихель — графомъ сталъ;
Россія роздана въ аренду обираламъ —
Чтожъ Русскій? Русскій спалъ.

Кряхтя несъ мужичекъ какъ прежде господину
Прадѣдовскій оброкъ;
Кряхтя помѣщикъ клалъ вторую половину
Имѣнія въ залогъ;
Кряхтя, по прежнему дань Русскіе платили
Подьячимъ и властямъ;
Шептались межъ собой, ворчали, говорили
Что это стыдъ и срамъ,
Что правды нѣтъ въ судѣ, что тратятъ милліоны —
Россіи кровь и потъ;
На путешествія, кіоски, павильоны,
Что плохо все идетъ.
Потомъ за ералашъ садились по полтинѣ,
Косясь по сторонамъ,
Рашели хлопали, бранили Фрецполини,
Лорнировали дамъ —
И низко кланялись продажному вельможѣ,
И грызлись за чины,
И спали, жизнь свою заботой не тревожа
Отечества сыны.
Иль удалялись въ глушь прадѣдовскихъ имѣній
Въ бездѣйствіи жирѣть,
Мечтать о пирогѣ, бесѣдовать о сѣнѣ,
Животнымъ умереть —
А если кто нибудь, средь общей летаргіи,
Мечтою увлеченъ,
Ихъ призывалъ на брань за правду и Россію,
Какъ былъ бѣднякъ смѣшонъ!
Какъ ловко надъ его безумьемъ издѣвался
Чиновный фарисей!
Какъ быстро отъ него, блѣднѣя, отрѣкался
Вчерашній кругъ друзей!

И, подъ анаѳемой общественнаго мнѣнья,
Средь смрада рудниковъ
Онъ узналъ, что грѣхъ прервать оцѣпенѣнье
Тяжелый сонъ рабовъ —
И онъ былъ позабытъ. Порой лишь о безумцѣ
Шептали здѣсь и тамъ:
„Быть можетъ онъ и правъ — да, жалко вольнодумца —
Но что за дѣло намъ?“

Гордились мы однимъ: могуществомъ Россіи
Въ собраньи королей;
„Что намъ — мы думали — ихъ укоризны злыя,
Мы все таки сильнѣй“.
Когда на площади, предъ царскою коляской
Шли стройные полки,
Знамена вѣяли, блестѣли грозно каски
И искрились штыки —
И надъ колоннами окрестность оглашая,
Гремѣлъ привѣтный кликъ —
Мы вѣрили на мигъ: сильна страна родная
И русскій царь великъ!
Мы вѣрили, гордясь необозримымъ краемъ,
Мильонами штиковъ:
„Не любятъ насъ за то, что мы преобладаемъ
Надъ сонмищемъ враговъ“.
И вотъ ударилъ часъ: британскіе витіи
Пустили въ оборотъ
Народовъ ненависть давнишнюю къ Россіи
И наступилъ расчетъ —
И бросилъ Францію въ кровавый путь сраженій
Вѣнчанный интриганъ,
И стала Австрія готовиться къ измѣнѣ:
Всталъ врагъ отъ всякихъ странъ! —
А мы? — Смѣялись мы началу непогоды:
Мы гордо шли на бой.
„Пусть — говорили мы — безумствуютъ народы;
Силенъ нашъ край родной.

Предвидѣлъ русскій царь давно уже волненье,
Все приготовилъ онъ,
И міровой борьбы ждетъ тяжкое мгновенье
Спокоенъ и силенъ".
И крѣпче прежняго сбиралисъ мы вкругъ трона,
Внимая бранный кликъ:
Давали богачи отчизнѣ милліоны,
Свой грошъ давалъ мужикъ. —

И что-жъ? засталъ въ расплохъ насъ взрывъ вражды народной;
Въ тяжелый, мрачный часъ
Объялъ посланниковъ сонъ глупости природной:
Всѣ обманули насъ.
Куда дѣвалися солдатовъ милліоны?
Гдѣ былъ готовъ отпоръ?
Мы все не вѣрили, а слышалисъ ужъ стоны
Изъ за кавказскихъ горъ —
Предѣлы русскіе война ужъ разворяла,
Уже страдалъ народъ:
Съ креста Исакія Россіа различала
Британскій гордый флотъ.
Одинъ курьеръ идти впередъ несъ приказанье,
Другой идти назадъ,
И двигались войска безъ цѣли, безъ сознанья —
То былъ ужъ не парадъ!
И было мало насъ вездѣ, гдѣ врагъ являлся;
Солдатъ нашъ грудью бралъ:
Глупѣе прежняго за то распоряжался
Парадный генералъ.
Тамъ отступали мы отъ фортовъ Силистріи
Съ потерей и стыдомъ —
Здѣсь унижали мы достоинство Россіи
Предъ габсбурскимъ орломъ;
Тутъ берегъ финскій весь былъ преданъ разграбленью;
Тамъ гордый адмиралъ —

Амфибія, герой проигранныхъ сраженій,
Своей земли не зналъ;
Толпой любимчиковъ ничтожныхъ окруженный,
Онъ погубилъ нашъ флотъ,
Паркетный бонмотистъ, шутъ колкій и надменный,
Злой геній — для остротъ —
Онъ защищаетъ Крымъ, высочествамъ съ почтеньемъ
Онъ раздаетъ кресты —
А Русскихъ кровь течетъ — врагъ ближе къ укрѣпленьямъ —!
Россія! гдѣ же ты?

Проснись, мой край родной, изъѣденный ворами,
Подавленный ярмомъ,
Позорно скованный бездушными властями,
Шпіонствомъ, ханжествомъ!
Отъ сна невѣжества, отъ бреда униженья,
Отъ лѣни вѣковой,
Возстань! и посмотри — вездѣ кипитъ движенье,
Чередъ ужъ за тобой!
Давно гнетутъ тебя наслѣдники Батыя:
Нѣтъ права для тебя —
Проснись, проснись! возстань несчастная Россія!
Твой Богъ зоветъ тебя —
Не въ звучномъ пѣніи торжественнаго клира
Предъ ликомъ золотымъ —
Въ живой душѣ ищи глаголъ владыки міра,
Внимай словомъ живымъ!
Встань! — Ты предъ идоломъ колѣна преклоняешь,
Внимаешь духу лжи;
Свободный, вѣчный духъ ты рабствомъ оскверняешь —
Оковы развяжи!
Возстань свободная предъ силой беззаконной,
Предъ хаосомъ властей;
Отъ неурядицы спасенье, оборону
Ищи въ душѣ своей!

Припомнимъ, Русскіе, печальную годину,
Пору великихъ смутъ,
Когда бояринъ-князь по слову мѣщанина
Шелъ на кровавый судъ —
Когда Полякъ царилъ надъ матушкой-Москвою —
Огромнымъ пустыремъ
Лежала наша Русь; шла челядь злой толпою
За тушинскимъ царемъ!
Но въ день безвластія проснулась Русь родная
Сознаніемъ сильна;
Живой глаголъ прошелъ отъ края и до края,
И поднялась она.
Встань на анархію чиновныхъ мандариновъ
Теперь, какъ подъ Москвой,
На крамолу бояръ, на Ляховъ и Литвиновъ
Ты шла живой стѣной!
Предъ тономъ деспота, безъ криковъ и проклятій
Предстань судьей, народъ!
За славу русскую, за кровь всѣхъ падшихъ братій
Пускай онъ дастъ отчетъ.

Скажи ему: не Богъ вознесъ тебя надъ нами;
Твой тронъ — не Божій тронъ;
Не Онъ насъ осудилъ твоими быть рабами;
Нѣтъ! рабство не законъ! —
Гдѣ знаки твоего божественнаго права?
Гдѣ чудеса твои?
Гдѣ кротость голубя — свидѣтель нелукавый?
И мудрость гдѣ зміи?
Россія облекла тебя верховной властью:
Ты на землѣ былъ Богъ —
Владѣлъ-ли ты собой? повелѣвалъ-ли страстью?
Все-ль совершилъ что могъ?
Читаешь-ли ты, царь, прозрѣніемъ пророка,
Въ ушахъ, въ сердцахъ людей?
Ты ненавидишь-ли слугъ лести и порока?
Живешь-ли для дѣтей?

Ты слушаешь-ли, царь, гласъ Божій — гласъ народа?
Зовешь-ли въ свой совѣтъ
Ты крѣпкихъ доблестью — не знатностію рода,
Не древностію лѣтъ,
Не раболѣпныхъ слугъ, не алчныхъ чинолюбцевъ,
Клеветниковъ, ханжей,
Продажныхъ обиралъ — развратныхъ сластолюбцевъ,
Безчувственныхъ судей?
Нѣтъ! увлекался ты невѣденьемъ и страстью;
Ты прямодушье гналъ;
Въ опасную игру своей игралъ властью
И Русь позабывалъ —
Ты дѣлалъ все смотры; ты отмѣнялъ султаны;
На перекоръ уму —
Подъ предложеніемъ невѣжды, шарлатана
Писалъ, быть по сему!"
Ты собралъ ценсоровъ презрѣнную породу,
Чтобъ сонъ твой охранять,
Чтобы не видѣтъ слезъ, не слышатъ стонъ народа,
Чтобъ правды не внимать —
Ты предалъ истину на тяжкія мученья,
На смерть ее обрекъ:
Распни, распни ее! кричали въ изступленьи
Безумство и порокъ.
Она истерзана, оплевана рабами,
Въ ночи погребена;
На камень гробовой нечистыми руками
Печать наложена —
И стражу строгую надъ грозною могилой
Поставилъ Фарисей;
И деспотъ говоритъ, гордясь своею силой:
„Нельзя воскреснуть ей".
Но видишь-ли: заря зажглася на востокѣ.
То третій день насталъ:
Давно тотъ свѣтлый день провидѣли пророки;
Довольно міръ страдалъ —
Ты видишь-ли: въ огнѣ несутся херувимы
Съ пылающихъ небесъ...

Ты слышишь-ли — гремитъ ихъ гласъ незаглушимый:
Христосъ, Христосъ воскресъ!
Воскресла истина! на судъ сбирайтесь строгій,
Предъ скипетромъ ея,
Монархи-деспоты, земные полубоги!
Грядетъ вашъ судія!
Предстань, царь, предъ судомъ исторіи, закона,
Предъ божіимъ судомъ!
Ты правду отвергалъ, ты попиралъ свободу,
Ты былъ страстей рабомъ.
Россію погубилъ ты гордостью пустою
И міръ вооружилъ —
Смирись предъ братьями, предъ родиной святою:
Ты не мощенъ и хилъ.
„Простите мнѣ — скажи — мое забвенье, братья!
Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ;
Откройте грѣшнику народныя объятья —
Другой опоры нѣтъ —“
Смирись! Летятъ часы; пройдутъ дни испытанья;
Исторія не ждетъ —
И грозно подъ тобой волнуется въ молчаньи
Проснувшійся народъ.

На смерть Пушкина.

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду къ ногамъ твоимъ —
Будь справедливъ и накажи убійцу —
Чтобъ казнь его въ позднѣйшія вѣка
Твой правый судъ потомству восвѣстилъ,
Чтобъ видѣли злодѣи въ немъ примѣръ.
(Изъ неизданной трагедіи Венцеслава.)

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести
Поникнувъ гордой головой.

Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ,
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта,
Одинъ, какъ прежде — и убитъ!
Убитъ!... къ чему теперь рыданья?
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ состраданья?
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ,
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ!...
Что-жъ? — Веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ,
Угасъ, какъ свѣточь, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!....
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ — спасенья нѣтъ,*)
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнулъ пистолетъ.
И что за диво! изъ далека,
Подобный сотнямъ бѣглецовъ
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Чужой земли языкъ и нравы;
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку поднималъ!
И онъ погибъ — и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой.
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,**)
Сраженный какъ и онъ безжалостной рукой.

*) Варіантъ: „Навелъ ударъ, надежды нѣтъ“.
**) Варіантъ: „Воспѣтый имъ съ такою страстной силой“.

За чѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый, и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей?
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнокъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него,
И иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...
Замолкли звуки дивныхъ пѣсень —
Не раздаваться имъ опять!
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ,
И на устахъ его печать.

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ,
Вы жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи,
Таитесь вы подъ сѣнію закона
Предъ вами судъ и правда — все молчи:
Но есть и божій судъ, наперстники разврата!
Есть грозный судъ, онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата
И мысли и дѣла онъ знаетъ наперед.
Напрасно вы тогда прибѣгнете къ злословью,
Оно вамъ непоможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

М. Ю. Лермонтовъ.

На смерть Чернова.

Клянемся честью и Черновымъ,
Вражда и брань временщикамъ,
Царей трепещущимъ рабамъ,
Тиранамъ, насъ угнѣсть готовымъ!

Нѣтъ! не отечества сыны
Питомцы пришлецовъ презрѣнныхъ!
Мы чужды ихъ семей надменныхъ:
Они отъ насъ отчуждены.

Тамъ говорятъ не Русскимъ словомъ
Святую ненавидятъ Русь.
Я ненавижу ихъ, клянусь,
Клянусь и честью и Черновымъ!

На нашихъ дѣвъ, на нашихъ женъ
Дерзнетъ ли вновь любимецъ счастья;
Взоръ бросить полный сладострастья —
Падетъ, перуномъ пораженъ.

И прахъ твой будетъ въ посмѣянье!
И гробъ твой будетъ въ стыдъ и срамъ!
Клянемся, дщерямъ и сестрамъ —
Смерть, гибель, кровь за поруганье!

А ты! братъ нашихъ ты сердецъ,
Герой, столь рано охладѣлый!
Взносись въ небесные предѣлы!
Завиденъ, славенъ твой конецъ!

Ликуй! ты избранъ Русскимъ Богомъ
Всѣмъ намъ въ священный образецъ!
Тебѣ данъ праведный вѣнецъ!
Ты будешь чести намъ залотомъ!

В. К. Кюхельбекеръ.

Четыре націи.

1.

Британскій лордъ
Свободой гордъ;
Онъ гражданинъ,
Онъ вѣрный сынъ
Своей земли.
Ни короли,
Ни происк папъ
Изподтишка
Не двинутъ лапъ
На смѣлчака:
Онъ носитъ мечь.
Чтобъ когти сѣчь.

2.

Французъ — дитя,
Онъ всѣмъ, шутя,
Готовъ играть:
Разрушить тронъ,
Издать законъ.
Самолюбивъ,
Нетерпѣливъ —
Онъ быстръ, какъ взоръ,
И пустъ, какъ вздоръ:
И удивитъ,
И насмѣшитъ.

3.

Германецъ смѣлъ,
Но переспѣлъ
Въ котлѣ ума,
И онъ чума
Сосѣднихъ странъ.
Мертвецки пьянъ
Самъ въ кабакѣ.
Носъ въ табакѣ.

Хоть пять вѣковъ
Сидѣть готовъ
Надъ парой словъ
Халдейскихъ числъ,
Которыхъ смыслъ
Не могъ понять —
И радъ ругать
Отца и мать.

4.

Въ Россіи чтутъ
Царя и кнутъ.
Тамъ царь съ кнутомъ,
Что попъ съ крестомъ;
Онъ имъ и ѣстъ
Во всякъ присѣстъ,
Онъ имъ и пьетъ
Во всякъ походъ.
А Русаки,
Какъ дураки,
Разинувъ ротъ,
На весь народъ
Кричатъ: Ура!
Насъ бить пора!
За то и бьютъ,
Не устаютъ,
Ихъ какъословъ,
Безъ дальныхъ словъ —
И ночь и день,
Пока не лѣнь!
Что сѣна клокъ,
То вилы въ бокъ.
А безъ побой
Вся Русь хоть вой,
И упадетъ!
И пропадетъ.

А. Положаевъ.

Старый нищій.

I. П. Беранже.

Яма эта будетъ мнѣ могилой;
Умираю немощный и хилый.
Здѣсь толпа безпечная пройдетъ;
Скажутъ: пьянъ, должно быть съ горя, бѣдный!
Кто добрѣе, грошъ мнѣ броситъ мѣдный
И глаза, краснѣя, отвернетъ —
Что жалѣть? Вѣнчайтеся цвѣтами!
А бродяга старый въ этой ямѣ,
Безъ участья вашего умретъ.

Уходили горе, старость, злоба —
Не доходятъ съ годода до гроба!
Цѣлый годъ мечталъ я объ одномъ:
Умереть бы только на постели —
Нѣтъ больницы гдѣ-бъ меня призрѣли —
Говорятъ: наполнены биткомъ.
Все народъ счастливый пріютился!
Подъ открытымъ небомъ, какъ родился;
И уснетъ, бродяга, вѣчнымъ сномъ.

Прокормиться думалъ я трудами —
Я просилъ работы со слезами,
Да просилъ не въ добрый, видно, часъ:
Никуда бездомнаго не взяли!
Изъ окошекъ кости мнѣ бросали,
И, какъ песъ, я ихъ глодалъ не разъ,
Въ конурахъ, въ конюшняхъ засыпая —
И бродяга старый, умирая,
Богачи, не проклинаетъ васъ.

Воровать и грабить приходилось —
Да на сердцѣ совѣсть шевелилась.
А соблазнъ, соблазнъ со всѣхъ сторонъ!
И пошелъ канючить, по дорогѣ

Попадая въ тюрьмы, да въ остроги —
Двадцать разъ, никакъ, былъ заключенъ!
Наглотался я казенной пищи!
Солнце всѣмъ сіяетъ; старый нищій
Даже солнца свѣтлаго лишенъ.

Развѣ естъ отчизна у бездомныхъ?
Что̀ мнѣ въ вашихъ фабрикахъ огромныхъ,
Въ тучныхъ нивахъ, въ блескѣ городовъ?
Въ пышныхъ храмахъ, въ важныхъ засѣданьяхъ,
Въ громкой славѣ вашей и въ собраньяхъ
Краснобаевъ вашихъ и льстецовъ?
А вашъ городъ занятъ былъ врагами —
Заливался глупыми слезами
Нищій, сытый — отъ руки враговъ.

Червь зловредный — я васъ безпокою?
Раздавите гадину ногою,
Что жалѣть — приплюсните скорѣй!
Отчего меня вы не учили,
Не дали исхода дикой силѣ?
Вышелъ бы изъ червя муравей.
Я бы умеръ, братьевъ обнимая —
А бродягой старымъ умирая,
Призываю мщенье на людей! —

Пер. В. Курочкинъ.

Не гордись передъ Бѣлградомъ.

Не гордись передъ Бѣлградомъ
Прага, чешскихъ странъ глава,
Не гордись предъ Вышеградомъ
Златоверхая Москва!

Вспомнимъ — мы родные братья,
Дѣти матери одной,
Братьямъ — братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!
Не гордися силой длани,
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ —
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ.
Испытанью время строго,
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь!
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь.
Пронесется мракъ ненастный,
И ожиданный давно,
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за одно.
Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ побѣдный строй
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной!

Хомяковъ.

Не слышно шуму городскаго.

Не слышно шуму городскаго —
На невскихъ башняхъ тишина
И на штыкѣ у часоваго
Горитъ двурогая луна.

Но бѣдный юноша, ровесникъ
Младымъ, цвѣтущимъ деревамъ,
Въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсню,
Передаетъ тоску волнамъ:

„Прости мой домъ, мой кровъ любезный,
Прости на вѣкъ моя семья!
Здѣсь, за рѣшеткою желѣзной,
Уже не свой вамъ больше я.

„Прости отецъ, прости невѣста —
Сломись вѣнчальное кольцо;
Отнынѣ здѣсь мое ужъ мѣсто,
Не быть мнѣ мужемъ и отцемъ.

„Сосваталъ я себѣ неволю,
Мой жребій — слезы и тоска;
И мнѣ сносить такую долю
Взяла сама моя рука.

Но есть надежда въ избавленьи
Своимъ бѣдамъ найти конецъ;
Но есть святое провидѣнье
И на Руси, Ты нашъ отецъ.

О Русскій царь! въ твоей коронѣ
Есть драгоцѣннѣйшій алмазъ;
Онъ значитъ: милость есть на тронѣ —
О Русскій царь, помилуй насъ!“

И ночь прошла; съ разсвѣтомъ яснымъ
За ней день новый возсіялъ;
А бѣдный узникъ въ казаматѣ
Все туже пѣсню повторялъ.

Нѣтъ, не рожденъ я биться лбомъ!

(На голосъ: „Выйду-ль я на рѣчинку“.)

Нѣтъ, не рожденъ я биться лбомъ,
Ни терпѣливо ждать въ передней,
Ни ѣсть за княжескимъ столомъ,
Ни съ умиленьемъ слушать бредни!

Нѣтъ, не рожденъ я быть рабомъ —
Мнѣ даже въ церкви за обѣдней
Бываетъ скверно — каюсь въ томъ,
Прослушать августѣйшій домъ.

И то, что чувствовалъ Маратъ,
Порой способенъ понимать я —
И будь самъ Богъ аристократъ,
Ему-бъ я гордо пѣлъ проклятья!

Но на крестѣ распятый Богъ,
Былъ сынъ толпы, былъ демагогъ. (bis.)

Ода на свободу.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свободы гордая пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру:
Хочу воспѣть я вольность міру,
На тронѣ поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго Галла,
Которому средь славныхъ бѣдъ,
Ты гимны смѣлые внушала. —
Любимцы вѣтренной судьбы,
Тираны міра, трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Возстаньте падшіе рабы!

Увы! куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы!
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій —
Повсюду рабства грозный геній
И къ славѣ роковая страсть!

Лишь тамъ, надъ царскою главой
Неслышимо людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье;
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ сжатый вѣрными руками
Гражданъ, надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ —

И преступленье съ высока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ;
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни алчной скупостью, ни страхомъ.
Владыки! Вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вѣчный выше васъ законъ!

И горе, горе племенамъ,
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно,
Гдѣ иль народу, иль царямъ
Закономъ властвовать возможно!
Тебя въ свидѣтели зову,
О! мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавнихъ,
Сложившій царскую главу.

Восходитъ къ смерти Людовикъ
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
Падетъ преступная сѣкира —
И самовластная порфира
На Галлахъ скованныхъ лежитъ.

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу!
Твою погибель, смерть дѣтей,
Я съ злобной радостью увижу.
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы:
Ты ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ!

Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сіяетъ
И беззаботную главу
Спокойный сонъ отягощаетъ —
Глядитъ задумчиво пѣвецъ
На грозный, спящій средь тумана,
Пустынный памятникъ тирана,
Забвенью брошенный дворецъ.

Онъ слышитъ Кліи мрачный гласъ
Надъ сими страшными стѣнами —
Калигулы послѣдній часъ
Онъ видитъ живо предъ очами.
Онъ видитъ — въ лентахъ и звѣздахъ,
Виномъ и злобой упоенны,
Идутъ убійцы потаенны:
На лицахъ дерзость, въ сердцѣ страхъ.

Молчитъ невѣрный часовой —
Опущенъ тихо мостъ подъемный,
Врата отверсты въ тьмѣ ночной
Рукой предательства наемной.
О стыдъ, о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри, вторглись янычары —
Падутъ преступные удары,
Погибъ увѣнчанный злодѣй.

Внемлите истинѣ цари,
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Не вѣрныя для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона
И станутъ стражею у трона
Народовъ: вольность и покой!

А. С. Пушкинъ.

Современная ода.

Украшаютъ тебя добродѣтели,
До которыхъ другимъ далеко,
И — беру небеса во свидѣтели —
Уважаю тебя глубоко.

Не обидишь ты даромъ и гадины —
Ты помочь и злодѣю готовъ,
И червонцы твои не украдены
У сиротъ беззащитныхъ и вдовъ.

Въ дружбу къ сильному влѣзть не желаешь ты,
Чтобъ успѣху дѣлишекъ помочь —
И безъ умыслу съ нимъ оставляешь ты
Съ глазу на глазъ красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породою:
„Братья намъ по Христу мужички!“
И родню свою длинно-бородую
Не гоняешь съ порога въ толчки.

Не спрошу я откуда явилося,
Что теперь въ сундукахъ твоихъ есть.
Знаю: съ неба къ тебѣ все свалилося
За твою добродѣтель и честь!

Украшаютъ тебя добродѣтели,
До которыхъ другимъ далеко,
И — беру небеса во свидѣтели —
Уважаю тебя глубоко!

Н. Некрасовъ.

Двуглавый орелъ.

Я нашелъ, друзья, нашелъ,
Кто виновникъ безтолковый
Нашихъ бѣдствій, нашихъ золъ:
Виноватъ во всемъ гербовый,
Двуязычный, двухголовый,
Всероссійскій нашъ орелъ!

Я сошлюсь на народное слово,
На великую мудрость вѣковъ:
Двухголовье — эмблема, основа
Всѣхъ убійцъ, идіотовъ, воровъ.
Не вступая и въ споры съ глупцами,
При смущающихъ душу рѣчахъ,
Сколько разъ говорили вы сами:
„Да никакъ ты о двухъ головахъ!“

Я нашелъ, друзья, нашелъ,
Кто виновникъ безтолковый, (и т. д.)

Оттого мы несчастливы, братья,
Оттого мы и горькую пьемъ,
Что у насъ каждый штофъ за печатью
Заклейменъ двухголовымъ орломъ.
Нашъ братъ русскій — ужъ если напьется,
Нѣтъ ни связи, ни смысла въ рѣчахъ:
То цалуется онъ, то дерется —
Оттого, что о двухъ головахъ.

Я нашелъ, друзья, нашелъ,
Кто виновникъ безтолковый, (и т. д.)

Взятки — свойство гражданскаго міра,
Вѣдь у нашихъ чиновныхъ ребятъ
На обоихъ бортахъ вицмундира
По шести двухголовыхъ орлятъ.
Ну! и спитъ идіотъ безголовый —
Предъ зерцаломъ внушающимъ страхъ —
А ужъ грабитъ, такъ грабитъ здорово
Нашъ чиновникъ о двухъ головахъ.

Я нашелъ, друзья, нашелъ
Кто виновникъ безтолковый, (и т. д.)

Правды нѣтъ оттого въ русскомъ мірѣ,
Недосмотры вездѣ оттого,
Что всевидящихъ глазъ въ немъ четыре,
Да не видятъ онъ ничего.
Оттого мы къ шпіонству привычны,
Оттого мы храбры на словахъ,
Что мы всѣ, господа, двуязычны,
Какъ орелъ нашъ о двухъ головахъ.

Я нашелъ, друзья, нашелъ
Кто виновникъ безтолковый
Нашихъ бѣдствій, нашихъ золъ.
Виноватъ во всемъ гербовый,
Двуязычный, двухголовый,
Всероссійскій нашъ орелъ.

Отвѣтъ на посланіе Пушкина „Въ Сибирь.“*)

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли;
Къ мечамъ рванулисъ наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

Но будь спокоенъ, бардъ! Цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ царями.

---

*) Посланіе Пушкина: „Въ Сибирь“ (см. подъ В.) писано въ 1827 г., послано было въ Петровскій-заводъ, Иркутской губерніи, Верхнеудинскаго уѣзда. Подлѣ него, въ деревнѣ Четѣ, построенъ былъ острогъ для ссыльныхъ, извѣстный подъ названіемъ — Четинскаго острога. Комендантомъ его въ то время былъ генералъ Лепарскій, человѣкъ добрый и снисходительный. Кто писалъ отвѣтъ на посланіе — не извѣстно, только оба стихотворенія появились въ Иркутскѣ въ рукописныхъ спискахъ въ одно и тоже время. Это разсказывали Сибиряки.

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
Изъ искры возгорится пламя,
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Мечи скуемъ мы изъ цѣпей
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на царей
И радостно вздохнутъ народы.

Кавказскому Офицеру.

Огни, и музыка, и балъ!
Красавицъ рой, кружась, сіялъ.
Среди толпы, кавказскій воинъ,
Ты мнѣ казался одинокъ!
Твой взглядъ былъ грустенъ и глубокъ,
Отъ тайнаго мученья неспокоенъ.

Тупой ли долгъ, любви-ль печаль
Тебя когда то гнали въ даль?
Или безвыходное горе?
И-ль жажда молодой мечты —
Увидѣть горные хребты
И посмотрѣть на югъ и сине-море?

И возвратясь изъ тѣхъ сторонъ,
Ты, можетъ, мыслью удрученъ,
Что рабъ безумія и вѣка —
Ты на войнѣ былъ палачемъ,
И стало жаль тебѣ потомъ,
Что ни съ чего зарѣзалъ человѣка?

А впрочемъ — можетъ быть, что ты
Питомецъ праздной пустоты —
Сидѣлъ усталый и бездушный,
А я сочувствіе къ тебѣ
Смѣшно натягивалъ въ себѣ —
По прежнему мечтатель простодушный.

Охотники.

І. П. Беранже.

Въ полѣ, охотникъ ретивый!
Чу! Протрубили рога:
Тра та, та та̀, тра та та̀*).
Слѣдомъ амуръ шаловливый
Шмыгъ на охоту въ твой домъ. —
Тромъ, тромъ.

Осень стрѣляешь и лѣто;
Знаешь кругомъ всѣ мѣста.
Тра та, та та̀, тра та та̀.
А за женой, безъ билета
Та же охота кругомъ —
Тромъ, тромъ.

Выслѣдивъ лань въ чащѣ лѣса,
Ты пріумолкъ у куста.
Тра та, та та̀, тра та та̀.
Но не робѣетъ повѣса
Передъ домашнимъ звѣрькомъ —
Тромъ, тромъ.

---

*) Припѣвъ подъ охотничій рогъ.

Къ звѣрю кидается свора —
Ревъ потрясаетъ лѣса.
Тра та, та тà, тра та тà.
Цѣлитъ повѣса, и скоро
Съ милою будетъ вдвоемъ —
Тромъ, тромъ.

По лѣсу пуля несется;
Мертвая лань поднята.
Тра та, та тà, тра та тà.
Выстрѣлъ и тамъ раздается —
Все утихаетъ потомъ.
Тромъ, тромъ.

Радъ бы добычѣ богатой —
Весело трубятъ рога:
Тра та, та тà, тра та тà.
Тащится съ поля рогатый;
Милый на лѣво кругомъ.
Тромъ, тромъ.

Пер. В. Курочкинъ.

О цензурѣ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, безъ соблюденія единства времени, мѣста и дѣйствія.

Весна.

1. Поэтъ.

Пришла весна. Но не любовь
Меня манитъ подъ тѣнь дубравы;

Нѣтъ, негодующая кровь
Меня зоветъ на бой кровавый.
(Кажется цензурно?).

2. Редакторъ (поправляя).

Пришла весна. Природа вновь
Раскрыла тысячи объятій,
И я бы, кажется, готовъ
Разцѣловать всѣхъ меньшихъ братій.

3. Цензоръ (зачеркивая и поправляя).

Пришла весна. Но не любовь
Меня манитъ подъ тѣнь дубравы;
Не плоть, а духъ. Я вижу вновь
Творца во всемъ величьи славы.
(Печатать позволяется.)

Любовь.

1. Поэтъ.

Люблю тебя. Любовь къ тебѣ
Даетъ мнѣ бодрость, духъ и силу,
Чтобъ чашу зла испивъ до дна,
Непобѣжденнымъ лечь въ могилу.
(Кажется цензурно?)

2. Редакторъ.

Люблю тебя. Любовь къ тебѣ
Ведетъ такъ сладко до могилы
Въ неровной, роковой борьбѣ
Мои истраченныя силы.

3. Ценсовъ.

Люблю тебя. И не скорбя,
Подобно господамъ писакамъ,
Я буду вѣкъ любить тебя,
Законнымъ сочетавшись бракомъ.

(Печатать позволяется.)

Вино.

1. Поэтъ.

Люблю вино; въ немъ не топлю,
Подобно слабенькимъ натурамъ,
Скорбь гражданина, а коплю
Вражду къ проклятымъ самодурамъ.

2. Редакторъ.

Люблю вино; я въ немъ топлю
Свои гражданскія стремленья,
И видитъ Богъ, какъ я терплю
И какъ тяжелъ мой крестъ терпѣнья?

3. Ценсоръ.

Люблю вино; но какъ люблю?
Какъ сладкій медъ, какъ легкій танецъ;
Пью рюмку въ день, и не терплю
Косматыхъ нигилистовъ-пьяницъ.

(Печатать позволяется.)

Паденіе Севастополя.

Какъ плакалъ древлѣ Іеремія
Надъ плѣномъ родины своей,
Такъ плачетъ сынъ твой, мать Россія
О гибели твоихъ дѣтей!
Борьбы безплодной и безумной
Свидѣтель до сихъ поръ нѣмой,
Я заглушалъ въ бесѣдѣ шумной
Упрекъ души моей больной!
Да, плачь и горе между нами —
Насъ врагъ унизилъ, сокрушилъ,
Въ крови умытыми руками
Могучій городъ разорилъ!
Онъ палъ — напрасны оправданья —
Не знали мы его сберечь
И средь кровавыхъ, долгихъ сѣчь
Тоскливо ждали окончанья!
Онъ палъ — но кровь лилась рѣкою —
Враги взойдя изнемогли
И ослабленною рукою
Его обломки стерегли!

Смиритесь, гордые владыки,
Судебъ людскихъ властители
Гдѣ ваша власть, чтобъ смолкли клики
И чтобъ кровавый пиръ затихъ?
Зажженъ ошибкой величавой
Войны злой факелъ и горитъ;
Раздоръ вспылалъ — и не залитъ
Еще досель рѣкой кровавой!
Отчизны свѣтлая звѣзда
Средь бурь и страха помрачилась,

Подъ игомъ божьяго суда
Россія бѣдная склонилась!
Покорно манію Царя
Сыновъ на жертву обрекаетъ —
Потомъ — подетъ у алтаря
И къ Богу длани воздѣваетъ.
Утѣшься, горестная мать;
Вѣрь, Богу жертвы тѣ угодны!
Кто такъ, какъ ты, умѣлъ страдать
Того молитвы не безплодны!

Сперанскій.

Петру Великому.

Великій геній, мужъ кровавый!
Вдали, на рубежѣ родномъ,
Стоишь ты въ блескѣ страшной славы
Съ окровавленнымъ топоромъ.
Съ великой мыслью просвѣщенья
Въ своей отчизнѣ ты возникъ
И страшныя подъялъ мученья,
И казни страшныя воздвигъ.
Во имя пользы и науки,
Добытой изъ страны чужой,
Не разъ твои могучи руки
Багрились кровію родной!
Ты думалъ, быстротою взора
Предупреждая времена,
Что кровью политыя скоро
Взойдутъ науки сѣмена
И вкругъ она лилась обильно,
И воплямъ Роси не внемля,
Упорство ты сломилъ, о сильный!

И смолкла русская земля.
И по назначенному слѣду,
Куда ты ей сказалъ: „иди!“
Она пошла. Ты могъ побѣду
Торжествовать — но погоди!
Ты много снесъ головъ стрѣлецкихъ,
Ты много крѣпкихъ рукъ сломилъ,
Сердецъ ты много молодецкихъ
Ударомъ смерти поразилъ!
Но въ часъ невзгоды удаляся,
Скрывъ право вѣчное свое,
Народа духъ живетъ, таяся,
Храня родное бытіе.
И ждетъ онъ роковаго часа,
И вождѣленный — онъ придетъ,
И снова звукъ роднаго гласа
Народа волны соберетъ.
И снова вспыхнетъ взоръ отважный,
И вновь подымется рука
Порывъ младой и помыслъ важный
Взволнуютъ духъ, нѣмой пока.
Тогда къ желанному предѣлу
Борьба достигнетъ — и конецъ
Положитъ начатому дѣлу
Достойный, истинный вѣнецъ.

Могучій мужъ! желалъ ты блага,
Ты мысль великую питалъ,
Въ тебѣ и сила, и отвага,
И духъ высокій обиталъ!
Но истребляя зло въ отчизнѣ,
Ты всю отчизну оскорбилъ,
Гоня пороки русской жизни,
Ты жизнь безжалостно давилъ.
На благородный духъ, стремленье,
Не вызывалъ народъ ты свой,
Въ его не вѣрилъ убѣжденья
И весь закрылъ его собой.

Вся Русь, вся жизнь ея доселѣ
Тобою презрѣна была,
И на твоемъ великомъ дѣлѣ
Печать проклятія легла.
Откинулъ ты Москву жестоко
И отъ народа ты вдали
Построилъ городъ одинокій —
Вы вмѣстѣ жить ужъ не могли.
Ты граду далъ свое названье,
Лишь о тебѣ гласитъ оно,
И — добровольное сознанье —
На чуждомъ языкѣ дано.
Настало время зла и горя,
И съ чужестранною толпой,
Твой градъ, торгующій у моря,
Сталъ Руси тяжкою бѣдой.
Онъ соки жизни истощаетъ,
Названный именемъ твоимъ;
Объ русской онъ землѣ не знаетъ
И духомъ движется чужимъ.
Грѣхъ Руси далъ тебѣ побѣду
И Русь ты смялъ — но не всегда
По твоему ей влечься слѣду
Путемъ блестящаго стыда!
Такъ, будетъ время, Русь возстанетъ,
Разгонитъ долголѣтній сонъ,
И на неправду грозно грянетъ —
Въ неправдѣ подвигъ твой свершенъ.
Народа духъ распуститъ крылья,
Измѣнниковъ обыметъ страхъ,
Гнѣздо и памятникъ насилья,
Твой градъ, разсыплется во прахъ.
Возстанетъ снова, послѣ бою,
Опять оправданный народъ,
Съ освобожденною Москвою
И жизнь свободный приметъ ходъ.
Все отпадетъ, что было лживо,
Любовь всѣ узы сокрушитъ,

Отчизна зацвѣтетъ счастливо
И твой народъ тебя проститъ!

К. Аксаковъ.

Письмо въ тюрьму.

Прощайте, братья дорогіе!
Вы въ жертву преданы судьбой,
Въ могилы гонятъ васъ живыми,
Какъ гнали всѣхъ за правый бой.
Что тяжко жизнь влачить въ неволѣ,
Мы это чувствуемъ глубоко;
И таже участь, таже доля
Постигнетъ насъ по волѣ рока.
Но ни тюрьма, ни даже казни
Не сломятъ духъ протеста въ насъ:
Дорогой той-же безъ боязни
Пойдемъ мы мстить, друзья, за васъ.

1877.

Полночь съ 31-го Декабря на 1-й Января.

Не часовъ ли горный вой?
Въ бездну ночи роковой,
Въ гробъ свой старецъ годъ упалъ —
Чу! гудитъ надъ нимъ металлъ!

Въ мракѣ колокола звонъ
Будто надъ могилой стонъ —
Сколько и утѣхъ и слезъ
Этотъ годъ съ собой унесъ!

На крылахъ въ нѣмую даль
Льется радость и печаль;
Дѣти мы сѣдой земли,
Всѣ потонемъ въ той дали.

Былъ я молодъ и сказалъ:
„Мой житейскій срокъ не малъ!“
Я мечталъ въ своей веснѣ:
„Далеко до цѣли мнѣ.“

Такъ казался безъ конца
Краткій вѣкъ очамъ слѣпца!
Вотъ я дряхлости достигъ:
Что же вѣкъ мой? только мигъ!

Вверьхъ еще въ жилище бурь
Въ необъятную лазурь,
Вверьхъ паритъ столпомъ сѣдымъ,
А ужъ таетъ легкій дымъ.

Съ крутизны кипитъ жемчугъ,
Блескъ и радуги вокругъ;
Но померкъ въ долинѣ свѣтъ,
Шумъ умолкъ — и пѣны нѣтъ.

Обольщаетъ душу сонъ —
Всходитъ солнце: гдѣ же онъ?
Унесенъ волнами тьмы —
Сонъ и дымъ и пѣна — мы!

Восхищаетъ роза насъ:
Но и роза, вѣдь, на часъ;
Съ ней сравню ли бытё;
Вѣтеръ оборветъ ее!

Многоводна, широка,
Пышно катится рѣка —
Смертный, гордый суетой!
Не рѣка ли образъ твой?

Въ ней волна тѣснитъ волну:
Всѣ несутся въ глубину,
Въ море безъ береговъ спѣшатъ —
Кто же видѣлъ ихъ возвратъ?

Какъ теченье быстрыхъ водъ,
Такъ бѣжитъ за годомъ годъ.
Смотришь — и девятый валъ —
Годъ послѣдній — набѣжалъ.

Да хранимъ же каждый часъ!
Ночь, какъ тать, настигнетъ насъ,
Ночь, нерадостный предѣлъ
Нашихъ замысловъ и дѣлъ.

В. К. Кюхельбекеръ.

„Полюбила ты брата убогаго."

Полюбила ты брата убогаго,
Ты его утѣшала слезами —
И за то предъ судью тебя строгаго
Привели, оковавши цѣпями.
Передъ нимъ принесла ты повинную:
У судьи опустилися руки!..
„Какъ могу я головку невинную
Осудить на жестокія муки?!.."
Нѣтъ, судья! Эту дѣвушку блѣдную
Безпощаднымъ карай приговоромъ!..
Иль не чуешь ты силу побѣдную
Подъ незлобливымъ, любящимъ взоромъ?!..

Нѣтъ! Не ратью, оружьемъ сверкающей,
Не войною, не силою дикой,
А любовью горячей, страдающей,
Побѣжденъ будетъ міръ нашъ великій!
1877.

Поминки.

Помянемъ же родимыхъ,
Ушедшихъ въ міръ иной,
Возлюбленныхъ, незримыхъ,
Вкушающихъ покой!
Для нихъ ужь нѣтъ печали,
Заботы нѣтъ для нихъ —
Мы только, мы отстали
Отъ спутниковъ своихъ.

Ахъ! съ нами не они ли,
Среди надеждъ и сновъ,
И радости дѣлили
И тягости трудовъ?
Ихъ взоръ для насъ унылыхъ
Податель былъ утѣхъ:
Мы все въ объятьяхъ милыхъ
Вкушали — плачъ и смѣхъ.

И вотъ — надъ ихъ гробами
Стоимъ мы здѣсь одни:
Ужь нѣтъ любезныхъ съ нами!
Увы! ушли они!

Что вѣкъ нашъ? — Сонъ! мечтанье!
Не все ли здѣсь на часъ?
Что-жь вѣчное желанье
Одно не гаснетъ въ насъ?

Найдемъ ли похищенныхъ?
Ихъ погребли мы прахъ —
Поищемъ незабвенныхъ
Въ надоблачныхъ странахъ.
Не тамъ ли совершенство?
Не тамъ ли миръ и свѣтъ?
И царствуетъ блаженство —
И слёзъ и стоновъ нѣтъ?

О, Милосердный, Вѣчный!
Да совершимъ съ Тобой
Мгновенный, скоротечный,
Но скользкій путь земной!
Да узримъ надъ звѣздами
Всѣхъ тѣхъ, которыхъ Ты
Связалъ любовью съ нами
Въ юдоли темноты!

Не смыла ли ихъ пятна
Спасителева кровь?
Вовѣки необъятна,
Отецъ, Твоя любовь!
Идемъ съ Твоею силой:
Тяжелъ житейскій путь;
Но съ ними за могилой
Ты дашь намъ отдохнуть.

Еще мы не въ пустыни —
Умолкъ не всѣхъ же гласъ —
Не всѣ друзья по нынѣ
Опередили насъ.

Не огорчимъ ни словомъ,
Ни взглядомъ остальныхъ:
Ты, Боже, будь покровомъ
И мертвыхъ и живыхъ!

И мы закроемъ очи
Въ опредѣленный срокъ —
Но средь могильной ночи
Зардѣется востокъ:
Насъ встрѣтитъ взоръ любезный;
Увидимъ ихъ въ лучахъ,
И ужъ разлуки слезной
Не будетъ въ небесахъ!

Тоскуемъ мы и страждемъ —
Безсмертія водой,
Водой, которой жаждемъ,
Создатель, насъ напой!
Владыка, вождь, хранитель!
Не дай споткнуться намъ!
Да внидемъ въ ту обитель,
Да будемъ чисты тамъ!

В. К. Кюхельбекеръ.

Новая порода.

(Отрывокъ.)

Когда судьбы его свершались
И кровь лилась послѣднихъ дней,
Его защитники казались
Породой новою людей!

Они — какъ жертва искупленья
На судъ Исторіи пошли,
Примѣръ величья и смиренья
Осуществляя на земли.
Подъ мракомъ старыхъ заблужденій
Россіи гаснула звѣзда,
Поникъ главой народный Геній
И въ страхѣ средъ безплодныхъ преній
Ждало отечество — — Тогда
Они явились — грудою стали;
Сразились тщетно — славно пали.
Но въ этой яростной борьбы
Свершится не дали судьбы
И вѣру въ Промыслъ отстояли!

Сперанскій.

Посланіе къ Чаадаеву.

Любви, надежды, тихой славы
На долго нѣжилъ насъ обманъ —
Изчезли юныя забавы,
Какъ сонъ, какъ утренній туманъ;
Но въ насъ горитъ еще желанье,
Подъ гнетомъ власти роковой,
Нетерпѣливою душой
Отчизны времьемъ призыванье.
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты миаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.

Товарищъ вѣръ: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишутъ наши имена!

1818. А. Пушкинъ.

Посланія.

1.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

У царя, у нашего,
Вѣрныхъ слугъ довольно —
Вотъ хоть у Тимашева
Высѣкутъ пребольно.

Вдѣнятъ въ наказаніе,
Такъ, ударовъ со сто,
Будешь помнить зданіе
У Цѣпнаго моста.

2.

ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

У царя, у нашего,
Все такъ политично,
Что и безъ Тимашева
Высѣкутъ отлично;

И къ чему тутъ зданіе
У Цѣпнаго моста?
Выйдетъ приказаніе —
Отдерутъ и просто.

При извѣстіи о польской революціи.

Недвижимы, какъ мертвые въ гробахъ,
Невольно мы въ болѣзненныхъ сердцахъ
Хоронимъ чувствъ привычные порывы:
Но ихъ объялъ еще не вѣчный сонъ,
Еще струна издаетъ бывалый звонъ —
Она дрожитъ — еще мы живы!

Едва дошелъ съ далекихъ береговъ
Небесный звукъ спадающихъ оковъ
И вздрогнули въ сердцахъ живыя струны
Всѣ чувства вдругъ въ созвучіе слились —
Нѣтъ, струны въ нихъ еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцемъ юны!

И въ комъ оно отъ чувствъ не задрожитъ?
Вы слышите: на Вислѣ брань кипитъ! —
Тамъ съ Русью ляхъ воюетъ за свободу
И въ шумѣ битвъ поётъ за упокой
Несчастныхъ жертвъ, проливших лучъ святой
Въ спасенье русскому народу.

Мы братья ихъ! Святыя имена
Еще горятъ въ душѣ: она полна
Ихъ образовъ и мыслей — и страданій!
Въ ихъ имени таится чудный звукъ:
Въ насъ будитъ онъ всю грусть минувшихъ мукъ,
Всю цѣпь возвышенныхъ мечтаній.

Нѣтъ, въ насъ еще не гаснутъ ихъ мечты!
У насъ въ сердца ихъ врѣзаны черты,
Какъ имена въ надгробный камень.
Лишь вспыхнетъ огнь во глубинѣ сердецъ,
Пять жертвъ встаютъ предъ нами; какъ вѣнецъ,
Вкругъ ихъ вьется синій пламень —

Сей огнь пожжетъ чело ихъ палачей,
Когда предъ судъ властителя царей
И палачи и жертвы станутъ рядомъ —
Да судитъ Богъ! — А пасъ, мои друзья,
Пускай утѣшитъ мирная кутья
Своимъ таинственнымъ обрядомъ.

Князъ А. И. Одоевскій.

Прокаженный.

(Дума.)

Народъ зоветъ его безумнымъ, прокаженнымъ —
Но умъ его покрытъ таинственною мглой:
Въ немъ старецъ опытный съ младенцемъ откровеннымъ
Граничатъ въ жизни межъ собой.

Въ изодранномъ рубищѣ, какъ труженикъ убогій,
Я зрѣлъ, какъ онъ спѣшилъ къ играющимъ птенцамъ,
Какъ мрачно онъ взиралъ на пышные чертоги
И радостно на Божій храмъ.

Онъ взоры отвращалъ, встрѣчаяся съ преступнымъ,
Какъ будто-бъ мыслъ его мгновенно онъ проникъ;
И человѣчеству казался недоступнымъ
Его двусмысленный языкъ.

На страждущую чернь, чего-то содрогаясь,
Съ тупымъ вниманіемъ какъ часто онъ глядѣлъ!
На хартію судебъ какъ-будто опираясь,
Онъ что-то высказать хотѣлъ.

Съ молитвою въ устахъ, въ движеньяхъ изступлённыхъ,
Для нищей братіи онъ милостынь молилъ,
И страждущихъ сиротъ и вдовъ изнеможонныхъ
Рукой изсохшею крестилъ.

И твердый, какъ скала противъ ударовъ грома,
Безропотно носилъ страдальческій вѣнецъ;
Скитаясь по̀ свѣту безъ кровныхъ и безъ дома,
Казалось, былъ живой мертвецъ.

Я самъ внималъ ему, когда онъ безъ боязни
Злодѣю сильному паденье предрекалъ;
Я зрѣлъ его, какъ онъ на страшномъ мѣстѣ казни
За осужденнаго страдалъ.

Какъ жадно онъ внималъ напѣвамъ погребальнымъ
И смертъ благословлялъ, какъ грань земной борьбы,
Объятья простиралъ къ развалинамъ печальнымъ,
Онъ самъ — развалина судьбы.

Таинственный глаголъ, чувствъ праведныхъ избытокъ,
Какъ цѣпи узника, томили старика,
И тщетно передъ нимъ развертывала свитокъ
Временъ маститая рука.

Миръ праху твоему; Всевышняго избранникъ,
Предвѣдѣній твоихъ ни кто не оцѣнитъ,
Лишь я, младой пѣвецъ, родной земли изгнанникъ,
Твой подвигъ думаю почтить.

А. А. Бестужевъ.

Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья;
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій —
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы — даромъ Божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробиваюсь торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ, хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

Смотрите-жь, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!“

М. Ю. Лермонтовъ.

Пророчество.

(Январь 1852.)

Пусть преклоняются предъ палкою народы!
Пусть попранъ и презрѣнъ законъ!
Пусть равенство, и братство, и свободу
Считаютъ за нелѣпый сонъ!
Безсмертная истина! не поколеблютъ люди
Ея несокрушимый храмъ;
Ея огонь зажжетъ опять ихъ груди
И поселится тамъ —
Кто передъ истиной колѣна преклоняетъ,
Кто вѣритъ въ Бога своего,
Тотъ безъ завѣсъ грядущее читаетъ
И людямъ возвѣститъ его — —

Когда надъ обществомъ господствуетъ порокъ
Въ годину злую испытанья,
Встаетъ среди людей восторженный пророкъ,
Чтобъ братьямъ облегчить страданья.
Спокойно будущность указываетъ онъ:
Пусть мчатся годы за годами,
Пусть торжествуетъ зло — божественный законъ
Вновь воцарится надъ умами.
Не сомнѣвайтеся — отчаяніе грѣхъ!
Постигнутъ кары святотатство —
И будетъ лишь одинъ тогда законъ для всѣхъ:
Свобода, равенство и братерство!

Послѣднее прости!...

(Замученному въ Острогѣ Чернышевскому, борцу за народное дѣло.)

Замученный тяжкой неволей,
Ты славною смертью почилъ...
Въ борьбѣ за народное дѣло
Ты буйныя кости сложилъ...
Служилъ ты немного — но честно
Для блага родимой земли...
И мы, твои братья по духу,
Тебя на кладбище снесли...
Нашъ врагъ надъ тобой не глумился...
Кругомъ тебя были свои...
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиныя очи твои...
Не горе намъ душу давило,
Не слезы блистали въ очахъ,
Когда мы, прощаясь съ тобою,
Землей засыпали твой прахъ —

Нѣтъ — злоба насъ только душила!
Мы къ битвѣ съ врагами рвались
И мстить за тебя безпощадно
Надъ прахомъ твоимъ поклялись!...
Съ тобою одна намъ дорога:
Какъ ты — мы въ острогахъ сгніемъ...
Какъ ты — для народнаго дѣла
Мы головы наши снесемъ —
Какъ ты — мы, быть можетъ, послужимъ
Лишь почвой для новыхъ людей,
Лишь грознымъ пророчествомъ новыхъ
Грядущихъ и доблестныхъ дней...
Но знаемъ, какъ зналъ ты, родимый,
Что скоро изъ нашихъ костей
Подымется мститель суровый,
И будетъ онъ насъ посильнѣй!

Въ 1876 г.

Птичка.

(І. П. Беранже.)

Въ самой страсти цѣпь привычки
Я съ трудомъ ношу —
И на крылья вольной птички
Съ завистью гляжу.
Сколько воздуха, простора,
Недоступнаго для взора,
Сводъ небесъ открылъ!
Я леталъ бы скоро-скоро,
Если-бъ птичкой былъ!

Завѣщала-бъ Филомела
Тайну звуковъ мнѣ,
Птичка-бъ весело запѣла
Въ дикой сторонѣ,

Гдѣ пустынникъ, въ чащѣ бора,
Не спуская съ неба взора,
Братьевъ не забылъ —
Я леталъ бы скоро-скоро,
Если-бъ птичкой былъ!

Знойной страстью бы гремѣли
Пѣсни по полямъ;
Поселяне бы хмѣлѣли
Въ честь красавицъ тамъ.
Я бы съ неба, въ дни раздора,
Всѣмъ несчастнымъ безъ разбора,
Въ звукахъ радость лилъ!
Я леталъ бы скоро-скоро,
Если-бъ птичкой былъ!

Огласилъ бы казематы
Звонкій голосъ мой,
И мечтаньями объятый
О странѣ родной —
Наканунѣ приговора
Хоть на мигъ бы цѣпь позора
Узникъ позабылъ.
Я леталъ бы скоро-скоро,
Если-бъ птичкой былъ!

Чуя въ воздухѣ страданья
И потоки слезъ,
Я бы на берегъ изгнанья
Мира вѣтвь принесъ.
Царь Саулъ-бы, въ звукахъ хора,
Духъ уныныя и раздора
И свой гнѣвъ забылъ.
Я леталъ бы скоро-скоро,
Если-бъ птичкой былъ!

Только злыхъ не усладилъ бы
Пѣньемъ никогда —
Развѣ птичку подстрѣлилъ бы
Богъ любви; тогда,
Покорясь ему безъ спора,
Я на зовъ роднаго взора,
Изъ послѣднихъ силъ:
Полетѣлъ бы скоро-скоро,
Если-бъ птичкой былъ!

Пер. В. Курочкинъ.

Птичка.

Для чего пѣвунья птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края?

Заслонили солнце тучи,
Небо все заволокли;
И тростникъ сухой и желтый
Клонитъ вѣтеръ до земли —

Вотъ и дождикъ, посмотри-ка,
Хлынулъ словно изъ ведра,
Скучно, холодно, какъ будто
Не весенняя пора!

— Не для солнца, не для неба
Прилетѣла я сюда;
Въ камышахъ сухихъ и желтыхъ
Не совью себѣ гнѣзда.

Я совью его подъ кровлей
Горемыки-бѣдняка:
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.

Въ часъ, какъ онъ, вернувшись съ поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ грустный на солому,
Пѣсню я ему спою.

Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей;
Никогда её не пѣла
Для счастливыхъ я людей.

Въ ней повѣдаю я много
Про иной, чудесный свѣтъ,
Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Ни нужды, ни горя нѣтъ.

Эта пѣсня — примиренье
Въ грудь усталую прольетъ;
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ заснетъ.

А. Н. Плещеевъ.

Путь.

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, ни ходить —

Кто же держитъ меня,
И что кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до сихъ поръ
Не стремлюся я вдаль?

Или доля моя
Сиротой родилась,
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась!

По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!

Много слугъ и казны
Подъ замками лежитъ —
И лихой вороной
Ужъ осѣланъ стоитъ.

Да на путь — по душѣ —
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть —

Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать —

И чтобъ съ горемъ въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибелъ идти —
Пѣсни пѣть соловьемъ!

А. В. Кольцовъ.

Далекій путь.

(На пріѣздъ Камилы Петровны Ивашевой.)

По дорогѣ столбовой
Колокольчикъ заливается;
Что не парень удалой
Бѣлымъ снѣгомъ опушается?
Нѣтъ! а ласточкой летитъ
По дорогѣ красна дѣвица;
Мчатся кони — отъ копытъ
Вьется легкая мятелица.

Кроясь въ пухѣ соболей,
Вся душою въ даль уносится;
Изъ задумчивыхъ очей
Капля слезъ за каплей просится:
Грустно ей — родная мать
Тужитъ тугою сердечною:
Больно душу оторватъ
Отъ души разликой вѣчною.

Сердцу горе суждено!
Сердце на̀ двое не дѣлится:
Разрывается оно —
Дальній путь предъ нею стелится.
Но зачѣмъ въ степную даль
Свѣтъ-душа стремится взорами?
Ждетъ и тамъ ее печаль,
За желѣзными затворами!

„Съ другомъ любо и въ тюрьмѣ!“
Мыслитъ-молвитъ красна дѣвица:
„Свѣтъ онъ мнѣ въ могильной тьмѣ —
„Встань, неси меня мятелица:

„Занеси въ его тюрьму!
„Пусть, какъ птичка домовитая,
„Прилечу я — и къ нему
„Притаюсь, людьми забытая!“

Князь А. И. Одоевскій.

Пѣвецъ.

Слыхали-ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой —
Слыхали-ль вы?

Встрѣчали-ль вы въ пустынной тьмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды ли слезъ, улыбку-ль замѣчали,
Иль тихій взоръ, исполненный тоской —
Встрѣчали-ль вы?

Вздохнули-ль вы внимая тихій гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали,
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ —
Вздохнули-ль вы?

А. С. Пушкинъ.

Русскій пѣвецъ.

При раздѣлѣ міра
Мнѣ сказалъ Зевесъ:
„Вотъ тебѣ, братъ, лира,
Вотъ клочокъ небесъ.
Полную свободу
Дамъ тебѣ кругомъ —
Пой себѣ природу
И Романовъ домъ.“

Полонъ мощной вѣры,
Я пошелъ въ лѣса:
Надо мною сѣры
Были небеса;
Тучи, какъ въ дремотѣ
Плыли надъ рѣкой —
Городъ на болотѣ
Всталъ передо мной.

Звѣзды генераловъ
Озаряли путь,
Нѣсколько журналовъ
Силились раздуть
Гдѣ то въ тьмѣ безличья
Тлѣвшій огонекъ,
Русскаго величья
Маленькій залогъ.

На плацу солдаты;
Дѣлалъ царь разводъ —
Пастырь бородатый
Поучалъ приходъ.

Подъ кнутомъ боярскимъ
Взятку давъ властямъ,
Рабъ кадилъ о царскомъ
Здравый ѳиміанъ.

Прелесть царской власти
Въ сердце ощутивъ,
Укротилъ я страсти
Бѣшеный порывъ.
Къ нѣжнымъ пѣснямъ склонность
Вдругъ я возъимѣлъ
И цѣпей законность
Сладостно воспѣлъ.

Рабства всѣ разряды,
Каждый звукъ цѣпей,
Взятки, мракъ, парады,
Шалости царей,
Крѣпостное право — —
Пѣлъ въ поту лица,
И облекся славой
Русскаго пѣвца.

Нынче будто стали
Строже къ соловью:
Громовержецъ! я ли
Безъ усердья пью
Изъ Фонтанки воду,
Чтобы пѣть потомъ
Сѣрую природу
И Романовъ домъ.

Пѣня.

Подъ стѣнами Сантарема
Мой сердечный палъ:
Онъ какъ левъ, за честь Маріи
До конца стоялъ.
На широкомъ полѣ битвы
Огонекъ горитъ,
На широкомъ полѣ битвы
Рыцарь мой лежитъ.
Капуцинъ пришелъ съ дарами —
„О святой отецъ!
Разрѣши мнѣ душу! близокъ —
Близокъ мой конецъ!“
И послѣднему моленью
Воина внемли:
Обо мнѣ на Русь святую
Вѣсточку пошли!
Тамъ сидитъ моя невѣста,
Ждетъ въ слезахъ меня.
О святой отецъ! скажи ей,
Какъ скончался я!
Ты скажи что я до гроба
Милую любилъ,
Умеръ съ вѣрой, и за вольность
Житье положилъ“.

В. Печеринъ.

Пѣсня браннаго воинства.

Послушайте братцы,
Совѣты мои!
Есть на всякомъ мѣстѣ
Выгоды свои.

Въ городахъ — палаты,
Въ деревняхъ — сады,
Въ столицахъ — кареты,
А въ поляхъ — цвѣты.

Иной отъ шампанскаго
Въ подагрѣ лежитъ,
А нашъ братъ и за версту
Воду пить бѣжитъ.

Отбитъ государство
Посылаютъ насъ —
Опоздать къ разводу,
Подъ арестъ тотчасъ!

Мундиръ рублей въ триста
А въ карманѣ грошъ,
Корми коня сытно,
А самъ сухарь гложь.

Надъ скотомъ — въ сто тысячъ
Стоитъ мавзолей,
А надъ нашимъ братомъ —
Свищетъ воробей.

Отбей десять пушекъ —
Даютъ крестъ златой.
Оторвало ногу? —
Ступай жить домой.

А гдѣжъ этотъ домикъ,
Котораго нѣтъ? —
Вотъ тебѣ награда
За двадцать пять лѣтъ!

Пѣсня

(изъ Гейне).

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустыя!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты мнѣ прямые.
Отчего подъ ношей крестной
Весь въ крови влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?
Кто виной? иль силѣ правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно...
Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею
Да отвѣтъ ли это? Полно.

1877 (Алисовъ П. Ѳ.)

Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ —
Но отецъ твой, старый воинъ,
Закаленъ въ бою.
Спи малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь — будетъ время —
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шолкомъ разошью —
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Ботатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой,
Провожать тебя я выйду:
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать —
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю —
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой —
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою!
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

М. Ю. Лермонтовъ.

Колыбельная пѣсня.

(Подражаніе Лермонтову.)

Спи, пострѣлъ, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотритъ мѣсяцъ мѣдный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать не сказки —
Правду пропою;
Ты-жь дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губерніи раздался
Всѣмъ отрадный кликъ:
Твой отецъ подъ судъ попался —
Явныхъ тьма уликъ.
Но отецъ твой плутъ извѣстный —
Знаетъ роль свою.
Спи, пострѣлъ, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подростешь — и міръ крещеный
Скоро самъ поймешь,
Купишь фракъ темнозеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: „я благонамѣренъ,
За добро стою!“
Спи — твой путь грядущій вѣренъ!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновникъ съ виду
И подлецъ душой,
Провожать тебя я выду —
И махну рукой!
Въ день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою.
Спи, пострѣлъ, пока невинной!
Баюшки-баю.

Тихъ и кротокъ какъ овечка
И крѣпонекъ лбомъ,
До хорошаго мѣстечка
Доползешь ужомъ —
И охулки не положишь
На руку свою
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь домъ многоэтажный,
Схватишь крупный чинъ
И вдругъ станешь баринъ важный:
Русскій дворянинъ.
Заживешь — и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою — —
Спи, чиновникъ мой прекрасной!
Баюшки-баю.

Н. Некрасовъ.

Пѣсня крымскимъ солдатамъ.

I.

На голосъ:
„За долами, за горами".

Какъ восьмаго Сентября
Мы за вѣру за царя
Отъ французъ ушли,
Отъ французъ ушли.

И такъ храбро отступали,
Что всѣхъ раненыхъ бросали
Умирать въ степи. (bis.)

Меньшикъ умный адмиралъ
Суденушки потопилъ
Въ морѣ-пучинѣ. (bis.)

Молвилъ: „счастія желаю!"
Самъ ушелъ къ Бахчисараю,
Ну васъ всѣхъ къ... (bis.)

Сентъ-Арно позакопался —
Онъ учтиво обращался
Сзаду обошелъ. (bis.)

Кабы намъ да въ этотъ вторникъ
Не помогъ святой угодникъ,
Всѣхъ бы насъ забралъ. (bis.)

Съ моря, съ суши обложили,
Севастополь нашъ громили
Изъ большихъ маркелъ. (bis.)

Духовенство все молило,
Чтобъ француза потопило —
Бурю Богъ послалъ. (bis.)

Была сиверка большая,
Но французъ не унывая —
На морѣ стоялъ — (bis.)

И князья къ намъ пріѣзжали
Да француза не спужали,
Все палигъ съ маркелъ. (bis.)

Штуцеровъ мы поджидали,
Да гвардейцы ихъ забрали:
Видно имъ нужнѣй. (bis.)

Изъ подъ града Кишинева
Ждали войска мы большаго;
Войско подошло. (bis.)

Ланенбергу поручили,
Его очень просили,
Войска не жалѣть. (bis.)

Павловъ, Соймоновъ ходили,
Круты горы восходили,
Вмѣстѣ не сошлись. (bis.)

А Липранди хоть видалъ,
Какъ французъ одолѣвалъ,
Руку не подалъ. (bis.)

Тысячь десять положили —
Отъ царя не заслужили
Милости большой. (bis.)

Князь изволилъ разсердиться,
Нашъ солдатъ де не годится,
Ж... показалъ. (bis.)

Изъ сраженія большаго
Вышло толко два героя —
Ихъ Высочества! (bis.)

Имъ повѣсили Егорья,
Повезли назадъ на взморье,
Въ Питеръ на показъ. (bis.)

Зимой вылазки чинили,
Много войска положили,
Все изъ за туровъ. (bis.)

Меньшикъ проситъ подкрѣпленья,
Царь ему во утѣшенье
Ссакина послалъ. (bis.)

Меньшикъ умный адмиралъ,
Царю прямо отписалъ:
„Батюшка нашъ царь! (bis.)

„Ерофѣичъ твой не крѣпокъ,
„Отъ твоихъ же малолѣтокъ,
„Толку ни..." (bis.)

Царь на Меньшика серчалъ,
И въ ту пору захворалъ
На одномъ смотру. (bis.)

И отправился на небо!
Видно въ немъ была потреба — —
И давно пора! (bis.)

А когда же умиралъ,
Сыну крѣпко наказалъ:
„Ты теперь смотри!“ (bis.)

Сынъ же Меньшику писалъ:
„Ты мой милый адмиралъ,
Къ ляту братъ ступай. (bis.)

Я пошлю туда другаго,
Того князя Горчакова,
Къ Турку что ходилъ — (bis.)

Много войскъ ему не надо.
Будетъ пусть ему награда
Красные штаны“. (bis.)

Посылали хоть Хрулева
Выгнать турку изъ Козлова,
Наша не взяла. (bis.)

И вотъ ждемъ и поджидаемъ,
Севастополь защищаемъ —
Скоро-ль отойдутъ? (bis.)

II.

4. Августа.

Какъ четвертаго числа,
Насъ нелегкая несла,
Горы занимать. (bis.)

Баронъ Вревскій генералъ,
Къ Горчакову приставалъ,
Когда подъ шефа: (bis.)

„Князь возьми ты эти горы,
Не входи со мной ты въ споры,
Право донесу“. (bis.)

Собирались на совѣты
Все большіе эполеты,
Даже Плацъ Бекокъ. (bis.)

Полицмейстеръ Плацъ Бекокъ
Никакъ выдумать не могъ,
Что ему сказать. (bis.)

Долго думали, гадали,
Топографы все писали
На большомъ листу. (bis.)

Чисто писано въ бумагѣ —
Да забыли про овраги,
Какъ по нимъ ходить. (bis.)

Выѣзжали Князья, Графы,
А за ними Топографы,
На большой редутъ. (bis.)

Князь сказалъ: „ступай Липранди!“
А Липранди —“ нѣтъ, атанде,
Я ужъ не пойду — (bis.)

Туда умнаго не надо —
А пошли-ка ты Реада,
А я посмотрю“. (bis.)

А Реадъ — возьми, да спросту —
Поведи насъ прямо къ мосту,
„Ну-ка на уру!“ (bis.)

Веймарнъ плакалъ, умолялъ,
Чтобъ немножко обождалъ!
„Нѣтъ, ужъ пусть идутъ“. (bis.)

И ‚уру‘ прошумѣли,
Да резервы не поспѣли —
Кто-то перевралъ. (bis.)

На Федюхины высоты
Насъ всего пришло двѣ роты,
А пошли полки. (bis.)

Енаралъ то Ушаковъ,
Тотъ ужъ вовсе не таковъ,
Все чего-то ждалъ. (bis.)

Долго ждалъ онъ — дожидался,
Пока съ духомъ не собрался,
Рѣчку перейти. (bis.)

А Бѣлявцевъ енаралъ
Тотъ все знаменъ потрясалъ,
Вовсе не къ лицу. (bis.)

Наше войско не большое,
А Французовъ ровно вдвое,
И сукурсу нѣтъ. (bis.)

Ждали — выйдетъ съ гарнизона
Намъ на выручку колонна,
Подали сигналъ. (bis.)

А тамъ Сакенъ енаралъ,
Все акаѳисты читалъ
Богородицѣ. (bis.)

И пришлось намъ отступать,
. . . . . .
Кто куда водилъ?! (bis.)

А какъ перваго числа,
Ждали батюшку царя
Мы у Фотъ-Сала. (bis.)

И въ усердномъ умиленьи,
Ждали всѣ мы награжденья —
Не далъ ничего. (bis.)

Пѣсня К...ой.

Я свободы дочь,
Я со трона прочь,
Императоровъ —
Я взбунтую полки,
Развяжу языки
У сенаторовъ.

А. А. Бестужевъ.

Ослушная пѣсня.

На голосъ: „Marseillaise".

Часъ ослушной пробилъ для насъ;
Освободимъ себя со славой!
Злодѣи вынудили насъ
Къ расправѣ дружной и кровавой! (bis.)

Къ оружію друзья!
Сомкнемтеся въ ряды!
Впередъ! впередъ — насъ ждетъ земля
Да воля за труды.

Пусть какъ единый человѣкъ
Вся Русь замученная встанетъ!
Освободимъ себя на вѣкъ!
Земли родной на всѣхъ достанетъ. (bis.)

Къ оружію друзья! и т. д.

Довольно нѣмцамъ пировать,
Довольно тѣшиться надъ нами!
Солдатъ, да земство угнѣтать:
Съ кнутомъ, плѣтьми и кандалами! (bis.)

Къ оружію друзья! и т. д.

Насъ грабежами — до сумы
Они довольно доволили!
Крестьянской кровью вдосталь мы
Родныя нивы напоили! (bis.)

Къ оружію друзья! и т. д.

Довольно насъ терзали зря,
Довольно стригли насъ, какъ стало —
Не надо больше намъ царя,
Чиновной сволочи — не надо! (bis.)

Къ оружію друзья! и т. д.

Безъ полицейскихъ и дворянъ
Съ собой управимся мы сами;
Разсудимъ всѣ дѣла мірянъ,
Какъ встарь — землей, да волостями! (bis.)

Къ оружію друзья! и т. д.

Сходись со всѣхъ сторонъ народъ,
Всякъ что за волю — будетъ съ нами.
Солдаты къ намъ! насталъ чередъ —
Свободу отстоять штыками. (bis.)

Къ оружію друзья,
Сомкнемтеся въ ряды!
Впередъ! впередъ — насъ ждетъ земля
Да воля за труды! (bis.)

Пѣснь плѣннаго.

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Равнодушно они,
Для забавы дѣтей,
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои!
Обругаютъ, убьютъ
И мой трупъ разорвутъ!

Но стерплю — не скажу ничего,
Не наморщу чела моего!
И — какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Неподвиженъ и смѣлъ,
Встрѣчу мигъ роковой!
И — какъ воинъ и мужъ,
Перейду въ страну душъ.

Передъ сномомъ тѣней воспою
Я безсмертную гибель мою!
И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ —
И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ,
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ.

И рекнутъ они въ голосъ одинъ:
„Ты — достойный прапрадѣдовъ сынъ!“
Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родныхъ разольемъ
Пылъ вражды боевой —
Побѣдимъ, поразимъ
И врагамъ отомстимъ!

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я, недвижимъ и смѣлъ,
Встрѣчу мигъ роковой —
И какъ воинъ и мужъ,
Перейду въ страну душъ!

А. Полежаевъ.

Пѣснь погибающаго.

Вотъ мрачится сводъ лазурный!
Вотъ крутится вихорь бурный!
Вѣтръ свиститъ,

Громъ гремитъ,
Море стонетъ — путь далекъ —
Тонетъ, тонетъ мой челнокъ!

Все черне́е сводъ надзвѣздный,
Все страшне́е воютъ бездны.
Глубь безъ дна —
Смерть вѣрна!
Какъ заклятый врагъ грозитъ,
Вотъ девятый валъ бѣжитъ!

Горе, горе! онъ настигнетъ,
Въ шумномъ морѣ челнъ погибнетъ —
Гробъ готовъ!
Трескъ громовъ
Надъ пучиной ярыхъ водъ
Вздохъ пустынной разнесетъ! —

Даръ завѣтный провидѣнья,
Гость привѣтный наслажденья —
Жизнь иль мигъ,
Не привыкъ
Утѣшаться я тобой,
И разстаться мнѣ съ мечтой!

Сокровенный сынъ природы,
Неизмѣнный другъ свободы —
Съ юныхъ лѣтъ
Въ море бѣдъ
Я направилъ быстрый бѣгъ,
И оставилъ мирный брегъ.

А. Полежаевъ.

Пуншевая пѣсня.

(Изъ Шиллера.)

Силы четыре,
Соединясь,
Жизнь образуютъ,
Міръ создаютъ.

Влажно зернистый
Выжми лимонъ.
Ѣдкая сила —
Жизни зерно.

Сладостной влагой
Ты укроти
Острую силу
Ѣдкой струи.

Влагою грѣтой
Воду налей:
Міръ весь объемлетъ
Тихо водой.

Примѣсью рома
Все освяти:
Ромъ одаряетъ
Жизнію — жизнь.

Только кипучій
Ключъ утолитъ,
Прежде чѣмъ стихнетъ —
Черпай его!

А. С. Пушкинъ.

Современная пѣсня.

Питеръ.

У царя у нашего
Вѣрныхъ слугъ довольно:
Вотъ хоть у Потапова
Высѣкутъ пребольно.

Такъ лишь въ назиданіе
Какъ закатятъ со ста,
Будешь помнить зданіе
У цѣпнаго моста.

Москва.

У царя у нашего
Все такъ политично,
Что и безъ Потапова
Высѣкутъ отлично.

И къ чему тутъ зданіе
У цѣпнаго моста:
Выйдетъ приказаніе
Отдерутъ и просто.

Пѣсня странника.

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума;
Нѣтъ, легче посохъ и сума —
Нѣтъ, легче трудъ и гладъ.

Не то, чтобъ разумомъ моимъ
Я дорожилъ — не то чтобъ съ нимъ
Разстаться былъ не радъ.

Когда-бъ оставили меня
На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ!

Силенъ и воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь, роющій поля,
Ломающій лѣса.

И я-бъ заслушивался волнъ,
И я глядѣлъ бы, счастья полнъ,
Въ пустыя небеса.

Да вотъ бѣда: сойти съ ума,
И страшенъ будешь, какъ чума;
Какъ разъ тебя запрутъ —

Посадятъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрка,
Дразнить тебя прійдутъ.

А ночью слышать буду я
Не голосъ яркій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ —

А крикъ товарищей моихъ,
Да брань смотрителей ночныхъ,
Да визгъ, да звонъ оковъ! —

А. С. Пушкинъ.

Пѣснь умирающаго поэта.

Гори, гори, мой факелъ томный!
Но вспыхни предъ концемъ живѣй!
На мой ты жребій грустный, тёмный
Сіянье тихое пролей!
Вся жизнь моя — одно желанье,
Несбывшійся надежды сонъ,
Или художника мечтанье,
Набросанное на картонъ.
И страждущая грудь лелѣетъ
Видѣній дивную семью —
Рука дрожитъ, языкъ нѣмѣетъ
Осуществить мечту мою.
Созданье вѣчное готово,
И рвется изъ груди поэта —
Кто скажетъ творческое слово?
И разольется море свѣта.
Давно въ груди поэта рдѣетъ
Россіи свѣтлая заря —
О! выньте изъ груди зарю!
Пролейте на небо Россіи!

(Поэтъ начинаетъ бредить:)

О! дайте предъ кончиной
Пѣснь громкую пропѣть!
Я съ пѣснью лебединой
Хотѣлъ бы умереть!
Гремитъ на полѣ ратномъ
Побѣды крикъ въ радахъ,
И я въ крови, съ булатнымъ
Мечемъ, паду во прахъ — —
И счастія Россіи
Залогъ вамъ — кровь моя!

И всѣ грѣхи Россіи
Омоетъ кровь моя! —
Мое вы сердце въ урну
Съ почтеньемъ положите!
И русскимъ эту урну
Въ день славы покажите!
Хоругвь твоя заблещетъ,
Потомство, предо мной!
Мой пепелъ затрепещетъ
Подъ крышкой гробовой —
Я силой благодатной
Прольюся на Россію,
И Русскій ножъ булатный...
. . . . . .

(Поэтъ, испугавшись цензуры, умираетъ недокончивъ куплета.)

В. Печеринъ.

Уральская пѣсня.

На голосъ:
„Какъ на матушкѣ
На Невѣ-рѣкѣ“.

Какъ по рѣченькѣ
По мутнешенькой
Неснащенное
Судно плавало —
Какъ снесло его
Путемъ не путью,
А мутной струей,
Въ море синее.

Поперекъ и вдоль
Все исплавало,
Пополамъ съ горемъ
Все извѣдало.

Поразшатанный
Руль навѣсили,
Позаплатанный
Парусъ подняли;
А на ту бѣду
Съ зари утренней,
Злая непогодь,
Необходная,
Не косымъ ремъ
И не веслами —
Приросло ко дну
Двойнымъ якоремъ.

Много вынесло
Бурь, невзгодушекъ;
Горекъ былъ настой
Соляной воды.
Ждетъ погодушки,
Что не жалуясь
На судьбу свою
Горемычную;
Чаетъ волюшки,
Что не радуясь,
Глядя въ зеркало
Моря мутнаго.

Отдало свои
Всѣ подчалочки,
Боевой жизни
Все подарочки.
Расплылись они
По всѣмъ рѣчушкамъ,

Разбрелися вдоль
По мутнешенькимъ:
По Днѣпру, Дону,
Волгѣ — матушкѣ,
По золотну — дну
По Горыничу.

То не вороны,
Отъ обѣихъ зорь,
На гребцовъ пали
Тучей черною:
Цари-кормщики,
Императоры,
Рулевые ихъ
Губернаторы.
Не сизой орелъ
Изъ за тучи той
Змѣей — молніей
Снесся на корму.

И собралъ, созвалъ
Милыхъ дѣтушекъ
Подъ свое крыло
Неразрывное:
То вспорхнулъ орломъ
Вѣчевой нашъ духъ,
И палъ на корму
Міровой нашъ кругъ.
И сплылися вкругъ
Всѣ подчалочки,
Боевой жизни
Все подарочки.

Онъ однимъ крыломъ
Бился съ тучею,
А другимъ съ волной
Все кипучею,

И суденышко
Всею грудью крылъ.
Уходилася
Туча черная,
Уложилася
Волна бурная.

Засвѣтилася
Заря алая
И суденышко,
Тихо плавая,
Все идетъ впередъ,
Не торопится,
На стоянице
Не воротится:
Все нажитое
Не взято займомъ,
А прожитое
Поросло быльемъ.

Пѣсня
„Что не вѣтеръ шумитъ во сыромъ бору".

На голосъ:
„Ужъ какъ палъ туманъ на синё море".

Что не вѣтеръ шумитъ во сыромъ бору —
Муравьевъ идетъ на кровавый пиръ.
Съ нимъ Черниговцы идутъ грудью стать,
Сложить голову за Россію-мать!
И не буреи палъ долу крѣпкій дубъ,
А измѣнникъ-червь подточилъ его.
Закатилася воля-солнышко —
Смерти ночь легла въ поле бранное...

Какъ на полѣ томъ бранный конь стоитъ;
На землѣ предъ нимъ витязь младъ лежитъ.
„Конь мой, конь! скачи въ святой Кіевъ-градъ;
„Тамъ товарищи, тамъ мой милый братъ.
„Отнеси ты къ нимъ мой послѣдній вздохъ
„И скажи: цѣпей я нести не могъ — —
„Пережить нельзя мысли горестной,
„Что не могъ купить кровью вольности!“

А. А. Бестужевъ.

Родина наша.

На голосъ:
„God save the Queen“.

Родина наша
Насъ помяни,
Горестей чаша
Ждетъ наши дни.

Много-ль насъ мало-ли,
Чтобъ насъ не ждало,
Съ братской любовью
Ляжемъ костьми.

Князь и невольникъ,
Попъ и раскольникъ,
Нашею кровью
Станутъ людьми.

Моя Родословная.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ;
Смотри, пожалуй, вздоръ какой,
Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто русскій мѣщанинъ.

Понятна мнѣ времянъ превратность:
Непрекословлю, право, ей;
У насъ нова рожденьемъ знатность
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И, слава Богу, не одинъ —
Бояръ старинныхъ я потомокъ,
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ,
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ —
Кудажъ мнѣ быть аристократомъ?
Я, слава Богу, мѣщанинъ!

Мой предокъ, ради службы бранной,
Святому Невскому служилъ,
Его потомство гнѣвъ вѣнчанной
Иванъ четвертый пощадилъ.
Возились Пушкины съ царями,
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.

Смиривъ крамолы и коварство,
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ,
Мы къ оной руку приложили,
Насъ жаловалъ страдальца сынъ;
Бывало нами дорожили,
Но я, я темный мѣщанинъ.

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ:
Въ свою родню неукротимъ,
Съ Петромъ мой прапрапрапрадъ не поладилъ.
И былъ за то повѣшенъ имъ!
Его примѣръ будь намъ наукой
Не любитъ спора властелинъ,
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой —
Счастливъ покорный мѣщанинъ.

Мой дѣдъ — когда мятежъ поднялся
Средь петергофскаго двора,
Какъ Минихъ вѣренъ оставался
Паденью третьяго Петра —
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ каралтинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый
И я родился — мѣщанинъ.

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ сохранилъ,
И не якшаясь съ новой знатью
Я крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ
Я просто Пушкинъ не Мусинъ,
Я самъ большой не царедворецъ,
Я грамотѣй — я мѣщанинъ.

Видокъ Фигляринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ проданъ за бытылку рома
И въ руки шкипера попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.

Сей шкиперъ дѣлу былъ доступенъ,
И сходно купленный Арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперстникъ, а не рабъ.
И былъ отцомъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ среди морскихъ пучинъ
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ.

А. Пушкинъ.

Рожденіе Мессіи.

Когда-то шли толпы въ соборы
Почтить ту ночь, когда съ высотъ
Гремели Херувимовъ хоры,
Благую вѣсть неся въ народъ:
„Родился въ бѣдности Мессія!
„Родился въ ясляхъ царь міровъ!
„Онъ прекратитъ вражды земныя,
„Онъ уврачуетъ боль рабовъ,
„Онъ сломитъ цезаря гордыню,
„Онъ фарисея обличитъ,
„Разрушитъ плодовъ святыню,
„Любовь и правду водворитъ!“

Вѣка минули за вѣками,
Но всюду царствуетъ вражда;
Народовъ кровь течетъ рѣками —
Для фарисеевъ нѣтъ суда.
Подъ лицемѣріемъ закона
Рабъ голода живетъ рабомъ,
И на безсмысленные троны
Съ небесъ не излетаетъ громъ.
Любви и правды отъ Мессіи
Народы перестали ждать...
Не сходятъ ангелы святые
Земное зло уврачевать!

Безсильны жаркія молитвы;
Безсильны Будды и Христы
Среди безчеловѣчной битвы,
Среди безумной, суеты...
Встань, человѣкъ! Ты мертвый идолъ
Своей любовью оживилъ,
Ему свою ты силу придалъ
Себя въ Христѣ ты воплотилъ;
Благую вѣсть освобожденья
Ты самъ въ душѣ своей пропѣлъ.
Ты чуда ждешь? пришло мгновенье:
Иди на путь чудесныхъ дѣлъ!

Иди! — Да возстаютъ народы!
Да прозрѣваютъ всѣ слѣпцы!
Вѣсть братства, равенства, свободы
Да грянетъ въ міръ во всѣ концы!
Да встанетъ изъ своей могилы
Работникъ — Лазарь навсегда!
Да рухнутъ царства грубой силы!
Да придетъ грозный день суда!
Да воцарится правда всюду!
Да обновится міръ трудомъ!...
Иди! свершай земное чудо!
Самъ для себя будь божествомъ!

Но знай: не дремлютъ фарисеи
Христосъ! тебя Голгота ждетъ!
Тебя осудятъ іереи —
Платъ на казнь тебя пошлетъ.
Ступай на крестъ за благо братій,
На крестъ за правды торжество!
Среди клеветъ, среди проклятій
Въ себѣ родишь ты божество.
Въ борьбѣ твои окрепнутъ силы,
Настанетъ часъ: ты повелишь
И разлетится сводъ могилы
И старый міръ ты обновишь.

Придешь ты грознымъ судіею
Съ мечемъ и пламенемъ въ рукахъ;
Ложь затрепещетъ предъ тобою;
Кумиры зла падутъ во прахъ.
Народы въ день освобожденья
Скрепятъ свой братскій договоръ
И новое раздается пѣнье:
Благая вѣсть! Священный Хоръ!
„Мессія истинный родился,
„Всесильный бого-человѣкъ!
„Онъ въ нашемъ дѣлѣ воплотился!
„Онъ — правда, братство, миръ — на вѣкъ!“

Парижъ, 25 Декабря 1870 г.

Росинки.

Сонъ побѣжденный
Съ выси янтарной
Канулъ за лѣсъ:
Шаръ лучезарный,
Око вселенной,
Сердце небесъ,
Всходитъ — и пало
Тьмы покрывало,
Сумракъ исчезъ.

Съ синяго свода
Токи ли злата
Льются на міръ?
Съ ложа подъята,
Встала природа,
Сѣла за пиръ.
Пышетъ и блещетъ,
Жизнью трепещетъ
Легкій эѳиръ.

Сладостный пламень
Горьней пучины
Всюду горитъ:
Холмы, долины,
Море и камень
Мощный живитъ;
Твердью ли стала
Капля кристалла?
Въ ней его щитъ!

Въ лонѣ росинки
Слабой, дрожащей,
(Дунешь — и нѣтъ!)
Чутъ тяготящей

Чашу былинки —
Слава и свѣтъ,
Тронъ исполина,
Зракъ Властелина,
Дней и планетъ.

Съ ясной лазури
Солнце вѣщало:
„Хляби! валы!
„Мнѣ ли зерцало
„Плѣнники бури,
„Узники мглы?
„Рвите заклѣпы,
„Дики, свирѣпы,
„Рушьте скалы!

„Васъ ли, мятежныхъ,
„Каплѣ смиренной
„Я предпочту?
„Съ странъ безрубежныхъ
„Къ черни надменной,
„Къ вамъ въ темноту,
„Въ бездну, гдѣ грохотъ,
„Скрежетъ и хохотъ
„Я ли сойду?“

Благостный, Вѣчный
Дивный не въ шумлѣ,
Богъ не въ грозѣ,
Нѣтъ — въ тихой думѣ,
Въ глуби сердечной,
Въ тайной слезѣ,
Въ скорби незлобной,
Въ дѣвѣ, подобной
Чистой росѣ!

В. К. Кюхельбекеръ.

Плѣнный Рыцарь.

Молча сижу подъ окошкомъ темницы.
Синее небо отсюда мнѣ видно:
Въ небѣ играютъ всѣ вольныя птицы —
Глядя на нихъ, мнѣ и больно и стыдно.

Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы,
Нѣту ни пѣсни во славу любезной;
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый, да панцырь желѣзный!

Въ каменный панцырь я нынѣ закованъ —
Каменный шлемъ мою голову давитъ,
Щитъ мой отъ стрѣлъ и меча заколдованъ,
Конь мой бѣжитъ, и никто имъ не правитъ.

Быстрое время — мой конь неизмѣнный,
Шлема забрало — рѣшотка бойницы,
Каменный панцырь — высокія стѣны,
Щитъ мой — чугунныя двери темницы.

Мчись же быстрѣе, летучее время!
Душно подъ новой бронею мнѣ стало!
Смерть, какъ пріѣдемъ, подержитъ мнѣ стремя —
Слезу и сдерну съ лица я забрало.

М. Ю. Лермонтовъ.

Свобода.

Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
Когда я былъ юношей страстно-мятежнымъ,
И въ возрастѣ зрѣломъ, со старостью смѣжномъ —
Всю жизнь мнѣ все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизмѣнное слово:
Свобода! Свобода!

Измученный рабствомъ и духомъ унылый,
Покинулъ я край мой родимый и милый,
Чтобъ было мнѣ можно, на сколько есть силы,
Съ чужбины до самаго края роднаго
Взывать громогласно завѣтное слово:
Свобода! Свобода!

И вотъ на чужбинѣ, въ тиши полунощной,
Мнѣ издали голосъ послышался мощный —
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мракъ безпомощный,
Сквозь всѣ завыванія вѣтра ночнаго,
Мнѣ слышится съ родины юное слово:
Свобода! Свобода!

И сердце, такъ дружное съ горькимъ сомнѣньемъ,
Какъ птица изъ клѣтки, простясь съ заточеньемъ,
Взыграло впервые отраднымъ біеньемъ,
И какъ то торжественно, весело, ново
Звучитъ теперь съ дѣтства знакомое слово:
Свобода! Свобода!

И все то мнѣ грезится — снѣгъ и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И онъ говоритъ мнѣ, снимая оковы,
Мое неизменное, вѣчное слово:
Свобода! Свобода!

Но еслибъ грозила бѣда и невзгода
И рукъ для борьбы захотѣла свобода —
Сей часъ полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

А еслибъ пришлось умереть на чужбинѣ,
Умру я съ надеждой и вѣрою нынѣ;
Но въ мигъ передсмертный — въ спокойной кручинѣ
Не дай мнѣ остынуть безъ звука святаго,
Товарищъ, шепни мнѣ послѣднее слово:
Свобода! Свобода!

Н. Огаревъ.

Свободы гордой вдохновенье.

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не чувствуетъ народъ —
Оно молчитъ, святое мщенье,
И на царя не возстаетъ.

Подъ адскимъ игомъ самовластья,
Покорны вѣчному ярму,
Сердца не чувствуютъ несчастья
И умъ не вѣруетъ ему.

Я видѣлъ рабскую Россію
Передъ святыней алтаря;
Гремя цѣпьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Сказка.

Ура! въ Россію скачетъ
Кочующій деспотъ:
Спаситель горько плачетъ,
А съ нимъ и весь народъ!
Марія въ хлопотахъ
Наслѣдника стращаетъ:
„Не плачь литя, не плачь, сударь,
Вотъ бука, бука русской царь!“ —
Царь входитъ и вѣщаетъ:
„Узнай народъ россійской,
Что знаетъ цѣлый міръ —
И прусской и австрійской;
Я сшилъ себѣ мундиръ.
О, радуйся, народъ, я сытъ, здоровъ и тученъ,
Меня газетчикъ прославялъ —
Я ѣлъ, и пилъ, обѣщалъ,
И дѣломъ незамученъ.
Узнай еще въ прибавку,
Что сдѣлаю потомъ:
Лаврову дамъ отставку,
А Соца въ жолтый домъ;
Законъ постановлю на мѣсто вамъ Горголи,
И людямъ всѣ права людей,
По царской милости моей,
Отдамъ изъ доброй воли.
Отъ радости въ постелѣ
Запрыгало дитя:
Неужто въ самомъ дѣлѣ?
Неужто не шутя?“
А мать ему: „Бай, бай! Закрой свои ты глазки;
Пора уснуть ужъ, наконецъ,
Послушавши, какъ царь отецъ
Разсказываетъ сказки!“

А. С. Пушкинъ.

„Славься свобода и честный нашъ трудъ“.

На мотивъ:
„Славься же, славься русскій нашъ царь“.
(Изъ оперы Глинки.)

Славься свобода и честный нашъ трудъ!
Пусть насъ за правду въ темницу запрутъ,
Пусть насъ пытаютъ и жгутъ насъ огнемъ —
Пѣсню свободѣ и въ пыткѣ споемъ.

Славься же, славься родимая Русь
И предъ царемъ и кнутами не трусь;
Встань, ополчися за правду на брань,
Встань же скорѣе, родимая, встань!

Свободное слово.

Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя!
Ты гонишь невѣжество, ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ правдѣ, ты къ свѣту ведешь,
Свободное слово!

Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока,
Для истины гибель она,
Спасенье отъ лжи и порока

Враждуетъ-ли съ ложью? Равно
Живитъ ее жизнію новой*) —
Неправдѣ опасно одно
Свободное слово!

Вотще огражденья всегда
Власть ищетъ лишь въ рабствѣ народа —
Гдѣ рабство, тамъ бунтъ и бѣда:
Защита отъ бунта — свобода.
Рабъ въ бунтѣ ужаснѣй звѣрей,
На ложь онъ мѣняетъ оковы;
Оружье свободныхъ людей
Свободное слово!

О слово, даръ Бога святой,
Кто слово даръ божескій свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной,
Путь рабства кровавый укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ-жъ изцѣленье готово,
О духа единственный мечъ —
Свободное слово!

Смерть Ермака.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безперерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали —

*) Очевидно ошибка въ рукописи, которой мы не можемъ исправить.

Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы,
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали, близъ дубравы.
„О, спите, спите“, мнилъ герой:
Друзья, подъ бурею ревущей!
Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
На славу, иль на смерть зовущій!

„Вамъ нуженъ отдыхъ! Сладкій сонъ
И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;
Въ мечтахъ напомнитъ славу онъ
И силы ратниковъ удвоитъ.
Кто жизни не щадилъ своей
Въ разбояхъ, злато добывая,
Тотъ думать будетъ ли о ней,
За Русь святую погибая?

„Своей и вражьей кровью смывъ
Всѣ преступленья буйной жизни,
И за побѣды заслуживъ
Благословенія отчизны!
Намъ смерть не можетъ быть страшна;
Свое мы дѣло совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — непраздно въ мірѣ жили!“

Но роковой его удѣлъ
Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ,
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На жертву любопытнымъ взглядомъ.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безперерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ брегахъ:
Вздымалися сѣдыя волны
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ козачьи челны.
Съ вождемъ покой въ объятьяхъ сна
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала!

Страшась вступить съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнный,
Прокрался тайною тропой,
Татаръ толпами окруженный.
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ —
И окровавилась долина,
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей, дружина!

Ермакъ воспрянулъ ото сна,
И, гибель зря, стремится въ волны —
Душа отвагою полна;
Но далеко отъ брега челны!
Иртышъ волнуется силѣнѣй —
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ —
И мощною рукой своей
Валы сѣдые разсѣкаетъ —

Плыветъ — ужъ близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила,

Лишивши силъ богатыря
Бороться съ ярою волною,
Тяжелый панцырь — даръ царя —
Сталъ гибели его виною.

Ревѣла буря — — Вдругъ луной
Иртышъ кипящій осребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Въ бронѣ мѣдяной озарился.
Носились тучи, дождь шумѣлъ,
И молніи еще сверкали,
И громъ вдали еще гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Совершеннолѣтіе.

Спокойно вижу я годовъ минувшихъ даль,
Грядущее встрѣчаю безъ волненья,
И нѣтъ раскаянья, и прошлаго не жаль,
Нѣтъ передъ тѣмъ что будетъ — опасенья,
На грезы юности смотрю я безъ презрѣнья,
Пусть было многое въ нихъ жалко и смѣшно,
Но подлости на нихъ не брошено пятно;
Развратъ, любовь, иль трудъ — пусть все безплодно
Въ душѣ кипѣло, но все было благородно.

Съ ошибкой дѣтскою раздѣлаться я радъ
И веселѣй встрѣчаю горечь истинъ,
Чѣмъ малодушіе мечтательныхъ отрадъ;
Я въ дѣлѣ счастья гордъ и безкорыстенъ!
Но міръ, который мнѣ какъ гнусность ненавистенъ,

Міръ угнетателей, обмана и рабовъ —
Его пока я живъ подкапывать готовъ
Съ горячимъ чувствомъ мести или права,
Не думая о томъ — что гибель ждетъ иль слава.

Пусть иногда тоска тѣснитъ мнѣ жизнь мою
И я шепчу проклятья или пени,
Но сердцемъ молодъ я. Еще я жизнь люблю,
Люблю я видѣть синей ночи тѣни
И мирный проблескъ дня; люблю внимать средь лѣни
Волны плесканіе, лѣсовъ зеленыхъ шумъ,
Съ восторгомъ предаюсь работѣ ясной думъ
И все что живо полюбилъ когда-то —
Осталось мнѣ на вѣкъ и сладостно и свято.

Русскому солдату.

На голосъ:
„Молодцамъ солдатамъ
Не о чемъ тужить".

Русскому солдату
Тяжело служить,
Хоть какому хвату
Тошно станетъ жить!
Бѣдность одолѣла,
Командиръ гнететъ,
Онъ сѣчетъ безъ дѣла,
И безъ дѣла бьетъ.
А скажи хоть слово
За себя въ отвѣтъ,
Всяку смѣлость снова
Онъ съ тебя собьетъ!
Палачной науки,
Школу проходя
Много всякой муки
Примешь на себя!

И хоть будь начальства
Въ десять разъ умнѣй —
Ихняго нахальства
Осуждать не смѣй —
Половину вѣка
Въ службѣ загубя,
Въ ней за человѣка
Не считай себя!
А дотянешь, съ Богомъ,
Лямки царскій-срокъ,
Клянчай по дорогамъ,
Да иди въ острогъ — —
До могилы — дружбы
Не забудь съ сумой,
Ежели со службы
Не прошелъ „сквозь строй!“

Сонъ.

Мнѣ снилося, что я въ гробу лежу,
А самъ стою у собственнаго гроба
И на себя на мертваго гляжу,
Самъ отъ себя поставленный особо.

Въ тиши ночной, какъ стражи на часахъ,
Горѣли двѣ свѣчи въ паникадилахъ:
Одна у ногъ, другая въ головахъ —
И таяли въ мерцаніяхъ унылыхъ.

Ихъ блѣдный лучь, колеблясь, упадалъ
На мертвый ликъ, на флеръ, на покрывалы,
А далѣе туманно исчезалъ,
Теряясь въ холодномъ мракѣ залы.

И думалъ я: какая тишина!
Какъ счастливъ я, что умеръ на чужбинѣ;
А то-бъ дьячекъ, бормочущій со сна,
Тревожилъ смерть и миръ ея святыни.

И думалъ я: у гроба никого —
Всѣ близкіе теперь пошли на отдыхъ,
Усталые, и не найдутъ его:
Покоя жизнь не вѣдаетъ, какъ воздухъ —

Спокоенъ я: я болѣе не живъ!
Но, милые, за чѣмъ съ такимъ терзаньемъ
Глядѣть на смерть и, голову склонивъ,
Себя томить безпомощнымъ страданьемъ?

Вы знаете такъ ясно, наизусть,
Что умереть для всѣхъ необходимо,
Какъ звуку замолчать — Къ чему-же грусть?
Простясь со мной, свѣтло грядите мимо.

Безсильными не будьте предъ судьбой:
Ты — женщина! вы дѣти-малолѣтки —
И ты, о другъ, товарищъ вѣрный мой!
Не бейтесь горестно, какъ птицы въ клѣткѣ!

Въ постеляхъ, гдѣ теперь не спится вамъ,
Не лейте слезъ въ подушки, не рыдайте,
И сердца мнѣ не рвите по поламъ,
И мертвымъ быть, молю васъ, не мѣшайте!

Я радъ, что нѣтъ у гроба никого,
И наблюдать могу я безъ волненья
Мое лицо, покуда отъ него
Не вѣетъ смрадъ обычнаго гніенья.

Мое лицо бѣло и холодно.
Живой водѣ застывшей въ ледъ подобно;
Что было мнѣ иль горько, иль смѣшно —
Все стерлося безчувственно, безплодно.

И съ просѣдью густая борода,
И волосы — разчесаны пристойно,
Морщинъ едва два легкіе слѣда —
Улыбки нѣтъ и все лицо спокойно.

Лишь тѣнь рѣсницъ опущенныхъ — чуть чуть
Отъ этихъ свѣчь, ихъ глупаго мерцанья —
Колеблется, и хочетъ обмануть
Нѣмую смерть подобьемъ трепетанья —

Ну, чтожъ, мертвецъ? Все обошлось легко:
Ты миновалъ горячку и заразу;
Съ удушіемъ не кашлялъ глубоко.
А такъ — упалъ, да взялъ и умеръ съ разу.

И думалъ я: мнѣ близкій человѣкъ,
Старикъ Полякъ, мужъ чистый, благородный,
Въ страданіяхъ недавно кончилъ вѣкъ
И жизни трудъ великій, но безплодный —

Почилъ, скорбя о родинѣ своей,
Болѣзненно, въ безвыходной кручинѣ,
Обманутый въ надеждахъ жизни всей.
Въ друзьяхъ, въ женѣ, и въ дочери, и въ сынѣ —

Да! это смерть конечно тяжела!
А мертвый ликъ, худой и изнуренной
Былъ также тихъ — спокойствіе чела
Дружилось въ немъ съ улыбкой благосклонной.

А я — застылъ съ надеждой на успѣхъ
И съ вѣрой въ жизнь грядущихъ поколѣній.
Чего-жъ тутъ страшнаго? — Но тайный смѣхъ
Смутилъ во мнѣ разумность помышленій.

Ну — какъ, мертвецъ, въ твоей землѣ сырой,
Какая вѣсть дойдетъ тебѣ до слуха?
Могильный червь, илъ сторожъ твой ночной
Тебѣ шепнутъ въ твое глухое ухо —

„Воскресла Русь; народъ свободенъ сталъ
И новый міръ возникъ — широкій, сильный,
Мыслъ выросла и трудъ твой не пропалъ“ —
Тебѣ то что? Ты только остовъ пыльный!

И стало вдругъ такъ дико-холодно
И страшно мнѣ, и трупъ мой ужаснулся,
И будто съ нимъ слилися мы въ одно,
И онъ изъ гроба всталъ — и я проснулся,

Ощупался; я живъ и невредимъ!
Взглянуть въ окно вскочилъ съ моей постели:
Туманы по полю, какъ желтый дымъ,
Носилися и медленно рѣдѣли.

Н. Огаревъ.

Споръ.

(Подражаніе Лермонтову.)

Какъ-то разъ, подъ царскимъ кровомъ,
Русскимъ не въ укоръ,
У Клейнмихеля съ Орловымъ
Былъ великій споръ.

„Берегись — Орловъ вѣщаетъ. —
Ты извѣстный плутъ;
Сердце что-то предвѣщаетъ:
Скоро будетъ судъ!

По твоимъ дѣламъ уплата;
О, страшись конца!
Ты поносная заплата
Царскаго вѣнца.

Слышишь плачь и скрежетъ велій,
Слышишь крики: воръ!
Не страшитъ тебя ужели
Плаха и топоръ?

Люди нынѣ не бараны,
Люди нынѣ злы,
Такъ за плутни и обманы
Ты не жди хвалы!

Люди хитры! хоть опасенъ
Первый былъ толчокъ —
Берегись! въ Сибирь ужасенъ
Отъ царя скачокъ!“

— Я Сибири не боюся!
Ты не сѣтуй братъ!
И когда я наживуся
То готовъ хоть въ адъ.

Посмотри: чему не рады?
Мы живемъ какъ встарь;
На разводы, на парады
Ѣздитъ Русскій Царь.

Для воинственной забавы,
Касокъ и штыковъ,
Предковъ онъ забылъ уставы
И дѣла отцовъ.

И купаясь въ дымѣ пушки,
Счастливъ, веселъ онъ,
На военныя игрушки
Промѣнялъ свой тронъ.

Мысли той въ немъ нѣтъ и тѣни,
Чтобъ меня казнилъ;
Трона я лижу ступени —
Чѣмъ же я не милъ?

Хоть не годенъ я въ наѣзды,
Голова тупа,
А лежу, считая звѣзды
Съ глотки до пупа.

Хвастать я тебѣ не стану,
Прошлое цѣня;
Нѣтъ, не старому тирану
Уличить меня!“

„Не хвались еще заранѣ,
Самъ не будешь радъ;
Наша будущность въ туманѣ;
Чу!... не слышишь, братъ?“

И Клейнмихель тайной думой
Былъ тогда смущонъ,
И на счетъ казенной суммы
Взоры кинулъ онъ —

И молчитъ въ недоумѣньѣ;
Жаръ въ немъ и морозъ —
Слышетъ страшное движенье:
Лопнулъ паровозъ.

Отъ Невы и до Дуная
Гдѣ каналы всѣ
И, щебенкою сверкая,
Длинное шоссе —

Поднимаются видѣнья,
Грозныя шумятъ,
Подаютъ одни прошенья,
Счеты за подрядъ —

И за ними батальоны,
Работящихъ строй —
И прошенья, какъ знамены,
Вьются надъ толпой —

И по всюду слышны крики,
И въ набаты бьютъ;
Доказательства, улики,
Словно рѣки льютъ.

И испытанный трудами,
Массый съ головой,
Ихъ ведетъ, грозя перстами,
Тоже плутъ большой.

И глядя на ликъ побѣдный,
Полонъ грозныхъ сновъ,
Сталъ считать Клейнмихель бѣдный —
И не счелъ враговъ.

Но, опять тряхнувъ главою,
Написалъ приказъ,
И сказалъ, махнувъ рукою:
„Вѣдь не въ первый разъ!“ —

1854 г.

Сравненіе Петербурга съ Москвой.

У васъ Нева,
У насъ Москва,
У васъ Княжнинъ,
У насъ Ильинъ.
У васъ Хвостовъ,
У насъ Шатровъ.
У васъ плутамъ,
У насъ глупцамъ,
Больнымъ бл...мъ,
Дурнымъ стихамъ
И счету нѣтъ.
Боюсь и здѣсь
Не лучше смѣсь:
Здѣсь воръ въ звѣздѣ,
Монахъ въ п....,
Оселъ въ судѣ,
Дуракъ вездѣ.
У васъ совѣтъ,
Его здѣсь нѣтъ —
Согласенъ въ томъ —
Но жёлтый домъ
У насъ здѣсь есть.
Въ чахоткѣ честь,
А съ брюхомъ лесть —
Какъ на Невѣ,
Такъ и въ Москвѣ.

Мужей въ рогахъ,
Дѣвицъ въ родахъ,
Мужчинъ въ чепцахъ,
А бабъ въ порткахъ —
Найдешь у васъ,
Какъ и у насъ,
Не пяля глазъ.
У васъ авось —
Россіи ось —
Крутитъ, вертитъ,
А кучеръ спитъ.

Князь П. Вяземскій.

Стихотвореніе работчаю.

Не трава въ лѣсу колышется,
Не въ дубравѣ вѣтръ шумитъ;
Кличъ удалый мощный слышится
Въ бой съ врагомъ идти велитъ.

То не кречеты слетаются,
Чуя близость мертвецовъ:
Людъ рабочій ополчается
Мстить за дѣдовъ и отцовъ.

Не страшать борцовъ мученія,
Ни тюрьма, ни эшафотъ;
Полны мужества, презрѣнія
Смѣло движутся впередъ.

Такъ возстань-же сила мощная
Противъ рабства и оковъ!
Судъ чини, расправу грозную:
Зубъ за зубъ и кровь за кровь!

Западетъ пусть въ душу каждаго:
Подлость, зло съ земли стереть
Иль на трупѣ брата павшаго
За свободу умереть!

Братья! дѣло наше правое:
Смѣло въ путь идти должно;
Пусть насъ сотнями ссылаютъ;
Будь что будетъ — все равно.

Чьемъ всю жизнь прожить подъ гнетомъ,
Лучше разомъ кончить съ ней.
Жить, какъ жили мы доселѣ,
Это — жизнь межъ двухъ огней.

Пусть горитъ въ душѣ отрава!
Пусть пылаетъ правдой рѣчь!
Пусть девизомъ нашимъ будетъ:
Побѣдить — иль съ честью лечь!

Хлынемъ, братья, не робѣя,
Какъ потоки вешнихъ водъ!
Пусть для деспота со сворой
Часъ отмщенія пробьетъ!

Такъ сойдемся, братья, дружно!
Чашу братства вмѣстѣ пить,
Чтобъ надъ павшимъ монархизмомъ
Знамя равенства развить!

Въ 1876 г.

Студентамъ.

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ —
И надежды и проклятья
Съ вами братски раздѣлилъ.

Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника!

Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.

Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать,
И души одно желанье,
Какъ молитву, повторять:

Будь борьба успѣшнѣй ваша
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ!

Божій судъ.

Есть духи зла — неистовыя чада
Благословеннаго Творца;
Удѣлъ ихъ — грусть, отчаянье — отрада,
А жизнь — мученье безъ конца.

Въ великій часъ рожденія вселенной,
Когда извлекъ Всевышній перстъ
Изъ тьмы вѣковъ, эфиръ одушевленной
Для хора солнцевъ, лунъ и звѣздъ —

Когда Творецъ торжественное слово,
Въ премудрой благости, изрекъ:
„Да будетъ прахъ величія основой!“
И всталъ изъ праха человѣкъ —

Тогда, предъ нимъ свѣтлы, необозримы
Разстлались гордо небеса,
И юный міръ, какъ сынъ его любимый,
Былъ весь — волшебная краса.

И ярче звѣздъ и солнца золотаго,
Какъ іорданскія струи.
Вокругъ его, Властителя Святаго,
Вились архангеловъ рои —

И пышный сонмъ небесныхъ легіоновъ
Былъ ясенъ, святъ передъ Творцомъ,
И на скрижаль божественныхъ законовъ
Взиралъ съ потупленнымъ челомъ.

Но чистый огнь невинности покорной
Въ сынахъ безсмертія потухъ —
И грозно палъ, съ гордынею упорной,
Высокій умъ, высокій духъ.

Свершился судъ! — Могучая десница
Подъяда молніи и громъ —
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содомъ!

Съ тѣхъ поръ, враги прекраснаго созданья
Таятся горестно во мглѣ —
И мучитъ ихъ, и жжетъ безъ состраданья
Печать проклятья на челѣ.

Напрасно ждутъ, преступные, свободы:
Они противны небесамъ —
Не долетитъ въ объятія природы
Ихъ недостойный ѳиміамъ!

А. Полежаевъ.

Сѣятель.

„Изыде сѣятель сѣяти слово свое“.

Свободы сѣятель пустынной,
Я вышелъ рано до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной,
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя,
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды!
Паситесь добрые народы,
Васъ не разбудитъ чести кличь.
На что стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды,
Ярмо съ гремушкою — да бичь.

А. С. Пушкинъ.

„Тебя призвалъ на брань святую“.

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую,
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ!

Вставай страна моя родная
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ,
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная,
Туда, гдѣ землю огибая
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело,
Своихъ рабовъ онъ судитъ строго,
А на тебѣ, увы, какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной —
И всякой мерзости полна.

О, недостойная избранья,
Ты избрана —! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой.

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!

И встань потомъ вѣрна призванью
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчь,
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечемъ — то Божій мечь!

Хомяковъ.

Тоска по родинѣ.

Городъ роскоши и шума
Суеты, молвы, баловъ,
Гдѣ одна „Градская дума“
Выше каменныхъ дворцовъ,

Гдѣ всѣ весело скучаютъ,
И всегда чего то ждутъ,
Служатъ, пляшутъ иль гуляютъ —
Но житье свое клянутъ!
Петра перваго „окошко“
Съ толстой рамою двойной,
Западъ видѣнъ тамъ немножко —
А Востокъ весь за стѣной.
Коло Зима — окошко стынетъ,
Видъ въ Нѣметчину закрытъ,
Осенью — волна нахложетъ,
Лѣтомъ изъ окна сквозитъ!
А Европа — словно нищій
Не отходитъ отъ окна.
За копѣйкой или пищей
Лезетъ въ форточку она
И хоть много тамъ народу
Но — не стерпитъ ни одинъ —
Изъ окошка — прямо въ воду
И отправиться въ Штеттинъ!

Сперанскій.

Новая тюрьма.

Прохожій.

Строится, вижу, здѣсь что-то такое;
Зданіе, кажется, будетъ большое...
Что ты здѣсь строишь? Казармы? Дворецъ?
Знать любопытно: скажи молодецъ!...

Каменщикъ.

Правда, работы будетъ здѣсь не мало.
Трудное время, братъ, нынче настало.

Слышь, заропталъ нашъ рабочій народъ:
Полно работать ему на господъ!
Видно, не стало ужъ дальше терпѣнья
Молча сносить все неправды, мученья,
Вѣчно трудиться для праздныхъ гулякъ...
Думу задумалъ крестьянинъ — вахлакъ:
Хочетъ онъ самъ добывать свою долю;
Ходятъ все слухи про новую волю...
Вотъ и пошелъ, что-ль указъ отъ властей
Страху нагнать на строптивыхъ людей,
Всѣхъ, кто стоитъ за народъ, за голодный,
Жалуетъ царь нашъ тюрьмой новомодной.
Каторги мало, знать, стало ему:
Выдумалъ новую, злую тюрьму.
Важная штука — могилушка эта!
Въ ней неувидишь ни божьяго свѣта;
Стоны, рыданья лишъ гуломъ пройдутъ;
Заживо мертвымъ тебя погребутъ...
Такъ-то, землякъ! не дворецъ, не палаты —
Строимъ живому мы гробъ здѣсь проклятый,
Каменный гробъ для свободы людей,
Каменный гробъ для народныхъ друзей.
А велика! Знать не мало народу,
Стало теперь за святую свободу...
Былъ здѣсь самъ царь и молебенъ служилъ,
Самъ первый камень тюрьмы заложилъ —
Богу потомъ на колѣнкахъ молился.
Я поглядѣлъ ... и душою смутился...
Вишь кровопійцы! людей-то морятъ,
Сами о Богѣ, любви говорятъ...
А какъ подумаешь, мы то что сами?
Строимъ тюрьму мы, своими руками,
Строимъ тюрьму для себя, для самыхъ,
Да для народныхъ друзей дорогихъ...
Горька дума! болитъ ретивое!
Время то тяжкое вышло такое...
Эхъ, братъ, заѣла злодѣйка нужда!...

Прохожій.

Полно тужить, молодецъ, не бѣда!
Видимо стало: не долго намъ маяться!
Скоро придется всѣмъ хищникамъ каяться;
Скоро здѣсь буря вездѣ зареветъ;
Скоро возстанетъ рабочій народъ.
Дрогнутъ враги его, страхомъ объятые;
Рухнутъ предъ нимъ эти зданья проклятыя:
Тюрьмы, казармы, суды и дворцы....
Съ гордыхъ царей онъ сорветъ ихъ вѣнцы...
Брось-же, товарищъ, печаль и заботу:
Скоро намъ будетъ иная работа...

Каменьщикъ.

Слово ты, братъ, не пустое сказалъ;
Я ужъ давненько его поджидалъ!
Больно ужъ много народу страданья
Все не приходитъ нашъ часъ воздаянья!
Пусть онъ ударитъ: мы вмѣстѣ пойдемъ
Правду святую добыть топоромъ!

..ъ 1876 г.

„Ужъ какъ шелъ кузнецъ".

Ужъ какъ шелъ кузнецъ
Да изъ кузницы —
Слава!

Несъ кузнецъ
Три ножа —
Слава!

Первый ножъ
На бояръ, на вельможъ —
Слава!

Второй ножъ
На поповъ, на святошъ —
Слава!

А молитву сотворя,
Третій ножъ на царя —
Слава!

К. Ѳ. Рылѣевъ.

„Ужъ опять, не бывать".

Ужъ опять, не бывать
Прежней рабской доли,
Ночью, днемъ — жадно ждемъ
Мы желанной воли.

Облегчить, свободить
Насъ давно судили,
А пока — лишь бока
Наши колотили.

Ужъ опять, не бывать и т. д.

Коль путемъ и добромъ
Не дадутъ намъ воли,
Топоромъ — заберемъ
Мы свое приволье.

Ужъ опять, не бывать и т. д.

Обѣщать и не дать
Ужъ теперь не могутъ,
Не то намъ — мужикамъ
Рученьки помогутъ.

Ужъ опять, не бывать и т. д.

И плечо — горячо
Разсудится силой
И хоть разъ, да гораздъ
Хватимъ что ли вилой.

Ужъ опять, не бывать и т. д.

И съ лихвой — дружный бой
Барщинѣ отплатимъ,
Не одну голову
Барскую отхватимъ.

Ужъ опять, не бывать и т. д.

Пусть тогда — для суда
Земскіе наѣдутъ —
И по нимъ, по роднымъ
Рученьки проѣдутъ.

Ужъ опять, не бывать
Прежней рабской доли,
Ночью, днемъ — жадно ждемъ
Мы желанной воли.

Узникъ.

Не слышно шуму городского —
За невской башней тишина,
Лишь на штыкѣ у часового
Блеститъ полночная луна.

А бѣдный юноша, ровесникъ
Младымъ, цвѣтущимъ деревамъ,
Въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсню,
Передаетъ тоску волнамъ:

„Прости мой домъ, мой кровъ любезный,
Прости навѣкъ моя семья!
Здѣсь, за рѣшоткою желѣзной
Уже не свой вамъ больше я!

„Прости отецъ, прости невѣста!
Сломись вѣнчальное кольцо!
Отнынѣ здѣсь мое ужь мѣсто;
Не быть мнѣ мужемъ и отцомъ.

„Сосваталъ я себѣ неволю;
Мой жребій — слезы и тоска;
Но я молчу: такую долю
Взяла сама моя рука.

„Когда-жь наступитъ избавленье?
Когда-жь придетъ бѣдамъ конецъ?
Но есть на свѣтѣ Провидѣнье
И на святой Руси отецъ.

„О, русскій царь! въ твоей коронѣ
Есть драгоцѣннѣйшій алмазъ;
Онъ значитъ: милость есть на тронѣ.
О, русскій царь, помилуй насъ!“

Давно ужь солнце на закатѣ —
Лучъ Феба больше не сіялъ,
А бѣдный узникъ въ казематѣ
Все ту же пѣсню напѣвалъ.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Умирающіе.

(Г. Гейне.)

Солнца, счастья шелъ искать —
Нагъ и плохъ вернулся вспять.
И бѣлье, и упованья
Истаскалъ въ своемъ скитаньѣ.

Скуденъ силой, худъ лицомъ —
Но — утѣшься! близко домъ.
Какъ у матери любимой,
Сладко спать въ землѣ родимой.

А иной въ пути сталъ хромъ —
Не вернется въ отчій домъ.
Плачетъ въ горѣ безутѣшномъ —
Боже! смилуйся надъ грѣшнымъ!

Пер. М. Л. Михайловъ.

Упованіе.

Годъ 1848.

Anno cholerae morbis.

Всѣ говорятъ, что нынѣ страшно жить,
Что воздухъ зараженъ и смертью вѣетъ;
На улицу боятся выходить,
Кто встрѣтитъ гробъ — трепещетъ и блѣднѣетъ —
Я не боюсь. Я не умру. Я дней
Такъ не отдамъ. Всей жизнью человѣка
Еще дышу я, всею мыслью вѣка
Я жизненно проникнутъ до ногтей,

И впереди довольно много дѣла,
Чтобъ мысль о смерти силы не имѣла.
Что мнѣ чума? — Я слышу чуткимъ слухомъ
Со всѣхъ сторонъ знакомыя слова:
Вблизи, вдали однимъ все полно духомъ,
Всѣ воли ищутъ! — Тихо голова
Приподнялась, проходитъ сонъ упрямый
И человѣкъ на вещи смотритъ прямо.
Встревоженъ онъ. На немъ такъ много лѣтъ,
Рука преданья дряхлаго лежала,
Что страшно страшенъ новый свѣтъ сначала.
Но свыкнись узникъ! Изъ тюрьмы на свѣтъ
Когда выходятъ — взору трудно, больно,
А послѣ станетъ ясно и роздольно!

О! изъ глуши моихъ родныхъ степей
Я слышу васъ далекіе народы
И что-то бьется тутъ въ груди моей
На каждый звукъ торжественный свободы.
Мнѣ съ юга моря синяя волна
Лелѣетъ слухъ внезапнымъ колыханьемъ...
Роскошныхъ снова лѣнивая страна —
И ты полна вновь юнымъ ожиданьемъ!
Еще унылъ ave Maria гласъ
И дремлетъ вкругъ семи холмовъ поляна,
Но втайнѣ Цезарю въ послѣдній разъ
Готовиться проклятье Ватикана.
Чтожъ? Начинай! Ужъ гордый Рейнъ возсталъ.
Отъ долгихъ грезъ очнулся тихъ, но страшенъ,
Упрямо воли жаждущій вассалъ
Грозитъ остаткомъ феодальныхъ башенъ.
На западѣ какимъ-то новымъ днемъ,
Изъ хаоса корыстей величаво,
Какъ разумъ свѣтлое восходитъ право —
И нѣтъ заставъ, земля всѣмъ общій домъ.
Какъ волохъ хочу съ востока въ путь суровый
Идти и я, дабы вѣщать о томъ,
Что видѣлъ я какъ міръ родился новый!

И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тутъ
Зналъ сердцу свѣтлыхъ нѣсколько минутъ,
Еще за то, что вмѣстѣ изнывая,
Съ тобою я и плакалъ, и страдалъ,
И цѣпью насъ одною рокъ связалъ —
И ты подъ сводъ дряхлѣющаго зданья,
Въ глуши трудясь, подкапываешь взрывъ!
Что скажешь міру ты? Какой призывъ?
Не знаю я! Но всѣ твои страданья
И весь твой трудъ готовъ дѣлить съ тобой,
И вѣрю, что пробьюсь, какъ нашъ народъ родной,
Въ терпѣніи и съ твердостію многой,
На новый свѣтъ невѣдомой дорогой!

Урокъ.

(И. П. Беранже.)

На лужайкѣ дѣтскій крикъ:
Учитъ грамотѣ ребятъ
Весь сѣдой ворчунъ-старикъ,
Отставной солдатъ.
— Я согнулся, я ужъ слабъ,
А виды видалъ!
Унтеръ не былъ бы, когда-бъ
Грамотѣ не зналъ!
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

У меня-ль въ саду цвѣтокъ:
Насадилъ я каждый самъ,
И изъ тѣхъ цвѣтовъ вѣнокъ
Грамотному дамъ.

Битый, правду говоритъ
Молвь людей простыхъ —
Стоитъ двухъ, кто не былъ битъ:
Грамотѣй-троихъ.
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Митя, видишь карандашъ?
За моей слѣди рукой:
Это иже, а не нашъ;
Экой срамъ какой!
Да, прислушайте: съ полкомъ
Въ Греціи я былъ,
Въ двадцать, значитъ — а въ какомъ,
Значитъ, позабылъ.
Дружно дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ; буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Отстояли мы друзей!
Разъ, иду себѣ одинъ,
Вижу, школа для дѣтей
У воротъ Аѳинъ.
Въ школѣ учится морякъ —
Дѣтямъ не подстать:
Я взглянулъ — и какъ дуракъ
Началъ хохотать.
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Но учитель мнѣ сказалъ:
„Ты глупѣй ребенка самъ!
„Ты героя осмѣялъ,
„Страшнаго врагамъ.

„Онъ за грековъ мстилъ — предъ нeми
„Трепеталъ султанъ,
„И упалъ, сожженъ живымъ,
Вражій капитанъ".
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

„Гордость края моего —
„Онъ Канари — да!
„Въ мірѣ встрѣтили его
„Горе и нужда;
„Онъ, умѣя побѣждать,
„Сѣлъ букварь учить,
„Все за тѣмъ, чтобы опять
„Греціи служить!"
Дружно, дѣти, всѣ за разъ:
Буки-азъ! буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Весь зардѣвшись, въ сторонѣ
Я въ смущеніи стоялъ:
Но герой сжалъ руку мнѣ,
Слово мнѣ сказалъ —
Мнѣ послышался завѣтъ
Бога самаго:
„Знанье — вольность, знанье — свѣтъ;
„Рабство безъ него!"
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Пер. В. Курочкинъ.

Французамъ.

Народъ смѣявшійся надъ всѣмъ безъ исключенья,
Какъ ты въ нашъ вѣкъ смѣшно упалъ.
Къ чему вели тебя всѣ бунты, всѣ волненья?
Ты изъ огня да въ полліюса попалъ!
Гдѣ эта спорная, несчастная свобода,
Изъ-за чего свою вы проливали кровь?
Гдѣ братство, равенство, права народа.
Гдѣ ваша къ вольности любовь?
Теперь вы новому властителю такъ рады,
Вы голову предъ нимъ рѣшились преклонить.
Зачѣмъ же строили вы ваши баррикады,
Зачѣмъ же огородъ вамъ было городить?
Нѣтъ, видно не бывать утопіи на свѣтѣ,
И правду — матку говоря —
Вы не сыны отечества, вы дѣти,
Лягушки вы, просящія царя!
Давно ли президентъ казался вамъ чурбаномъ,
Давно-ль какъ надъ шутомъ смѣялись вы надъ нимъ?
И что-жъ? — Облекшись царскимъ саномъ,
Онъ цаплей сдѣлался на зло врагамъ своимъ.
А вы всѣ съежились, хвосты свои поджали,
Склѣили для него опять разбитый тронъ
И раболѣпно закричали:
Да здравствуетъ Наполеонъ!
Кричите громче! Бѣсноваться
Не въ первый разъ Французамъ безъ пути.
Наполеона вамъ новаго не дождаться,
А съ Люлю вамъ не далеко уйти.

Христосъ воскресъ.

Христосъ воскресъ! Питомецъ Ѳеба,
Дай Богъ, чтобъ, милостію неба
Разсудокъ на Руси воскресъ:
Онъ что-то кажется исчезъ.
Дай Богъ, чтобы во всей вселенной,
Воскресли миръ и тишина,
Чтобъ въ Академіи почтенной,
Воскресли члены ото сна;
Чтобъ въ наши грѣшны времена,
Воскресла чредковъ добродѣтель,
Чтобы Шихматовымъ на зло,
Воскреснулъ новый Буало,
Расколовъ, глупости свидѣтель,
А съ нимъ побольше серебра
И золота et cætera — —
Но да не будетъ воскресенья
Усопшей нрозы и стиховъ,
Да не воскреснетъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ поэтъ покойный —
И не покойный графъ Хвостовъ!
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
То есть и хладно и темно —
Что очень стыдно и грѣшно.
О Муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный кличь.
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювенала бичь.
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ,
Не безотвѣтнымъ риѳмачамъ
Готовлю язву эпиграмъ.

Миръ вамъ, несчастные поэты!
Миръ вамъ, смиренные глупцы!
А вы, ребята подлецы,
Впередъ! всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда;
Но если-же кого забуду,
Прошу напомнить, господа.
О сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ,
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать.

А. С. Пушкинъ.

„Царь нашъ Нѣмецъ прусскій".

Царь нашъ Нѣмецъ прусскій
Носитъ мундиръ узкій.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!
Царствуетъ онъ гдѣ же?
Цѣлый день въ манежѣ.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!
Прижимаетъ локти,
Забираетъ въ когти.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь,
Судьи всѣ — жандармы,
Школы всѣ — казармы.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!
Князь Волконскій — баба,
Начальникомъ штаба.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!

К. Ѳ. Рылѣевъ.

„Что буду дѣлать я?“

Что буду дѣлать я,
Скажи мнѣ, духъ —
Болитъ душа моя.
Мнѣ скучно, другъ!
Въ странѣ родной все вздоръ —
На что взгляну,
Во всемъ и грязь, и соръ
Я нахожу.
Мнѣ грезится то адъ,
То страшный судъ,
То райскій земной садъ,
То плеть и кнутъ.
Ужели на всегда
Сокрытъ тьмой свѣтъ?
Все горе, да бѣда,
А счастья нѣтъ!
Но что же счастье есть? —
Волшебный сонъ,
Пустая слава, лесть,
Иль злата звонъ?
За золото даютъ
И жизнь — и смерть,
Невинность продаютъ,
Законъ и честь.
Скажи, гдѣ мнѣ достать
Телецъ златой?
Уже-ль себя продать
Тебѣ, духъ злой?
Ты хочешь править, бѣсъ,
Моей судьбой!
Но вотъ летитъ съ небесъ
Защитникъ мой;
Отъ Бога даръ несетъ —
Мнѣ даръ святой —

И вмѣстѣ гимнъ споетъ
Творцу со мной.
И станутъ всѣ внимать
Молитвѣ той,
Лишь будешь ты дышать
Твоей злобой!

П. П...

„Что такъ вѣтеръ востъ глухо?“

На голосъ:
„То не соколы крылаты
Чуя солнышка восходъ,
Бѣлаго царя солдаты
Собираются въ походъ.“

Что такъ вѣтеръ востъ глухо,
Али воля отнята?
Нѣтъ, то плачетъ мать-старуха:
Сынъ попался въ рекрута.
Въ чужедальную неволю,
На солдатское житье —
Проклиная злую долю,
Онъ уходитъ отъ нее.

„Ты прощай моя родная,
Отъ сегодня навсегда!
Умереть тебѣ — пока я
Отслужу свои года!
Горекъ черствый хлѣбъ солдата,
И труды то тяжелы,
Да и скораго возврата,
Нѣтъ изъ царской кабалы!

Для тебя-ль, на вѣкъ отселѣ,
Все равно что умеръ я
Не въ бою — не на постелѣ
Приключится смерть моя!
Гибнуть я иду — безъ доли,
Но приказъ не исполнять,
Ни въ крестьянъ, что ищутъ воли,
Ни въ поляковъ — не стрѣлять!
Ты прощай моя старуха
Богомолица моя!
Вѣтеръ въ полѣ стонетъ глухо —
Не вернусь въ деревню я!“

Черная шаль.

(Молдавская пѣсня.)

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую Гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня!

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей!
Ко мнѣ постучался презрѣнный Еврей.

Съ тобою пируютъ — шепнулъ онъ, друзья,
Тебѣ-жъ измѣнила Гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли! — я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ Гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ —

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ —
Невѣрную дѣву лобзалъ Армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣта! булатъ загремѣлъ —
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моленья, текущую кровь —
Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

А. С. Пушкинъ.

Старая Шарманка.

По дворамъ таскалъ старикъ
Тридцать лѣтъ шарманку,
Онъ вертѣтъ ее привыкъ —
Вертитъ съ позаранку
Вплоть до полночи глупой,
На потѣху людямъ.
Той шарманки пискъ и вой
Мы не позабудемъ.
Что за музыка ей — ей
Не поймешь хоть тресни!
И всего-то было въ ней
Три плохія пѣсни:
Бога славила одна,
А царя другая;
Третья пѣла такъ шумна
Честь роднаго края.
Многихъ небыло въ ней нотъ,
Такъ что слушать гадко.
Хоть взюжитъ, брончитъ, скребетъ.
Выходило гладко.
И не то чтобъ старъ ужь такъ
Инструментъ потѣшный.
Сколотилъ его варягъ,
Сѣверякъ не здѣшній.
Имъ потомъ вертѣть пошла
Русопетовъ стая —
Что за музыка была —
Безголочь родная!
Наконецъ имъ завладѣлъ
Молодецъ — Татаринъ,
И Шарманку завертѣлъ
Мужикомъ — хоть баринъ.
Съ нею пробовалъ потомъ
И полякъ возиться —
Но ни силой, ни трудомъ
Люду не добиться.

Все фальшивила она,
Шла въ разладъ со свѣтомъ,
Инструмента-ли вина,
Мастера-ли въ этомъ?
Лѣшій самъ не разберетъ!
Вскорѣ отыскался
Для шарманки доброхотъ
И чинить принялся.
Придалъ ей онъ новый видъ
И покрой немѣцкій —
А шарманка все скрипитъ
И пищитъ по дѣтски.

Вотъ шарманкой завладѣлъ
Тотъ шарманщикъ ярый,
Повертилъ, пересмотрѣлъ:
Пѣсни больно стары.
Онъ навелъ на крышкѣ лакъ,
Починилъ снаружи,
А внутри осталось такъ,
Даже стало хуже.
Самъ онъ видѣлъ, что она
Ужъ пришла въ негодность,
Что въ ней лопнула струна,
Пѣвшая народность,
Что осипла въ ней давно
Дудка православья,
Что поправить мудрено
Хрипъ самодержавья.
„Вѣдь починка трудъ большой
А на вѣкъ мой станетъ!
Да и внутрь шарманки той
Вѣдь никто не взглянетъ!“
Такъ шарманщикъ разсудилъ —
Видно, что скотина —
И шарманку ту взвалилъ
Онъ на плечи сына.

Сынъ справляетъ день и ночь
Старую работу,
Хоть вертѣть ему не въ мочь,
Да и не въ охоту.
Въ томъ трудѣ не быть пути
Такъ и жди прорвется,
И ужь какъ ты не верти,
А чинить придется. —
Благо есть теперь досугъ
Взяться-бы за разумъ;
Хуже будетъ если вдругъ
Распадется разомъ.
Если ты подъ звукъ заснешь
Льстиваго напѣва —
Иль, забывшись, повернешь
Съ права да на лѣво.

1857 г.

Эпиграмма.

Булгаринъ — вотъ Полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ Сарматовъ кровь!
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Сильна къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ Русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Ходилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ —
Патріотическій предатель,
Разстрига, самозванецъ сей,
Уже не воинъ, а писатель,
Ужъ Русскій, къ сраму нашихъ дней.

Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И Русскихъ братствомъ запятналъ!

А. С. Пушкинъ.

„Эхъ, солдатское житье!“

На голосъ:
„Ахъ ты Феня, Феня, Феня,
Феня ягодка моя!“

Эхъ солдатское житье
Горемычное бытье!
Ай люлюшеньки люли!
Ай люлюшеньки люли!

Только тѣмъ и кавалеръ,
Что блеститъ его мундеръ.
Ай люлюшеньки — и пр.

А посмотришь за душой
И полушки нѣтъ одной.
Ай — и пр.

Всяка воля отнята!
Всяка правда заклята!
Ай — и пр.

Отъ зари и до зари
Царской службы лямку три.
Ай — и пр.

Чуть заслышишь барабанъ
Повинуйся какъ чурбанъ.
Ай — и пр.

Не доспи и не доѣшь,
Знай ученье да манежъ!
Ай — и пр.

Зябь и мокни подъ ружьемъ,
На морозѣ, подъ дождемъ,
Ай — и пр.

На ученьи день деньской
Майся словно какъ шальной.
Ай — и пр.

А въ награду опосля
Кулаки да фухтеля.
Ай — и пр.

Командеры то отцы
Только грабить молодцы.
Ай — и пр.

Отобрать солдатскій грошъ,
Да давить тебя, какъ вошь.
Ай — и пр.

Чтобъ безъ дѣла наказать,
Матюками обругать —
Ай — и пр.

Провіантомъ обдѣлить!
Да и въ рыло наровить!
Ай — и пр.

Эхъ солдатское житье
Горемычное бытье.
Ай — и пр.

Хуже каторги оно,
Очень больно, солоно!
Ай — и пр.

„Эхъ, товарищи любезны!“

На голосъ:
„Василиса, Василиса,
Не сердися на меня,
Оттого, что мы съ Борисомъ
Все узнали про тебя!“

Эхъ товарищи любезны,
Ужъ и что я вамъ спою —
Проливайте токи слезны,
Какъ и самъ я слезы лью!
Для того-ли вы отъ поля
Въ службу царскую пошли,
Чтобы тѣ, что ищутъ воли
Смерть отъ вашихъ пуль нашли!
Чтобы вы, какъ ворогъ стали
Безъ вины стрѣлять въ крестьянъ,
А они васъ проклинали,
Умираючи отъ ранъ!
Чтобы честный штыкъ солдата
Проникалъ — не въ вражью грудь,
А отца порой иль брата
Отправлялъ въ смертельный путь!

Чтобъ на родинѣ любезной
Исчезала къ вамъ любовь,
И повсюду, какъ подъ Бездной,
Пролилась честная кровь!
Чтобъ повсюду, гдѣ крестьянинъ
Настоящей воли ждетъ,
Командиры — ихъ тиранъ —
Васъ травили на народъ,
И съ нахальною отвагой
Заставляли васъ стрѣлять,
Наказаньемъ и присягой
Васъ съумѣвши запугать.
Командирамъ злымъ не вѣрьте,
И присяги нѣтъ такой,
Чтобъ своихъ-же бить до смерти
Пулей штуцерной, шальной!
И честнѣй — подъ наказаньемъ
Самымъ тяжкимъ — умирать —
Чѣмъ по злому приказанью
Въ горемыкъ-крестьянъ стрѣлять.

Прощаніе.

(И. П. Беранже.)

Мудрость, вѣщая Сивилла,
Ужь не разъ мнѣ говорила:
Пѣвцу пора домой;
Вотъ твой посохъ, понемногу
Собирайся въ путь — дорогу,
Пѣснь послѣднюю пропой;
И, простившись съ бѣлымъ свѣтомъ,
Уходи къ своимъ лизетамъ,
На свиданье, въ край иной.

Чокнемся звучнѣй
Чашами прощанья!
Друзья, веселѣй!
Братья, до свиданья!
И — пошелъ живѣй!

Мудрость снова шепчетъ строго:
Тяжелыхъ лѣтъ слишкомъ-много;
Разсчитаться срокъ насталъ.
Небо въ тучахъ почернѣло,
Солнце жизни тихо сѣло —
Здѣсь послѣдній твой привалъ.
Шагъ не твердый увлеченья —
И смотри, чтобъ безъ движенья
На постель ты не упалъ.

Чокнемся звучнѣй
Чашами прощанья!
Друзья, веселѣй!
Братья, до свиданья!
И — пошелъ живѣй!

Я спокоенъ, умирая:
Міръ — квартира дорогая.
Мой укромный уголокъ,
Какъ онъ ни былъ малъ и тѣсенъ,
Я купилъ цѣною пѣсенъ —
И расплачивался въ срокъ;
Жатву снявъ въ поляхъ и нивахъ,
Я изъ грезъ своихъ счастливыхъ.
Не одинъ имъ сплелъ вѣнокъ.

Чокнемся звучнѣй
Чашами прощанья!
Друзья, веселѣй!
Братья, до свиданья!
И — пошелъ живѣй!

Изъ всего, чѣмъ сердце жило,
Память сердца сохранила
Только милыя черты,
Нѣжный взоръ, да смѣхъ лукавый —
Нѣтъ дѣйствительнѣе славы
Обаянье красоты!
На одрѣ моихъ страданій
Тѣни милыхъ мнѣ созданій
Будятъ свѣтлыя мечты.

Чокнемся звучнѣй
Чашами прощанья!
Друзья, веселѣй!
Братья, до свиданья!
И — пошелъ живѣй!

Что въ лазури мнѣ прозрачной?
Что въ пучинѣ этой мрачной,
Что волной о скалы бьетъ?
Въ сердцѣ смолкъ отвѣтъ движенью;
Все — иному поколѣнью!
Все — для юности цвѣтетъ!
А для жившихъ наши лѣта
Эта грязная планета
Только кровью отдаетъ.

Чокнемся звучнѣй
Чашами прощанья!
Друзья, веселѣй!
Братья, до свиданья!
И — пошелъ, живѣй!

Не горюй, друзья, прощаясь;
Небо падаетъ, склонясь
Надъ моею головой —
И ужъ ясно видѣть стало,
Что наличныхъ слишкомъ-мало

Кошелекъ содержитъ мой.
Но я полонъ упованья
Повторить вамъ: „до свиданья.“
Миновавъ предѣлъ земной.

Чокнемся звучнѣй
Чашами прощанья!
Друзья, веселѣй!
Братья, до свиданья!
И — пошелъ, живѣй!

Пер. В. Курочкинъ.

Библиотека
Академии

Конецъ.

ВЕЙМАРЪ:
въ типографіи
Ушмана и Вагнера.

WEIMAR:
Druck von
Uschmann & Wagner.